

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Рэдакцыйная калегія

Галоўны рэдактар
А. М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара
С. А. Марзан

Адказны рэдактар
Г. У. Клімовіч

Н. А. Антановіч (Беларусь)
С. П. Анупрыенка (Беларусь)
В. М. Ватыль (Беларусь)
М. М. Громаў (Расія)
А. М. Грыгаровіч (Беларусь)
А. М. Данілаў (Беларусь)
І. А. Дзенісенка (Украіна)
В. М. Камнеў (Расія)
Ч. С. Кірвель (Беларусь)
Г. У. Клімовіч (Беларусь)
П. П. Крус (Беларусь)
Б. М. Ляпешка (Беларусь)
Я. Мірановіч (Польшча)
Д. Г. Ротман (Беларусь)
А. В. Самылаў (Расія)
Я. У. Скакун (Беларусь)
М. М. Чурылаў (Украіна)
Э. Ярмах (Польшча)
Я. С. Яскевіч (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 2 / 2022

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 28.01.2022 № 14
(са змяненнямі, унесенымі загадам ВАК ад 20.09.2022 № 369)
часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў у 2022 г.
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

◇ ◇ ◇

У адпаведнасці з дагаворам паміж установай адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»
і ТАА «Навуковая электронная бібліятэка» (ліцэнзійны дагавор
№ 457-11/2020 ад 03.11.2020) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія»
размяшчаецца на платформе eLIBRARY.RU
і ўключаны ў Расійскі індэкс навуковага цытавання (РІНЦ)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Габинская А. А. Информационная антропология: парадокс развития современного человека	5
Зайцев Д. М. Паломничество бахаи: истоки, традиция, особенности	12
Комисарук С. М. Проблема профанации символов в обществе: философский анализ	20
Лепешко Б. М. Методы исторического исследования: от теории к практике	28
Лысюк А. И., Соколовская М. Г. Фридрих Ницше о женском призвании	36
Люкевіч У. П. Футбол як сацыякультурны феномен: філасофскі і сацыялагічны аспекты	44
Наумов Д. И. Постсоветские социальные трансформации как предмет социально-философского исследования	54
Шатерник М. Г. Этико-философские характеристики морального дискурса	64

ПАЛІТАЛОГІЯ

Бровка Г. М. Влияние цифровой трансформации на государственную политику и стратегию управления в системе «инновационное развитие – инновационная безопасность»	73
Белявцева Д. В., Пономарев Д. А. Механизмы поддержания баланса центра и регионов в Российской Федерации	83
Драгун Д. В. Радикальный исламизм в дискурсе современного политического знания	92
Цзян Юймэн. Миротворческие операции ООН во внешней политике Китая	99

САЦЫЯЛОГІЯ

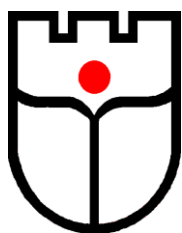
Ананьев В. Л. Ценностные установки молодых инвалидов как фактор формирования стратегии их социальной реабилитации	107
Денискина А. И. Адаптация работников старшего поколения к цифровизации рынка труда в Беларуси: социальные риски и возможности их преодоления	115
Сугак В. К. Роль и оценка эффектов внедрения искусственного интеллекта в социальной сфере: кейс-метод	123
Сухотский Н. Н. Установки и ценности современной белорусской молодежи	130
Титаренко Л. Г. Цифровые методы обучения в условиях пандемии в оценке преподавателей и студентов	137

АСОБА

Климович А. В., Степанович В. А. Он был философ и поэт	144
--	-----

ХРОНІКА НАВУКОВАГА ЖЫЦЦЯ

Никонович Н. А. Феноменология мифа и религии М. Элиаде и тенденции развития современного религиоведения	149
--	-----

Vesnik

of Brest University

Editorial Board

Editor-in-chief
A. M. Sender

Deputy editor-in-chief
S. A. Marzan

Managing Editor
H. U. Klimovich

N. A. Antanovich (Belarus)
S. P. Anupryjenka (Belarus)
V. M. Vatył (Belarus)
M. M. Gromau (Russia)
A. N. Grygarovich (Belarus)
A. M. Danilau (Belarus)
I. A. Dzenisenka (Ukraine)
V. M. Kamneu (Russia)
C. S. Kirvel (Belarus)
H. U. Klimovich (Belarus)
P. P. Krus (Belarus)
B. M. Lyapeshka (Belarus)
J. Miranovich (Poland)
D. G. Rotman (Belarus)
A. V. Samylau (Russia)
E. Y. Skakun (Belarus)
M. M. Churylau (Ukraine)
E. Yarmakch (Poland)
Ya. S. Yaskevich (Belarus)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
21, Kosmonavtov Boulevard
tel.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued twice a year

Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 2 / 2022

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 nr 94 as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from September 20, 2022 nr 363 (with the amendments made by the order of Supreme Certification Commission from February 07, 2022 nr 25) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in 2022 in philosophical, political and social sciences

◇ ◇ ◇

According to the agreement
between Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University» and Pvt Ltd «Scientific Electronic Library» (licence contract № 457-11/2020 from 03.11.2020) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» is placed on the platform eLIBRARY.RU and included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

CONTENTS

PHILOSOPHY

Alla Habinskaya. Information Anthropology: the Paradox of the Development of Modern Man	5
Dmitry Zaitsev. Bahai Pilgrims: Origins, Tradition, Teatures	12
Svetlana Komisaruk. The Problem of Profanation of Symbols in Society: Philosophical Analysis.....	20
Boris Lepeshko. Historical Research Methods: from Theory to Practice	28
Anatolij Lysiuk, Maria Sokolovskaja. Friedrich Nietzsche about Feminine Vocation	36
Uladzimier Lukievic. Football as a Sociocultural Phenomenon: Philosophical and Sociological Aspects.....	44
Dmitry Naumov. Post-Soviet Social Transformations as a Subject of Socio-Philosophical Research.....	54
Mikhail Shatsernik. Ethical and Philosophical Characteristics of Moral Discourse.....	64

POLITOLOGY

Genady Brovka. The Impact of Digital Transformation on Public Policy and Management Strategy in the System «Innovative Development – Innovative Security»	73
Dzina Bialiautsava, Daniil Ponomarev. Mechanisms for Supporting the Balance of the Center and the Regions in the Russian Federation	83
Dmitry Dragun. Radical Islamism in the Discourse of Modern Political Knowledge	92
JiangYumeng. UN Peacekeeping Operations In China’s Foreign Policy	99

SOCIOLOGY

Valery Ananiev. Value Attitudes of Young Disabled People as a Factor in the Formation of Their Social Rehabilitation Strategy	107
Anna Deniskina. Adaptation of Older Workers to Digitalization Labor Market in Belarus: Social Risks and Opportunities to Overcome Them	115
Vadim Sugak. The Role of Artificial Intelligence and Implementation Effects in Social Sphere: Case Method ...	123
Nikolai Sukhotsky. Attitudes and Values of Modern Belarusian Youth	130
Larissa Titarenko. Digital Methods of Education during the Pandemic Evaluated by the Students and Professors.....	137

PERSONALITY

Anna Klimovich, Vasilij Stepanovich He was a Philosopher and a Poet	144
--	-----

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Nina Nikonovich Phenomenology of Myth and Religion by M. Eliade and Trends in the Development of Modern Religious Studies.....	149
--	-----

ФІЛАСОФІЯ

УДК 004.002

Алла Александровна Габинская

*канд. филос. наук, зав. каф. психолого-педагогического сопровождения образования
Гродненского областного института развития образования*

Alla Habinskaya

*PhD in Philosophical Sciences, Head of the Department of Psychological and Pedagogical Support
of the Grodno Regional Institute of Education Development*

e-mail: alla.gabinskaya@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПАРАДОКС РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

На основе современных исследований влияния интернет-технологий на общественное сознание актуализируется проблема развития информационной антропологии – нового самостоятельного научного междисциплинарного направления. Рассмотрены новые качества и свойства человека, его связи и взаимодействие с информационной реальностью. Проанализировано негативное влияние интернет-технологий на формирование мотивационно-ценностных и морально-нравственных установок современного человека. Акцентируется внимание на существующих интернет-рисках и необходимости информационно-психологической защиты личности и сохранения природы человека.

Ключевые слова: виртуальная личность, виртуальная реальность, информационная антропология, информационные технологии, информационно-психологическая безопасность, интернет-риски.

Information Anthropology: the Paradox of the Development of Modern Man

Based on modern studies of the influence of Internet technologies on public consciousness, the problem of the development of information anthropology is updated – a new independent scientific interdisciplinary direction. The new qualities and properties of a person, his connection and interaction with information reality are considered. The negative impact of Internet technologies on the formation of the motivational-value and moral and moral attitudes of modern man is analyzed. Attention is focused on existing Internet risks and the need for information and psychological protection of the individual and the preservation of human nature.

Key words: virtual personality, information environment, information technology, motivation, successful learning, digitalization of education, digital generation.

Введение

Развитие информационной антропологии представляет собой достаточно сложную и актуальную проблему. Впервые значимость развития информационной антропологии обозначил академик К. Колин, который высказал мнение о том, что на современном этапе общественного развития следует серьезно изучать информационную антропологию как совершенно новое самостоятельное направление междисциплинарного характера. По мнению автора, основу данного научного направления должен составлять анализ онтологических последствий функционирования физического тела человека, структуры головного мозга, а также изменений во внутреннем его мире под воздействием электронных устройств, создаваемых на основе достижений в области нано- и микротехнологий [1, с. 18].

Известный футуролог Э. Тоффлер еще в 80-х гг. прошлого века, предвосхищая ближайшее будущее, предупреждал, что надвигающаяся третья информационная волна существенно изменит внутренний мир человека и его поведение. Последнее неизбежно приведет к формированию личности совершенно нового типа – информационно адаптированной, отличающейся естественным включением в информационные процессы, способностью к адекватному восприятию полученной информации и настроенностью на эффективное ее использование в своей деятельности [2, с. 271–272].

Проникая во все сферы жизнедеятельности общества, информационные технологии активизируют эффективное использование документированной, систематизированной информации в различных системах (базы данных, информационная поддержка научных исследований, информационное мо-

делирование глобальных процессов, космический информационный мониторинг и т. д.). Кроме того, информационные технологии воздействуют на сознание и жизнедеятельность современного человека, что, в свою очередь, актуализирует проблему полного погружения человека в новую информационную реальность, которая существенно меняет его внутренний мир и поведение.

В настоящее время необходимо скрупулезно изучать новые качества, свойства и связи человека, которые возникают в результате его взаимодействия с информационной средой. Причем это касается не только природных, но и приобретенных способностей человека работать с информацией (добывать, хранить, кодировать и транслировать информацию в различных формах). Ведь информация – это не только практика общения индивида с окружающим миром, но и часть сознания, позволяющая человеку решать различного рода задачи (познавательные, жизненные, социальные, образовательные, профессиональные и т. д.) и тем самым адаптироваться к окружающей действительности.

Для изучения природы человека как сложной, саморегулирующейся, многофункциональной системы необходим комплексный подход, включающий исследования междисциплинарного характера, раскрывающий особенности жизнедеятельности современного человека. Увы, в современной научной литературе содержательному наполнению информационной антропологии уделяется недостаточное внимание. Работы по данной проблематике носят обзорный, поверхностный характер. Кроме того, информационная антропология не имеет достаточно четкой структуры, а также не выяснено ее место в системе современной науки. Тем не менее существуют работы, в которых исследуется влияние новых информационных технологий на развитие современного общества. Некоторые авторы (А. Белл, Э. Ласло, М. Маклюэн, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Тоффлер, Е. А. Шаповалова и др.) рассматривают информационные технологии в качестве определяющего фактора общественного развития. Другие исследователи (Г. Ворган, С. А. Дементьев, Н. Б. Кириллова, В. Е. Лепский, Н. В. Нарыков, Н. Б. Мечковская, С. Ю. Мохова, Г. Смолл, М. В. Чемоданова и другие) изучают особенности ста-

новления и функционирования информационной реальности, ключевым компонентом которой является возможность взаимодействия человека с искусственной средой.

В работах К. К. Колина, Д. В. Матвиенко, Н. Б. Мечковской, А. Нариньяни, Ю. В. Шичаниной, посвященных изучению информационных аспектов природы человека, сформулированы основные задачи и направления информационной антропологии как нового научного направления [1; 3–6]. Но следует подчеркнуть, что, несмотря на свои достоинства, исследования, посвященные изучению феномена информационной антропологии, в настоящее время лишены серьезного философского обоснования. Вероятнее всего, это объяснимо с позиций постоянного роста влияния информационных технологий на способ существования человека, а также тем обстоятельством, что современное общество разделилось на две группы: сторонников цифровизации сфер жизнедеятельности общества и бурных противников данного процесса. Кроме того, практически не обращается внимание на нейрофизиологические механизмы воздействия цифровых технологий и способы защиты сознания человека от негативного влияния данных технологий.

Тем не менее характер взаимодействия человека с информационной реальностью в настоящее время можно охарактеризовать как поливекторный и многоаспектный. Информационный актор влияет на все сферы жизнедеятельности общества и тем самым трансформирует социальную реальность. Уже нет необходимости доказывать, что информационные технологии влияют на макроэкономические процессы (особую значимость представляют работы Д. Макфаддена и Дж. Хекмана, выдвинувших теорию потребительского поведения), политические процессы. А под влиянием интернет-технологий меняются не только модели поведения, ценностные ориентации человека, его предпочтения. Тотальное включение личности в информационные процессы, остро ставит вопрос о предотвращении информационно-психологических угроз.

Основная часть

Информационная среда видоизменяет природу человека, а также придает человеку новые смыслы его существования. В свя-

зи с этим актуальным становится изучение психологических, социокультурных проблем человека в киберпространстве, формирования его внутреннего мира и индивидуальности, духовно-нравственных ценностей, этических принципов и императивов. «Человек в информационной среде современного общества понимается как информационное существо. Основное отношение уже обозначено: современный человек как Homo Informaticus есть элементарная часть информационного универсума современного общества, причем общества, понимаемого как описываемого с помощью традиционного понятийного аппарата, так и общества виртуального, представляемого информационными фантомами, симулякрами, информационными дубликатами реальности, цифровыми явлениями и прочими информационными формами виртуальной реальности», – пишут Н. В. Нарыков и С. А. Дементьев [7, с. 124].

Попадая в психосоциокультурное пространство человека, интернет-технологии закладывают формирование потребностей, интересов, взглядов, ценностных установок личности. Как замечает исследователь общей эволюции, философ Э. Ласло: «Насущной проблемой для нашего поколения является создание нового образа мышления, новых оценок и нового образа жизни, способных регулировать глобальную социально-экономическую и экологическую систему до того, как напряжение в ней станет критическим. В отличие от природных регуляторных механизмов, закодированных генетически и автоматически приводимых в действие всякий раз, когда оказываются превзойденными некоторые пороги устойчивости, регуляторные механизмы человеческого общества зависимы от ценностей и взглядов живущих поколений. Культурно закодированные механизмы развиваются быстрее, чем генетически закодированные, но и устаревают они также быстрее» [8, с. 10].

Современные исследования в области физиологии человека, находящейся под воздействием новейших информационных технологий, обнаруживают, что происходят изменения не только в структуре головного мозга, но и появляется принципиально новый тип мышления, затрагивающий психосоциальные факторы. Наиболее ярко эти изменения проявляются у подрастающего по-

коления, которое с рождения тесно взаимодействует с киберпространством. Не беспочвенно К. Колин пишет о том, что в ближайшем будущем посредством тесного сращивания человека с киберсредой вполне может возникнуть совершенно другой вид человека – Электронный Человек (e-Homo) [9, с. 35]. Схожего мнения придерживается исследователь искусственного интеллекта, академик А. Нариньяни, который пишет о том, что, «объединившись с компьютером, мобильник скоро дорастет до статуса нашего e-Партнера, превращающегося в нашу пожизненную e-Тень. В пределе такого симбиоза к середине века e-НОМО с рождения и до старости будет находиться в своего рода личном ИТ-коконе, который станет его воспитателем, расширением и продолжением, его Alter Ego, помогающим в развитии и развивающимся вместе с ним» [5, с. 52].

В результате конвергенции индивида с техникой возникает гибрид человеческого и технологического. При этом, с одной стороны, благодаря возможностям интернет-технологий граница между киберсредой и индивидом стирается, а с другой стороны, актуализируется проблема идентификации личности человека. Не беспочвенно в научных кругах говорят о метафоре «расщепленный человек в расщепленном мире», которая в обозримом будущем из потенциального состояния может воплотиться в реальность. В свою очередь, длительное пребывание индивида в виртуальной среде создает эффект дереализации. И несмотря на то что виртуальная реальность – это самостоятельная и не тождественная действительной реальности субстанция, здесь человек перестает различать онлайн-реальность и офлайн-реальность. Такое состояние раздвоения целостности индивида, который одновременно находится в реальном и виртуальном пространствах, а также «новейшие технологические разработки позволяют сделать пребывание в виртуальной реальности настолько доступным и притягательным, что реальный мир с его несовершенством, проблемами и тревогами начинает сдавать свои позиции симулятивному фантазмагорическому миру, где место социальности занимает симуляция» [10, с. 64].

Процесс расщепления тела и сознания индивида приводит к феномену «развеществления». Получая новое развеществлен-

ное тело (симулякр), личность обретает свойство раздвоенности, при котором подобие физического тела находится в киберпространстве. При этом способности, свойства человека, а также результаты его деятельности становятся ему чуждыми.

Необходимо понимать, что виртуальность далека от реальности. Исследования показывают, что активное взаимодействие современного человека с интернет-пространством привело к созданию искусственно конструируемой, дополненной или альтернативной реальности, которая позволяет субъекту (пользователю) отдаленно взаимодействовать с объектами киберпространства. В настоящее время благодаря технологиям дополненной реальности (VR) взаимодействие человека с цифровым миром перешло на совершенно иной уровень. Особенно перспективными с экономической точки зрения являются продукты на основе данных технологий в сфере здравоохранения, потребительских сервисов, образовательного сегмента, туризма, киноиндустрии, дизайна, промышленного и военного производства.

Дополненная реальность, являясь сложной комплексной технологией, позволяет индивиду при использовании специализированных устройств (очков, шлемов или иной формы проецирования графики) целиком погрузиться в искусственный мир. При этом человек, как бы наблюдая за окружающей действительностью со стороны, выключается из реального бытия. Это приводит не только к виртуальному эскапизму, но и к трансформациям в сознании. Более того, существенно снижаются свойства личности думать, рефлексировать, осознавать. «Главное, что характеризует человека мыслящего, – это не только возможность совершения поступков, это осмысленность и осознанность его поступков, что и дает право человеку называться личностью. Но, попадая в виртуальное пространство, личность трансформируется в виртуальную, она сливается с тем способом бытия, с которым вступает в диалог, а также все внутренние социальные связи приобретают характер того измерения, в котором происходит общение», – пишет Д. Д. Капустин [11].

Расширяя рамки дозволенного и недозволенного, виртуальная реальность в режиме реального времени позволяет челове-

ку примерять разные виртуальные образы, проживать «анонимную жизнь». При этом происходит конструирование аспектов нового виртуального «я», обладающего новым набором качеств и характеристик. Очевидно, что интернет-пространство, с одной стороны, дает широкие возможности человеку для раскрытия своего личностного потенциала. С другой стороны, интернет-пространство, является площадкой для проигрывания ролей и переживания тех эмоций, которые оказываются в какой-то степени фрустрированными в реальной жизни.

Важно отметить и то, что в контексте возрастания искусственности человека актуализируются темы обезличивания, трансформации идентичности в структуре интегральной индивидуальности человека. Так, в процессе создания в киберпространстве себе цифрового двойника (копия реального физического тела человека) трансформируются внутренние качества человека (воля, страх, любовь и т. д.). С. Ю. Мохова пишет, что степень влияния интернет-технологий на формирование мотивационно-ценностных и морально-нравственных установок индивида неукоснительно увеличивается [12]. В. Е. Лепский отмечает, что «негативные информационно-психологические воздействия – это, прежде всего, манипулятивные воздействия на личность, на ее представления и эмоционально-волевую сферу, на групповое и массовое сознание, инструмент психологического давления с целью явного или скрытого побуждения субъектов к действиям в ущерб собственным интересам в интересах отдельных лиц, групп или организаций, осуществляющих эти воздействия» [13, с. 233]. М. В. Чемоданова говорит, что компьютер воздействует на речемыслительную и коммуникативную активность человека: «Возникает необходимость не столько защиты индивида от физических угроз, сколько защиты личности, т. е. индивида, как субъекта социальных отношений и его психологической безопасности, психического благополучия и способности адекватно воспринимать окружающую действительность» [14, с. 99].

Информационная перегрузка сознания человека приводит к изменениям в его поведении (повышенная тревожность, выражающаяся в том, что человек не может самостоятельно справиться с информаци-

ной перегруженностью; утрачивается навык живого общения, т. к. само общение теряет теплоту и эмпатию).

В процессе поиска мозгом нужной информации в киберпространстве возникает иллюзия его полноценной работы, но в действительности страдает интеллект. Не без оснований в общественных кругах все чаще стал подниматься вопрос цифрового слабоумия, или «цифровой деменции» («digital dementia»), – современный диагноз, означающий нарушение в эмоциональной сфере, памяти, поведении человека, а также поражение отдельных участков мозга вследствие отрицательного воздействия цифровых технологий.

Последствия цифрового аутизма и цифрового слабоумия представляют опасность уже не для отдельного человека, а для всего человечества. Ведь до недавнего времени радикальных изменений в природе человека не происходило, но в последние десятилетия на примере цифрового поколения можно заметить, что его мозг не может переработать огромное количество информации и его мыслительная деятельность существенно изменилась. С увеличением объемов поступающей к человеку информации уменьшается эффективность ее обработки. Несмотря на то что индивид может упорядочивать информацию, формируется совершенно новый тип мышления, в котором утрачивается способность логически мыслить. Более того, развивается клиповое мышление, не дающее возможности сконцентрироваться на одном объекте. Последнее приводит не только к нарушению абстрактного мышления. В процессе быстрого, поверхностного сканирования информации постепенно теряется навык длительной концентрации на определенном объекте; на-

чинает пропадать навык ментального конструирования смыслов и логических схем. Другими словами, мышление становится иным – примитивным, не способным к полноценной рефлексии. Как говорится, «Интернет учит человека искать, а не думать».

Заключение

Стремительно развивающиеся цифровые технологии стали неотъемлемой частью современного общества, что, в свою очередь, вызвало интерес научной общественности к последствиям социокультурной трансформации современной реальности. В настоящее время необходимо изучать новые качества и свойства человека, его связи и взаимодействия с информационной реальностью. С другой стороны, информационно-коммуникационные технологии, имея детерминирующий характер, в последние годы стали приобретать характер все большего господства над сознанием и поведением человека. В связи с этим на первый план выдвигаются проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности и сохранения природы человека. Под природой человека, как правило, рассматриваются достаточно устойчивые и неизменные черты и свойства человека, выработанные в течение совместной социально-культурной и биологической эволюции.

Для того чтобы адекватно реагировать на нечеловечески огромный прирост информации, а также эффективно ее использовать на благо развития общества, необходимо минимизировать риски и угрозы в современном информационном пространстве. Не менее важно и осознание значимости формирования информационной культуры для современного человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колин К. К. Информационная антропология: поколение Next и угроза психологического расслоения человечества в информационном обществе / К. К. Колин // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2011. – № 4 (28). – С. 32–36.
2. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2010. – 795 с.
3. Матвиенко, Д. В. Информационная культурология и информационная антропология как новые научные направления / Д. В. Матвиенко // Культур. жизнь Юга России. – 2008. – № 3. – С. 6–8.
4. Мечковская, Н. Б. Человек в Интернете: психологические тренды и риски [Электронный ресурс] / Н. Б. Мечковская. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/115874/1/%d0%9c%d0%95%d0%a7%d0%9a%d0%9e%d0%92%d0%a1%d0%9a%d0%90%d0%af%3d%-%d0%9e%d0%9b%d0%9a%d0%9c%d0%95%d0%9e%d0%92%d0%9b>

d0%a7%d0%95%d0%9b%d0%9e%d0%92%d0%95%d0%9a%20%20%d0%92%20%20%d0%98%d0%9d%d0%a2%d0%95%d0%a0%d0%9d%d0%95%d0%a2%d0%95.pdf. – Дата доступа: 21.02.2022.

5. Нариньяни, А. С. Е-НОМО – два в одном (Homo Sapiens в ближайшей перспективе) / А. С. Нариньяни // Открытое образование. – 2005. – № 2 (49). – С. 51–61.

6. Шичанина, Ю. В. Основные тенденции информационной антропологии [Электронный ресурс] / Ю. В. Шичанина. – Режим доступа: file:///C:/Users/User/Downloads/Information_anthropology_Shichanina.pdf.pdf. – Дата доступа: 12.01.2022.

7. Нарыков, Н. В. Человек в информационной среде современного общества: амбивалентность природы и сущности информационного человека / Н. В. Нарыков, С. А. Дементьев // Философия права. – 2017. – № 1 (80). – С. 123–127.

8. Ласло, Э. Век бифуркации: постижение изменяющегося мира / Э. Ласло // Путь. – 1995. – № 1. – С. 3–129.

9. Колин, К. К. Информационная антропология – наука для будущего: предмет и задачи нового направления в науке и образовании / К. К. Колин // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. – 2011. – № 17. – С. 17–21.

10. Бондаренко, Т. А. «Бегство» в мир Интернета / Т. А. Бондаренко С. Н. Яременко // Вестн. Дон. гос. техн. ун-та. – 2012. – № 2 (63), вып. 1. – С. 60–66.

11. Капустин, Д. Д. Философское осмысление телесности в современном информационном обществе [Электронный ресурс] / Д. Д. Капустин. – Режим доступа: <https://izron.ru/articles/obshchestvennye-nauki-voprosy-i-tendentsii-razvitiya-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodn/sektsiya-26-sotsialnaya-filosofiya-spetsialnost-09-00-11/filosofskoe-osmyslenie-telesnosti-v-sovremennom-informatsionnom-obshchestve/>. – Дата доступа: 21.07.2021.

12. Мохова, С. Ю. Идентичность и идентификация как составляющие информационно-психологической безопасности / С. Ю. Мохова // Учен. зап. Забайк. гос. ун-та. Сер.: Педагогика и психология. – 2013. – № 5 (52). – С. 86–90.

13. Лепский, В. Е. Информационно-психологическая безопасность субъектов дипломатической деятельности / В. Е. Лепский // Дипломат. ежегодник – 2002 : сб. ст. – М. : Нау. кн., 2003. – С. 233–248.

14. Чемоданова, М. В. Проблема информационно-психологической безопасности личности в современных психологических исследованиях / М. В. Чемоданова // Вестн. Марийс. гос. ун-та. – 2017. – Т. 11, № 4 (28). – С. 98–104.

REFERENCES

1. Kolin K. K. Informacionnaja antropologija: pokolienije Next i ugroza psihologichieskogo rasslojenija chieloviechiestva v informacionnom obshchiestvie / K. K. Kolin // Viestn. Chieliab. gos. akad. kul'tury i iskusstv. – 2011. – № 4 (28). – S. 32–36.

2. Tofflier, E. Triet'ja volna / E. Tofflier. – M. : AST, 2010. – 795 s.

3. Matvijenko, D. V. Informacionnaja kul'turologija i informacionnaja antropologija kak novyje nauchnyje napravlienija / D. V. Matvijenko // Kul'tur. zhizn' Juga Rossii. – 2008. – № 3. – S. 6–8.

4. Miechkovskaja, N. B. Chieloviek v Internetie: psihologichieskije trendy i riski [Elietronnyj riesurs] / N. B. Miechkovskaja. – Riezhim dostupa: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/115874/-1/%d0%9c%d0%95%d0%a7%d0%9a%d0%9e%d0%92%d0%a1%d0%9a%d0%90%d0%af%3d%d0%a7%d0%95%d0%9b%d0%9e%d0%92%d0%95%d0%9a%20%20%d0%92%20%20%d0%98%d0%9d%d0%a2%d0%95%d0%a0%d0%9d%d0%95%d0%a2%d0%95.pdf>. – Data dostupa: 21.02.2022.

5. Narin'jani, A. S. E-НОМО – два в одном (Homo Sapiens v blizhajshej pierspiektivie) / A. S. Narin'jani // Otkrytoje obrazovanie. – 2005. – № 2 (49). – S. 51–61.

6. Shichianina, Yu. V. Osnovnyje tendencii informacionnoj antropologii [Elietronnyj riesurs] / Yu. V. Shichianina. – Riezhim dostupa: file:///C:/Users/User/Downloads/Information_anthropology_Shichanina.pdf.pdf. – Data dostupa: 12.01.2022.

7. Narykov, N. V. Chieloviek v informacionnoj sriedie sovriemiennogo obshchiestva: ambivalentnost' prirody i sushchnosti informacionnogo chielovieka / N. V. Narykov, S. A. Diemient'jev // Filosofija prava. – 2017. – № 1 (80). – S. 123–127.

8. Laslo, E. Viek bifurkacii: postizhenije izmieniajushchiegosia mira / E. Laslo // Put'. – 1995. – № 1. – S. 3–129.
9. Kolin, K. K. Informacionnaja antropologija – nauka dlja budushchiego: priedmet i zadachi novogo napravlenija v nauke i obrazovanii / K. K. Kolin // Viestn. Kiemier. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2011. – № 17. – S. 17–21.
10. Bondarienko, T. A. «Biegstvo» v mir Interneta / T. A. Bondarienko, S. N. Yariomienko // Viestn. Don. gos. tiekhn. un-ta. – 2012. – № 2 (63), vyp. 1. – S. 60–66.
11. Kapustin, D. D. Filosofskoje osmyslenie tieliesnosti v sovremennom informacionnom obshchestvie [Elektronnyj riesurs] / D. D. Kapustin. – Riezhim dostupa: <https://izron.ru/articles/-obshchestvennye-nauki-voprosy-i-tendentsii-razvitiya-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodn/sektsiya-26-sotsialnaya-filosofiya-spetsialnost-09-00-11/filosofskoe-osmyslenie-telesnosti-v-sovremennom-informatsionnom-obshchestve/>. – Data dostupa: 21.07.2021.
12. Mokhova, S. Yu. Identichnost' i identifikacija kak sostavljajushchije informacionno-psihologichieskoj bezopasnosti / S. Yu. Mokhova // Uchion. zap. Zabajkal. gos. un-ta. Sier.: Piedagogika i psikhologija. – 2013. – № 5 (52). – S. 86–90.
13. Liepskiy, V. Ye. Informacionno-psihologichieskaja bezopasnost' subjektov diplomati-chieskoj dejatel'nosti / V. Ye. Liepskiy // Diplomat. ezhegodnik – 2002 : sb. st. – M. : Nauch. kn., 2003. – S. 233–248.
14. Chiemodanova, M. V. Problema informacionno-psihologichieskoj bezopasnosti lichnosti v sovremiennykh psihologichieskikh issledovanijakh / M. V. Chiemodanova // Viestn. Marijs. gos. un-ta. – 2017. – T. 11, № 4 (28). – S. 98–104.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 08.09.2022

УДК 297.17 (091)

Дмитрий Михайлович Зайцевканд. филос. наук, доц., проф. каф. гуманитарных наук
Белорусской государственной академии связи**Dmitry Zaitsev**Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Humanities
of the Belarusian State Academy of Communications

e-mail: mdizaj@tut.by

ПАЛОМНИЧЕСТВО БАХАИ: ИСТОКИ, ТРАДИЦИЯ, ОСОБЕННОСТИ

Рассматриваются поклонение и обряды бахаи – представителей монотеистической религии, возникшей в Иране только в XIX в., но распространившейся по всему миру и насчитывающей более пяти миллионов последователей. Анализируются вопросы возникновения и развития этих явлений. Многочисленные примеры показывают разнообразие и важность паломничества, системы обрядов и ритуалов в данной религии. Отмечается, что деятельность и наследие паломников являются значимым материалом для изучения культуры бахаи. Выделяются наиболее посещаемые религиозные объекты, в первую очередь священные храмы, места захоронения пророков и объекты природы. Для миллионов бахаи трепетное отношение к объектам поклонения служит исполнением воли основателей религии.

Ключевые слова: бахаи, Иран, Израиль, паломничество, обряд, Баб, Бахаулла, дома поклонения.

Bahai Pilgrims: Origins, Tradition, Teatures

Today the Bahá'í religion is one of the most actively developing in the world. Bahá'ís believe that it is imperative for humanity to have a unified vision for the future of society and the nature and purpose of life. The article examines the representatives of the monotheistic religion that arose in Iran only in the 19th century, but spread throughout the world of followers. The questions of the appearance and development of these phenomena are analyzed. Numerous examples show the variety and importance of pilgrimage, the system of ceremonies and rituals in a given religion. It is noted that the activities and heritage of the pilgrims are a significant tool for the study of Bahá'í culture. The most frequently visited religious sites are highlighted: first of all, sacred temples, burial places of prophets and objects of nature. For millions of Bahá'ís, the reverent attitude towards objects serves as the fulfillment of the will of the founders of the religion.

Key words: Bahá'ís, Iran, Israel, pilgrimage, rite, Bab, Bahá'u'lláh, Houses of worship.

Введение

Бахаизм – монотеистическая религия, зародившаяся в Персии в середине XIX в. Основоположителем ее называют молодого торговца Сейид Али-Мухаммад, который 23 мая 1844 г. под именем Баб, что значит «Врата», объявил себя Носителем обетованного божественного Откровения. Баб заявил, что ему суждено преобразить духовную жизнь человеческого рода и подготовить путь для более великого Посланника Господа, цель которого – провозглашение эры мира и справедливости, о чем говорилось в писаниях ислама, христианства, иудаизма и других религий. «Ни одно Мое слово не может достойно описать Его и ни одно упоминание о Нем в моей Книге, “Байане”, не воздает должное Его Делу» [1, с. 20]. В какой-то степени Баб соответствовал христианскому Иоанну Крестителю: он стал провозвестником Бахауллы, что в переводе с

арабского значит «Слава Бога». Обвиненный мусульманами в отступничестве, Баб был приговорен к смертной казни и расстрелян в 1850 г. А. Никола так написал о нем: «Он пожертвовал собой ради человечества. Собственную кровью он скрепил завет вселенского братства» [2, р. 204].

Бахаулла, которого почитают как последнего из пророков после Авраама, Моисея, Заратустры, Будды, Кришны, Иисуса Христа, Мухаммеда и Баба, в 1863 г. объявил, что на смену «Пророческого Цикла» пришел «Цикл Исполнения» и провозгласил себя Обетованным [3, с. 40].

Бахаулла родился в Тегеране в 1817 г. под именем Мирза Хусейн Али в знатной семье. Пройдя заточения, гонения и ссылки, он в итоге был приговорен к пожизненному заключению и выслан в город-тюрьму Акко в Палестине. Именно там он написал большую часть своих работ (порядка ста томов),

которые составляют основу веры бахаи. По его мнению, все религии посвящены одному – единству и миру во всем мире. Их различия обусловлены только историческим, культурным, экономическим и социальным контекстом, в котором они возникают. Каждый посланник Бога, от Моисея до Мухаммеда через Иисуса или Будду, способствует продвижению цивилизации в определенный момент, который открывает путь для следующего посланника. Вера бахаи является частью этой преемственности.

Бахаулла умер в Акко в 1892 г., где и был похоронен. Перед смертью он принял решение, что и останки Баба, его предтечи, должны быть захоронены недалеко, на склонах горы Кармель, что впоследствии и было сделано. Также и преемник Бахауллы, его старший сын Абдул-Баха, распространявший учение бахаи на Западе и чьи труды и речи считаются частью священной литературы бахаи, нашел свое последнее пристанище на Святой земле. Хайфа – место захоронения Баба и Абдул-Баха, «слуги Баха», – становится местом паломничества бахаи со всего мира. Именно на севере современного Израиля на горе Кармель формируется руководящий орган бахаи – Всемирный Дом Справедливости, состоящий из девяти избранных членов. Вокруг Мавзолея Баба создается огромный сад, который знаменит своим великолепием [4].

Необходимо отметить, что вера бахаи – вторая по географической распространенности на земле после христианства: она представлена в большем количестве стран, чем ислам или буддизм. Соответственно, актуальность изучения данной религии во всех ее аспектах, в т. ч. и в традиции паломничества, весьма высока. Феномен популярности молодой религии пытались осмыслить в своих трудах ученые разных стран. В частности, следует обозначить ряд научных исследований: «Садовники Господа» К. Гувьона и Ф. Жувьона, «Вера бахаи» М. Перкинса и Ф. Хейнсворта, «Вера бахаи: секта или религия?» У. Шеффера, «Краткая энциклопедия Веры бахаи» П. Смита, «Основная хронология бахаи» Г. Кэмерона. В этих работах в большей степени рассматриваются история и вероучение бахаи, анализируются способы привлечения новых adeptов, но институт паломничества изучен не в полной мере.

Цель исследования – выявить особенности паломничества и обрядов в религии бахаи, показать влияние исторических, географических, культурных факторов на их формирование. Учитывая, что Международное сообщество бахаи в качестве неправительственной организации представлено в Организации Объединенных Наций, полагаем, что изучение религии бахаи, налаживание дружественных отношений с хранителями святынь бахаи в Израиле, а также представителями общин бахаи, проживающих во многих странах мира, включая Беларусь, может быть полезным для нашего общества и государства.

Основная часть

В религии бахаи не так много обрядов и церемоний. Любая работа, направленная на служение человечеству, рассматривается как богослужение. Бахаи не признают институт духовенства, каждый верующий пытается постичь истину самостоятельно. Молитва носит индивидуальный характер, за исключением похорон, когда молитва произносится вслух одним из присутствующих. Проведение поминальных служб может варьироваться в зависимости от культуры и пожеланий семьи, но это обычно достойные и часто радостные торжества. Бахаи полагают, что смерть является освобождением для души, возвращением в свой естественный дом. Хотя люди могут оплакивать разлуку, они верят, что их любимый человек находится в гораздо лучшем положении и что все они в конечном итоге воссоединятся. Бахаулла заявляет, что «мы должны утешать себя кратковременной разлукой, вскоре все мы присоединимся к нашим ушедшим и разделим их радости» [5].

Наряду с цитатами из писаний Бахауллы, бахаи также обращаются к текстам Торы, Евангелий, Корана. Вера бахаи предполагает, что религиозное откровение не окончательное, а прогрессивное и иудаизм, христианство и ислам имеют также божественное происхождение. Святая Земля евреев, христиан и мусульман сохраняет свое значение и священность для бахаи.

Важнейшим для бахаи обрядом можно назвать ежегодный 19-дневный пост, который начинается 2 марта и заключается в отказе от еды и питья от восхода до заката. Традиционно представители данной ре-

лигии празднуют девять полных Святых Дней, восемь из которых ознаменованы определенными событиями в истории бахаи. В эти дни взрослые не работают, а детям разрешается пропускать занятия в школе. К таким праздникам относится и Новый год, который приходится на весеннее равноденствие в Северном полушарии и обычно проводится по окончании поста 21 марта и сопровождается большой вечеринкой.

День рождения Бахауллы (12 ноября) традиционно начинается с молитв и заканчивается угощением и развлечениями. День рождения Баба (20 октября) отмечается чтением его сочинений и воспоминаниями о его детстве в Ширазе. В предназначенный момент Баб заявил, что он и является обещанным Каимом, которого мусульмане-шииты ожидали в его собственном доме в персидском Ширазе после захода солнца 22 мая 1844 г. Соответственно, это событие отмечается в те же 24 часа: поздно вечером 22 или днем 23 мая ежегодно. В этот день читают фрагменты из его сочинений. В полдень 9 июля торжественно отмечается «мученичество Баба» в честь события 1850 г., когда целый полк пытался застрелить его и одного из его учеников. В период Ризвана празднуют три святых дня: Первый день (21 апреля), в честь того, что в 1863 г. Бахаулла впервые объявил, что он Посланник Бога; Девятый день Ризвана (29 апреля), когда его семья смогла присоединиться к нему в саду Ридван, недалеко от Багдада; Двенадцатый день Ризвана (2 мая) – начало ссылки Бахауллы в Константинополь. Кроме того, в последнее время обретают популярность сопровождающиеся вечеринками обособленные дни года для обмена подарками, посещения друзей, больных и пожилых людей.

На протяжении всей цивилизационной истории человечества последователи большинства религий путешествовали как паломники в определенные почитаемые места, составляющие духовное наследие. Для людей физический акт паломничества служил выражением их преданности своей вере. Не исключение и бахаи, которые особое значение придают духовным путешествиям – посещениям священных для данной религии мест. «Такие места, несомненно, являются центрами излияния Божественной благодати, – писал Абдул-Баха, – потому что при

входе в освященные места, связанные с мучениками и святыми душами, и при соблюдении благоговения, как физического, так и духовного, сердце человека трепещет с большой нежностью» [6].

В письме к одному из верующих бахаи Абдул-Баха написал: «Вы спрашивали о посещении святых мест и их особом почитании. Однако никто не обязан посещать все такие места, за исключением следующих трех: Пресвятой святыни, Благословенного дома в Багдаде и Достопочтенного дома Баба в Ширазе. Посещение этих мест является обязанностью тех, кто может себе это позволить и может это сделать, если нет других препятствий. Эти три святых места посвящены паломничеству» [7].

Бахаулла еще ранее установил данное паломничество в книге законов «Китаб-и-Агдас». Изначально путешествие бахаи означало посещение двух мест: дома Бахауллы в Багдаде и дома Баба в Ширазе. Были прописаны определенные обряды для каждого из этих паломничеств [8]. При этом бахаи вольны выбирать между двумя домами, поскольку посещение любого из них будет сочтено достаточным. Дом Бахауллы в Багдаде, также известный как «Величайший Дом», – это то место, где Бахаулла жил с 1853 по 1863 г. Но жилище было разрушено в июне 2013 г. при невыясненных до сих пор обстоятельствах. Дом Баба в Иране также несколько раз разрушался, а в 1981 г. место, на котором он находился, было переустроено в дорогу и площадь. К сожалению, эти места паломничества, даже когда обитатели уничтожены, сегодня недоступны для большинства бахаи, поскольку они находятся в Ираке и Иране, странах, где бахаи преследуются по местным законам. Верующие все же полагают, что массовые паломничества в отстроенные дом Баба и дом Бахауллы произойдут в будущем.

На основании ряда источников можно утверждать, что странствовать бахаи начали уже в период изгнания Бахауллы в Османскую империю. После официального провозглашения своего послания христианским и мусульманским правителям мира в 1867 г. Бахаулла попросил одного из известных бахаи, Набиль-и-Азама, отправиться в паломничество в Шираз и Багдад. Шоги Эффенди пишет: «Именно в те же дни Бахаулла повелел Набиль-и-Азама читать от Его имени

две недавно явленные Скрижали паломничества и выполнять предписанные в них обряды при посещении Достопочтенного дома Баба в Ширазе и Величайшего дома в Багдаде – акт, знаменующий начало одного из самых святых обрядов, который в более поздний период «Китаб-и-Агдас» должен был официально установить» [9, р. 177].

Некоторые адепты Бахауллы направились вслед за ним в Палестину. В годы изгнания Бахауллы его приверженцы иногда месяцами шли пешком из Персии, чтобы навестить своего Учителя лично в Акко. В те времена паломничество считалось весьма опасным путешествием, и нужно было быть действительно глубоко верующим и преданным человеком, чтобы так рисковать своей жизнью. Но многое изменилось с тех пор, когда первые паломники посетили Бахауллу в тюрьме в Палестине в 1868 г. Сегодня духовное путешествие можно организовать, обратившись в соответствующий отдел Всемирного центра бахаи.

Когда бахаи говорят о паломничестве, в первую очередь имеется в виду девятидневное путешествие во Всемирный центр бахаи в Израиле. Паломничество для современных бахаи – это субъективный религиозный опыт и прежде всего не материальное, а духовное путешествие. Мистическая цель паломничества – вызвать у пилигрима духовный отклик. Путешествие в Святую Землю остается одним из самых возвышенных обрядов бахаи. Пилигрим на Святой Земле соприкасается со священными местами четырех последовательных божественных религий: иудаизма, христианства, ислама и веры бахаи. Паломников называют «кровью жизни» Всемирного центра бахаи, т. к. они приносят в свои страны вдохновение и новые идеи. Вернувшись домой после короткого, но интенсивного пребывания на Святой Земле, они чувствуют себя воодушевленными опытом, стремятся заново посвятить себя служению человечеству, разделить с семьей и друзьями радость, наполнившую их сердца [6].

Паломничество бахаи в Святую Землю в настоящее время состоит из посещения святых мест во Всемирном Центре Веры бахаи в Хайфе, Акко и Бахджи, расположенных на северо-западе Израиля. Бахауллу на закате своей земной жизни призвал всех своих последователей хотя бы

один раз в жизни совершить девятидневное паломничество во Всемирный Центр Веры бахаи [8]. К местам, которые посещают бахаи во время данного паломничества, относятся Святыня Бахауллы и Особняк в Бахджи, Храм Баба, Террасы бахаи, Престол Всемирного Дома Справедливости, Международный учебный центр, Центр изучения священных текстов, Международные архивы, Сады памятников, Место будущего Дома Поклонения, Дом Абдул-Баха, Место упокоения Аматаул-Баха Рухийи Ханум в Хайфе, Сад Ридвана, Дом Аббуда, Дом Абдуллы Паши, Мазраи в Акко. Девятидневное паломничество возможно только для бахаи и их супругов, которые подали заявку на такое путешествие. Одновременно святыни имеют право посетить не более 500 бахаи. Повторное паломничество для них разрешается только после пятилетнего ожидания.

Одна из главных целей паломничества в Святую Землю – помолиться в Святылище Бахауллы и в Святылище Баба. В первый день своего путешествия паломники посещают Храм Баба. Начиная со второго дня, пилигримы направляются в иные места примерно в порядке убывания их духовного значения, начиная с Храма Бахауллы. Хотя нет никакого определенного ритуала, связанного с паломничеством бахаи, имеются некоторые практики, которые довольно распространены среди них. Двумя такими практиками являются обход святынь и чтение Скрижали посещения. Следует побывать в домах, где жил основатель веры во время своей ссылки и заключения, посетить Архив, осмотреть рукописи, памятные предметы, принадлежавшие вероучителям и мученикам веры. Особый интерес у паломников вызывают искусно написанные портреты Баба и Бахауллы. Многие из пилигримов специально отправляются в заранее определенные места, где внимательно слушают выступления членов Всемирного Дома Справедливости и Международного центра обучения, чтобы лучше для себя понять и раскрыть сущность паломничества.

Паломничество к могиле пророка Бога похоже на паломничество к Богу. Для бахаи молитва пророку Бахаулле в каком-то смысле эквивалентна молитве Богу. Послушание пророку Бога – это послушание Богу. Бахаи всем сердцем отдаются своим лиде-

рам и пророкам. Они любят Бахауллу почти так же, как они любят Бога. Вот почему места, связанные с Бахауллой, так важны для бахаи. Храм Бахауллы в Акко служит духовным центром для бахаи всего мира. Хотя место изгнания Бахауллы было выбрано правителями-тиранами Ирана и Османской империи по своим собственным причинам, верующие полагают, что Бахаулла сам видел в изгнании на Святую Землю исполнение своей судьбы. Во время посещения горы Кармель в последний год своей жизни Бахаулла выбрал место для размещения храма Баба и составил «Скрижаль Кармель» – мистическое пророчество об учреждении административных институтов бахаи.

Одним из самых красивых и популярных памятников бахаи считается Храм Баба, золотой купол которого выходит на проспект Бен-Гуриона в Хайфе. Рядом с освященной веками пещерой Или, у подножия горы Кармель, находится первый Дом Поклонения бахаи. Со времен Шоги Эффенди, внука Абдул-Баха, «Хранителя дела божьего», мир бахаи был вовлечен в строительство пяти зданий Арки на горе Кармель. Вместе пять зданий расположены по дуге и состоят из почти симметричных строений по обе стороны от центрального здания. Два внешних здания – это Международный архив и Международная библиотека. Два внутренних здания – это Центр изучения священных текстов и Международный учебный центр. Центральное здание – Всемирный Дом Справедливости. Эти здания совместно стали резиденцией административной системы бахаи. Последователи данной религии верят, что однажды эти институты составят форму мирового правительства, которое своим трудом покажет, что человеческий прогресс будет направлен к цели постоянно развивающейся цивилизации. Вечерние лекции членов Всемирного Дома Справедливости и Международного учебного центра посвящены также вопросам формирования нового мира, что, несомненно, в какой-то степени поможет развитию и воплощению данных идей на практике.

Роберт Стокман, координатор исследовательского отдела Национального центра бахаи в Уилметте, штат Иллинойс, в ходе своих научных изысканий предположил, что святые места бахаи обладают тремя характеристиками: светом, зеленью и наличи-

ем предметов искусства [10]. Во многих своих сочинениях Бахаулла использует свет как метафору для обозначения духовного озарения. Зелень и сады говорят о духовной жизни человека. Сады также напоминают Эдем, а произведения искусства эстетически радуют посетителей и служат украшением. Действительно, Святыня Бахауллы и Святыня Баба хорошо освещены лампами, имеют широкие окна и окружены садами. Внутри Усыпальницы Бахауллы растут деревья. Это очень отличается от эстетики, например, средневековых соборов. Сады составляют неотъемлемую часть святынь бахаи. Интерьер Храма Баба украшен персидскими коврами и иллюстрированными текстами из Священных Писаний бахаи [11].

Паломники со всего мира практически в течение всего года собираются во Всемирном Центре Веры бахаи. Это представители многих национальностей и разных социальных слоев. Их цель приезда в Святую Землю – не только посетить святыни своей религии и помолиться. Хотя посещение святых мест иудаизма, христианства и ислама не является частью паломничества бахаи, многие из пилигримов отправляются и в эти священные места. Странники возвращаются домой со значительными знаниями и эмоциями, стараясь передать своим друзьям часть обретенного ими восхищения и любви.

Расходы Всемирного Центра Веры бахаи полностью финансируются за счет пожертвований, полученных от бахаи и общин бахаи по всему миру. Верующие этой религии отказываются от помощи извне, они не получают грантов, поддержки или другого финансирования от какой-либо организации или лица за пределами общины бахаи.

8 июля 2008 г. комитет ЮНЕСКО внес Всемирный Центр Веры бахаи в реестр Всемирного наследия. Таким образом, сады бахаи в Хайфе и Бахджи стали первыми достопримечательностями в реестре ЮНЕСКО, которые связаны с религиозными традициями, возникшими в современный период истории.

Хотя вышеописанные священные места бахаи и имеют несомненный приоритет, тем не менее приверженцы данной религии отправляются в путешествие и в другие регионы мира. Например, Сад Ризвана в Стам-

буле, где Бахаулла открыто объявил о своей миссии, также представляет из себя популярное место паломничества. Национальное духовное собрание Канады официально объявило, что бывший дом Максвелла, расположенный на авеню де Пен в Монреале, теперь является местом паломничества бахаи [12]. Следует упомянуть и Дом поклонения Баха, известный в Индии как «Храм Лотоса», который ежегодно посещают около 4 млн человек.

Традиционно свои храмы бахаи называют «Дома Поклонения». Бахаулла повелел, чтобы в каждой местности, где проживают бахаи, был возведен храм с девятью входами и одним куполом, символизирующий единство религий. Один из первых подобных Домов Поклонения был построен в 1908 г. в Ашхабаде под руководством российского архитектора. В настоящее время действует восемь так называемых «Материнских храмов», главных в определенной части света: в Индии, Австралии, США, Германии, Панаме, Уганде, Самоа и Чили. Паломничества в эти храмы с течением времени становятся все более популярными и ежегодно собирают значительное количество приверженцев.

Мистическая цель паломничества – вызвать у человека духовный отклик. Это возможность для каждого человека найти новую мотивацию жить чистой, святой жизнью, посвященной Богу. Опыт паломничества в среде бахаи сугубо субъективен. Мало того, что каждый бахаи является индивидуумом, который по-своему реагирует на Бога и свою религию, но и отсутствие какого-либо духовенства у бахаи побуждает паломника беспрепятственно реагировать на сверхъестественное. Каждое духовное путешествие непременно отличается одно от другого. Для бахаи паломничество – священный долг и бесценная привилегия. «Это такое замечательное место! Красота пейзажа захватывает дух. Сады, окружающие святые мавзолеи и другие места, отражают единство и гармонию. Мы могли видеть, как эти идеи воплощаются в архитектуре святых мест и административных зданий и отражаются в поведении персонала, служащего во Всемирном Центре бахаи», – восклицает паломник из Канады А. Лепаж [13].

С распространением религии бахаи в разных частях мира люди, которые приняли

ее как свою веру, сохранили и свою уникальную культуру, и традиционные обычаи. Очевидно, религия бахаи является поистине многокультурной религией, представляющей собой образец единения народов, рас и этнических групп в мире. Бахаулла сравнил мозаику рас и культур с живописным садом, красота которого зависит от разнообразия форм, размеров и его цветов. В отличие от пропаганды концепции глобализации, основанной на единообразии, бахаи ценят разнообразие и дорожат вкладом меньшинств, которые считаются укрепляющими и обогащающими целое.

Бахаи верят, что все люди созданы, чтобы быть частью общества, которое продолжает постоянно прогрессировать, и что даже духовный прогресс души лучше всего достигается через служение другим и сотрудничество на благо общества. История показывает, что с первых дней рождения своей религии бахаи проявляли социальную активность, ориентированную на общину. За прошедшие годы были реализованы тысячи проектов в различных областях, таких как улучшение положения женщин, охрана окружающей среды, образование и грамотность, здоровье и гигиена. Бахаи верят, что социальный прогресс может быть достигнут только через единство [14].

Несомненно, паломничество выполняет значительную функцию в жизни общин бахаи. Они полагаются на веру в Бога, ежедневную молитву и медитативное изучение священных текстов для преобразования характера, необходимого для личностного роста и зрелости. Сегодня более 2 100 этнических групп и национальностей представлены в мировом сообществе бахаи. Сердцем этого глобального организма, по их мнению, является Всемирный Центр Веры бахаи, а поток паломников на Святую Землю и обратно служит поддержанию связи между Мировым Центром и сообществом бахаи в целом. Движение паломников в Святую Землю сравнивают с жизненной силой общины бахаи [9, p. 177].

Хотя организованное паломничество в Ирак и Иран в настоящее время невозможно, бахаи настроены оптимистично и надеются, что однажды ситуация изменится. Предполагается, что в будущем духовные путешествия будут только расширяться и приведут к приобретению каждым пред-

ставителем данной религии более полного и богатого внутреннего опыта. Исследователь Дэвид Рухе также склонен в это верить: «Уместно ожидать, что распространение бахаизма по миру и увеличение числа его членов приведет к значительному расширению опыта паломничества» [15].

Заключение

Очевидно, что паломничество бахаи хоть и не имеет многовековой истории, тем не менее весьма разнообразно. Согласно действующим канонам религии, каждому бахаи следует хотя бы один раз в жизни в централизованном порядке совершить девятидневное паломничество во Всемирный Центр Веры бахаи в Хайфе. Пилигримы прибывают сюда из разных уголков земного шара, чтобы поклониться могиле пророка, совершить определенные ритуалы и почувствовать духовную и физическую связь с единомышленниками. В то же время любой адепт данной религии может самостоятельно отправиться в иные почитаемые места, связанные с историей возникновения и распространения вероисповедания, и по своему желанию в свободной форме воздать почести.

Паломничество обогащает духовный и социальный опыт верующего, путешествующего бахаи сегодня можно встретить не только в Израиле, где сосредоточены основные места поклонения данной религии, но и в Индии, Канаде, Турции, Австралии... Верующие искренне надеются совершить полноценное духовное путешествие на родину основателей религии, в Ирак и Иран, где последователи учений Баба и Бахауллы до сих пор подвергаются гонениям со стороны местных властей.

Учитывая отсутствие духовенства в данной религиозной традиции, на пилигрима в какой-то степени возлагается самостоятельное постижение истины, в путешествии он приобретает богатый субъективный религиозный опыт. Исповедуя свою веру, бахаи стараются сохранять уникальные черты тех национальных культур, к которым принадлежат. Бахаи также не отвергают учения других религий, находясь в Хайфе, Акко и Бахджи, большинство из них обязательно посетит и поклонится находящимся рядом святыням иудаизма, христианства и ислама.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахауллы. Крупницы из Писаний : пер. с англ. / Бахауллы. – 2-е изд., испр. – М. : ЦРО «Община последователей Веры Бахаи в России», 2009. – 256 с.
2. Nicolas, A. L. M. Siyyid Ali-Muhammad dit le Bab / A. L. M. Nicolas. – Paris : Librairie Critique, 1908. – 376 p.
3. Шоги, Э. Законоцарствие Бахауллы : пер. с англ. / Э. Шоги. – СПб. : Единение, 2004. – 88 с.
4. Dupeyron, Catherine. Qu'est-ce que le bahaïsme, religion monothéiste venue d'Iran? [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.lemonde.fr/le-monde-des-religions/article/2020/07/09/quest-ce-que-le-bahaisme-religion-monotheiste-venue-d-iran_6045674_6038514.html. – Date of access: 14.09.2021.
5. Schuette, Cheryll. BAHÁ'Í BURIAL RITES [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.bellaonline.com/articles/art180992.asp>. – Date of access: 14.09.2021.
6. Pilgrimage [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bahai.org/beliefs/lifespirt/devotion/pilgrimage>. – Date of access: 14.09.2021.
7. Die Bahá'í-Wallfahrt [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.winkelbachweb.de/etwas-geschichte/die-bahai-wallfahrt.html>. – Date of access: 14.09.2021.
8. Портал «Бахаи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bahai.org>. – Дата доступа: 14.09.2021.
9. Shoghi, E. God Passes By / E. Shoghi. – Wilmette : Bahá'í Publishing Committee, 1944. – 412 p.
10. Stockman, Robert. Interview with author. Boston, April 11, 1994 [Electronic resource]. – Mode of access: https://bahai-library.com/viswanathan_bahai_pilgrimage_israel. – Date of access: 14.09.2021.
11. Bahá'í Holy Places at the World Centre / by Bahá'u'lláh, Abdu'l-Bahá, Shoghi Effendi, and Universal House of Justice. – Haifa : Bahá'í World Centre, 1968. – 90 p.

12. Pèlerinage [Electronic resource]. – Mode of access: <https://fr.bahaipedia.org/P%C3%A9lerinage>. – Date of access: 14.09.2021.
13. Le pèlerinage bahá'í – un voyage spirituel en Terre sainte [Electronic resource]. – Mode of access: <https://news.bahai.ca/fr/articles/le-pelerinage-baha-i-un-voyage-spirituel-en-terre-sainte.html>. – Date of access: 14.09.2021.
14. Bahá'í Gardens [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ganbahai.org.il/worldwide-bah%C3%A1-%C3%AD-community?lang=he>. – Date of access: 14.09.2021.
15. Bahá'í Pilgrimage [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ibiblio.org/Bahai/Pilgrimage/node2.html>. – Date of access: 14.09.2021.

REFERENCES

1. Bakhauilla. Krupicy iz Pisanij : pier. s angl. / Bakhauilla. – 2-je izd., ispr. – M. : CRO «Obshchina posliedovateliej Viery Bakhai v Rossii», 2009. – 256 s.
2. Nicolas, A. L. M. Siyyid Ali-Muhammad dit le Bab / A. L. M. Nicolas. – Paris : Librairie Critique, 1908. – 376 p.
3. Shogi, E. Zakonocarstvije Bakhaully : pier. s angl. / E. Shogi. – SPb. : Jedinienije, 2004. – 88 s.
4. Dupeyron, Catherine. Qu'est-ce que le bahaïsme, religion monothéiste venue d'Iran? [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.lemonde.fr/le-monde-des-religions/article/2020/07/09/quest-ce-que-le-bahaisme-religion-monotheiste-venue-d-iran_6045674_6038514.html. – Date of access: 14.09.2021.
5. Schuette, Cheryll. BAHÁ'Í BURIAL RITES [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.bellaonline.com/articles/art180992.asp>. – Date of access: 14.09.2021.
6. Pilgrimage [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bahai.org/beliefs/lifespirt/devotion/pilgrimage>. – Date of access: 14.09.2021.
7. Die Bahá'í-Wallfahrt [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.winkelbachweb.de/etwas-geschichte/die-bahai-wallfahrt.html>. – Date of access: 14.09.2021.
8. Portal «Bakhai» [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.bahai.org>. – Data dostupa: 14.09.2021.
9. Shoghi, E. God Passes By / E. Shoghi. – Wilmette : Bahá'í Publishing Committee, 1944. – 412 p.
10. Stockman, Robert. Interview with author. Boston, April 11, 1994 [Electronic resource]. – Mode of access: https://bahai-library.com/viswanathan_bahai_pilgrimage_israel. – Date of access: 14.09.2021.
11. Bahá'í Holy Places at the World Centre / by Bahá'u'lláh, Abdu'l-Bahá, Shoghi Effendi, and Universal House of Justice. – Haifa : Bahá'í World Centre, 1968. – 90 p.
12. Pèlerinage [Electronic resource]. – Mode of access: <https://fr.bahaipedia.org/P%C3%A9lerinage>. – Date of access: 14.09.2021.
13. Le pèlerinage bahá'í – un voyage spirituel en Terre sainte [Electronic resource]. – Mode of access: <https://news.bahai.ca/fr/articles/le-pelerinage-baha-i-un-voyage-spirituel-en-terre-sainte.html>. – Date of access: 14.09.2021.
14. Bahá'í Gardens [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ganbahai.org.il/worldwide-bah%C3%A1-%C3%AD-community?lang=he>. – Date of access: 14.09.2021.
15. Bahá'í Pilgrimage [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ibiblio.org/Bahai/Pilgrimage/node2.html>. – Date of access: 14.09.2021.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 18.10.2022

УДК 101.1:316.773.2

Светлана Михайловна Комисарук

канд. филос. наук, доц. каф. гуманитарных наук

Гродненского государственного аграрного университета

Svetlana KomisarukCandidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities
of the Grodno State Agrarian Universitye-mail: ysm76@mail.ru**ПРОБЛЕМА ПРОФАНАЦИИ СИМВОЛОВ В ОБЩЕСТВЕ:
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Рассмотрены наиболее значимые подходы западных и русских ученых к осмыслению профанации символов в обществе. Обоснована авторская концепция, раскрывающая социальную сущность и механизмы процесса профанации символов. В результате исследования установлено: 1) символы воплощают фундаментальные социокультурные ценности; 2) профанация символов отражает девальвацию ценностей; 3) в периоды социальной стабильности смысловая определенность символов воплощает устойчивость системы ценностей; 4) в периоды социальной трансформации вариативность симулякров отражает ценностный хаос. Обоснован вывод, что профанация символов в современном обществе связана с трансформацией социокультурных ценностей. Выявлены основные источники для формирования целостной символической системы отечественной культуры: религиозный символизм христианства и связанная с ним историческая символика, а также символическое воплощение идей экогуманизма как приоритета чистоты внутреннего мира человека и его взаимоотношений с людьми и природой.

Ключевые слова: социальная философия, философский анализ, профанация символов, девальвация ценностей, социальная трансформация.

The Problem of Profanation of Symbols in Society: Philosophical Analysis

The philosophical analysis of the problem of symbol's profanation in a society is carried out. The most significant approaches of Western and Russian scientists to its understanding are considered. The author's concept is justified, revealing the social essence and mechanisms of the process of symbol's profanation. As a result of the research, it was established: 1) symbols embody fundamental sociocultural values; 2) profanation of symbols reflects the devaluation of values; 3) in periods of social stability, the semantic certainty of symbols embodies the stability of value system; 4) during periods of social transformation, the variability of simulacra reflects value chaos. The conclusion is justified, that the profanation of symbols in modern society is connected with the transformation of sociocultural values. The main sources for the formation of an integral symbolic system of national culture are revealed: the religious symbolism of Christianity and the historical symbolism connected by it, as well as the symbolic embodiment of the ideas of ecogumanism as a priority of purity of the man's inner world and his relationship with people and nature.

Key words: social philosophy, philosophical analysis, profanation of symbols, devaluation of values, social transformation.

Введение

Одной из самых актуальных проблем современной социальной философии является проблема профанации символов. Профанация символов (лат. profanation – «оскорбление святыни», искажение) определяется как социокультурный феномен, характерный прежде всего для XX в., когда символы постепенно начали утрачивать свои исконные сакральные основы и перестали воплощать высокие религиозные, этические и эстетические ценности. В современном мире продолжает происходить разрушение традиционных символических комплексов и замещение их чужеродными, что наруша-

ет целостность культуры, угрожает потерей ментальной опоры человека.

Между тем с древнейших времен и по настоящий момент символы играют фундаментальную роль в жизнедеятельности любого общества – роль сохранения и передачи значимой социокультурной информации. Кроме того, символы выполняют важные социальные функции: служат инструментом объединения и идентификации людей с социальными группами и общностями; являются способом социализации, приобщения к определенным ценностям и нормам; помогают наиболее эффективно адаптироваться к социальной среде и выбирать опти-

мальные модели поведения. Таким образом, символы – основополагающие средства информационного обмена общества как в синхронном так и диахронном планах, не только между людьми одного социокультурного пространства, но и между разными типами культур.

Обращение к проблеме профанации символов актуализируется при рассмотрении современного общества как «информационного», главными особенностями которого являются массовый характер коммуникации и глобализация информационных процессов, расширяющих и по-новому структурирующих механизмы социального функционирования символов. В конце XX – начале XXI в. общество переживает очередной виток социокультурной трансформации: традиционная символическая система продолжает разрушаться, идет формирование новой, в которой фундируются важные для современных людей ценности и нормы. Символы служат индикаторами тех идейно-ценностных изменений общества, которые произошли в последний период. Анализ принципов формирования нового смыслового содержания символической системы является важной исследовательской задачей современного гуманитарного знания. Ее практическое значение заключается в выработке стратегии развития современного «информационного» общества при условии сохранения культурой собственных символических границ.

В философии накоплен обширный материал для осмысления сущности и принципов функционирования символов в обществе. Предпринятая автором данной публикации систематизация символических концепций позволила определить, что наиболее влиятельные из них были созданы в неклассической и постнеклассической философии XX в. [1, с. 114–116]. В этот период как в западной, так и в русской традициях символ стал рассматриваться как доминирующее понятие культуры, основными проблемами стали природа символа, символизирующая функция, принципы символизма, понимание и интерпретация символов. Проблему профанации символов в своих трудах исследовали такие выдающиеся западные философы, как К. Г. Юнг, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Р. Барт, П. Бурдьё. Междисциплинарный анализ теорий символа в истории западноевропейской мысли осуществлен в об-

общающем труде Б. Дешарне и Л. Нефонтен «Символ» [2].

Среди российских авторов наиболее обстоятельно исследовали проблему символа Н. Н. Рубцов, О. А. Кармадонов, Ю. П. Тен, С. Г. Сычева. Так, докторская диссертация Ю. П. Тен «Символ в межкультурной коммуникации» содержит систематизированный обзор символических концепций, который включает постановку проблемы профанации символов [3, л. 29–38]. В целом же анализ научной литературы показывает, что задача философского анализа феномена профанации символов в обществе не получила концептуального оформления, о чем свидетельствует отсутствие посвященных ей монографий. Это дает основание утверждать, что тема данного исследования новационная и актуальная.

Целью настоящей работы является философское рассмотрение профанации символов в обществе. Объектом исследования определяется феномен профанации символов, предметом исследования – философский анализ сущности и механизмов его функционирования. Методологической основой работы избран системный подход, поскольку социальные явления представляют собой сверхсложные объекты, структура и принципы организации которых не очевидны и требуют специального анализа. Согласно этому подходу, культура рассматривается как символическая система, состоящая из определенных символических комплексов, которая, в свою очередь, является подсистемой метасистемы общества, связанной с ней содержательно и функционально.

Основная часть

В современном гуманитарном знании общепринятым является определение символа как наиболее устойчивого элемента культуры, носителя ее памяти и единства. Символ – это фундаментальный феномен, который в чувственно воспринимаемой форме воплощает идеи и ценности, основополагающие для функционирования и развития общества. Диалектически соединяя идеальное и материальное, единичное и всеобщее, рациональное и иррациональное, символ представляет универсальную форму выражения социокультурного существования человека. Символы сохраняют в свернутом виде значимые смысловые комплексы, которые принадлежат как синхронному,

так и диахронному срезам культуры. Специфика любого общества определяется системой присущего ему мировоззрения, закрепленного в символах, содержание которых обуславливает облик различных социально-исторических общностей вплоть до цивилизаций. Символы выступают средством проникновения в глубинные пласты культуры, которые выражены не непосредственно, а косвенно, и поэтому требуют интерпретации. При этом символическая интерпретация является самой формой знания об обществе.

Таким образом, культура любого общества может быть представлена как символическая система – совокупность различного рода символических форм. Культура содержит те символические значения, которые несут предметы и явления действительности. Значения символов детерминируют взаимодействие людей в обществе, поскольку заключенная в них информация имеет общезначимую ценность для членов определенной социальной общности. Именно общезначимые смыслы символов объединяют людей и позволяют идентифицировать себя в социокультурном пространстве. История культуры может быть представлена как смена символических систем, отражающая трансформацию идейно-ценностной структуры общества. Радикальная смена символических систем происходит в периоды социальных кризисов, когда разрушаются прежние нормы и ценности и происходит формирование новых основ культуры и моделей социального взаимодействия. В процессе социальной трансформации символы способны переходить из одного историко-культурного пласта в другой, при этом их традиционные значения либо утрачиваются, либо существенно трансформируются, либо появляются новые значения. Это явление и получило название профанации символов.

Одним из первых в западной науке проблему профанации символов обозначил ведущий представитель символического направления в философии культуры К. Г. Юнг. Он полагал, что развитие капитализма и сциентизма приводит к разрушению древних символов, воплощающих энергию коллективного бессознательного, которое дестабилизирует духовную жизнь общества. Юнг писал, что уже с эпохи Реформации в связи со становлением научного знания по-

является брешь в защитной стене символов. Это может быть опасным для психики человека, поскольку символы несут в себе многовековое содержание мифологического и религиозного мировоззрения. Юнг указывал на то, что разрушение символов неизбежно приводит к мировоззренческому хаосу, абсурдным политическим и социальным идеям [4, с. 297–299].

Ведущий представитель постмодернизма Ж. Бодрийар, посвятивший себя социальным исследованиям символических систем, считал, что в капиталистическом обществе символическое начало постепенно утрачивается. Символическое он определял как способ отношений между людьми, основанный на бескорыстном даре, имеющем иррациональную природу. Поэтому символическое отношение противоположно господству капитала, оно существует там, где поступки человека противостоят рациональному расчету, где отсутствует частный эгоистический интерес. Капитализм уничтожает символическое, т. к. основан на таком отношении между людьми, когда вещи и энергия не растрачиваются в бескорыстном порыве, а становятся предметами накопления и потребления. В таком обществе доминантой социальной жизни является накопление, имеющее различные формы: накопление богатств, вещей, знаний, наделяемые символическим значением [5, с. 119].

Согласно Бодрийару, одним из фундаментальных феноменов капиталистического общества становится так называемое символическое потребление. Социальные ценности уже не рассматриваются в категориях «добро – зло», «истина – ложь», «справедливость – несправедливость». Капитализм порождает новую форму ценностей: они начинают производиться. Для средневекового общества такие символические формы, как богатство, власть, авторитет, были естественными образованиями, созданными не человеческим трудом, а Божественной Волей. В капиталистическом обществе вещи начинают выполнять функцию символов: богатства, власти, социального статуса, престижа. Если раньше вещи играли лишь параллельную роль по отношению к другим символическим системам, то теперь все другие системы поглощаются системой вещей. Чтобы стать объектом потребления, вещь должна сделаться символом, т. е. чем-то внеположным тому отношению,

которое она лишь обозначает в общей системе вещей-символов. Отсюда и изменение человеческих отношений, которые становятся отношениями потребления и приобретают тенденцию «потребляться» через вещи. Бодрийар пишет, что все человеческие желания и замыслы, страсти и отношения материализуются в вещах как символах, чтобы стать предметами покупки и потребления [5, с. 215].

Для определения этого феномена Бодрийар вводит понятие «симулякр». В капиталистическом обществе символическое отношение наделяет любой предмет любым значением, а символ становится пустой формой-«симулякром», которая может наполняться любым содержанием в зависимости от контекста. Бодрийар пишет, что настало время симулякров – недетерминированный символ стал способом выражения современного мира, провозгласившим ненужность смыслового определения. Однако отсутствие определенности символа означает, что мир вещей и идей распадается на части, не связанные никакими трансцендентными ценностями. В нынешней символической системе исчезают основные гуманистические критерии, определявшие многовековую культуру моральных, эстетических, практических суждений. Символы, служившие выражением высоких идеалов и устремлений, оказываются вовлеченными в сферу экономических отношений, что девальвирует традиционные для европейской цивилизации, прежде всего религиозные, христианские, ценности [5, с. 126–127].

Исследуя понятие симулякра, философ-постмодернист Ж. Делёз утверждал, что символ как онтологический феномен утрачивает свои позиции, а социальная действительность постиндустриального общества определяется властью симулякров. Делёз пишет, что симулякр производит внешнее впечатление подобия, но это только иллюзия, а не внутренний принцип. Он основан на разрозненности, несхожести образующих его смыслов, поэтому не может воплощать системность бытия мира и адекватно восприниматься социальными субъектами. Делёз описывает симулякр как деструктивный онтологический феномен, который выполняет функцию разрушения системной иерархии универсума. На современного человека обрушивается поток обрывков информации, не обладающий какой-либо со-

гласованностью, что приводит к раздроблению картины мира. Кроме этого, в мировоззрении современного общества акцентируются категории ужасного, безобразного, аморального, хаотичного, проблемы безумия, войны, террора, которые оформляются соответствующими симулякрами. Делёз приходит к пессимистичным выводам: «Властью симулякров определяется современность» [6, с. 161].

Современный русский исследователь Ю. П. Тен, рассматривая процессы межкультурной коммуникации, определяет, что ее результаты во многом зависят от способности участников адекватно понимать друг друга и достигать согласия. Среди затрудняющих межкультурное общение коммуникативных барьеров Тен называет неопределенность значений символов, причиной чего она считает процесс их профанации. Вследствие профанации символов становится невозможным формирование смыслового пространства, в котором осуществляются акты межкультурного общения и взаимопонимания. Тен связывает процесс профанации символов со сменой символических систем культуры, которая, в свою очередь, обусловлена мировоззренческой трансформацией общества [3, л. 4–5].

Для объяснения механизма смены символических систем Тен выделяет в символе два диалектически связанных аспекта: эзотерический (внутренний, тайный, недоступный) и экзотерический (внешний, явный, общедоступный). В периоды стабильного существования общества эзотерическая и экзотерическая стороны символа находятся в равновесии. В периоды смены эпох происходит ломка прежней символической системы и формирование новой, при этом на первый план выходит экзотерическая составляющая символа, поскольку его первоначальное значение искажается либо утрачивается. Эзотерическая сторона символа становится непостижимой для воспринимающего субъекта, особенно для такого, кто не обладает глубокими социогуманитарными знаниями и опытом. Преобладание экзотерической составляющей становится причиной того, что субъект не в состоянии адекватно и полно постичь смысловое содержание символа. Данный механизм раскрывает сущность феномена профанации символов [3, л. 101].

С древних времен символ являлся формой для воплощения сакрального духовного опыта, рассматривался в качестве посредника, который помогал человеку проникнуть в скрытые тайны мироздания. Символ понимался как способ взаимосвязи различных миров: земного и небесного, человеческого и божественного. Он представлял собой способ гармонизации законов существования космоса, природы и человека. На протяжении тысячелетий язык символов являлся сферой неприкосновенных, закрытых социальных, политических, религиозных отношений. В символах древних культур преобладала эзотерическая, внутренняя, тайная составляющая, их содержание было герметичным, известным только избранным. Христианская религиозная культура также использовала символы как чувственные формы воплощения трансцендентных сущностей, хотя их постижение становилось доступным более широкому кругу людей, посвященных в религиозные таинства. Однако развитие европейской цивилизации шло по пути постепенной секуляризации духовной и социальной жизни [3, л. 101].

В новоевропейской культуре рационализм становится доминантой, и в символе начинает преобладать эзотерическая составляющая, он выступает понятийно-рациональным способом выражения любого содержания. Уже в культуре Возрождения он обретает статус гносеологического и эстетического феномена, что приводит к снижению его эзотеричности: начинается процесс профанации символов, который постоянно углубляется. При этом символы прежних культурных эпох отвергаются, искажаются, трансформируются, наполняются новыми смыслами. Между тем они несут в себе сакральное начало и могут оказывать сильное эмоционально-психологическое воздействие на общество. Развитие массовой культуры в XX в. приводит к тому, что символ начинает рассматриваться как условная абстрактная конфигурация для фиксации информации. Символ оказывается пустой формой для заполнения любым содержанием, т. е. симулякром [3, л. 101].

В ситуации постмодернистского мировоззренческого плюрализма обостряются противоречия интерпретации символов. Конечно, любой символ полисемичен: внешний образ его означающего содержит мно-

жество смыслов означаемых. Но его интерпретация не произвольна, а зависит от знания воспринимающего субъекта. Культура вырабатывает определенные механизмы, которые помогают из совокупности различных вариантов интерпретаций выбрать верное значение и тем самым преодолеть смысловую вариативность символа. Определенное прочтение символического сообщения субъектом происходит тогда, когда он владеет системой кодирования и декодирования. Единая система значений создает условия адекватной интерпретации символического содержания. Если она отсутствует, то символ становится недоступным для своего возможного постижения. Субъект, не владеющий определенным социокультурным знанием, не может адекватно интерпретировать символ.

Выдающийся структуралист и семиотик Р. Барт полагал, что вариативность прочтения символических сообщений зависит от различных типов знания, проецируемых на изображение, – знания, связанные с повседневной практикой, национальной и религиозной принадлежностью, культурным и эстетическим уровнем. Человек может прочесть символ на нескольких уровнях, при этом на каждом из них могут быть задействованы различные историко-культурные слои. По мнению Барта, эта многозначность символа намеренно используется в массовой культуре, особенно при создании рекламной продукции. Идея, заложенная в рекламе, оформляется в узнаваемую символическую форму, которая содержится в сфере представлений людей определенного типа культуры. Однако создатель рекламного текста может не знать полного набора смысловых значений символа. В результате символ профанируется и утрачивает функцию передачи значимой социокультурной информации [7, с. 303–305].

Наиболее показательна эта тенденция в использовании в массовой культуре десакрализованных религиозных символов. В конце XX – начале XXI в. религиозные символы из разных культурных контекстов стали широко применяться при создании различной «художественной» продукции: фильмов и телесериалов, романов и детективов, дизайна и рекламы. Это обусловлено тем, что именно религиозные символы обладают наиболее сильной эмоциональной заряженностью. Во все времена они играли важную

роль демаркационной линии между мирами человеческого и божественного, прошлого и будущего, земного и загробного. Религиозные символы, изначально воплощавшие высшие мистические знания и моральные нормы, в современном обществе утрачивают данную функцию. Тем самым происходит девальвация традиционных религиозных идеалов и ценностей, составляющих многовековую основу человеческой культуры.

Причины профанации символов обусловлены системной трансформацией общества, и прежде всего его идейно-ценностной сферы. В постиндустриальном мире произошла переориентация культуры с высоких духовных ценностей в сферу материальных интересов. Это нашло отражение в формировании новой символической системы и в переосмыслении роли символа в культуре. Объясняя этот процесс, выдающийся представитель социальной философии П. Бурдье писал, что история западной культуры может быть понята как история изменений символических функций социальных институтов, когда они из воплощения высших духовных ценностей трансформируются в отношения производства, обращения и потребления символической продукции. Бурдье выдвинул идею о главном капитале постиндустриального общества – «символическом капитале», который он определял как сложную взаимосвязь ресурсов образования, престижа, влияния, репутации, признания и считал решающим фактором в установлении позиции современного человека в социальном пространстве [8, с. 49].

Заключение

Проблема профанации символов как нельзя более актуальна для современного общества. Понятие символа напрямую связано с понятием ценности, поскольку символическая система культуры всегда воплощает наиболее значимые социокультурные ценности. Девальвируются прежде всего ценности, и вместе с тем профанируются символы. Целостность и детерминированность символической системы знаменует стабильный период существования общества, в то время как нестабильный период характеризуется ее гетерогенностью и вариативностью. Наиболее емко данный вывод можно выразить в виде формулы: стабильность общества – ценностная система – определенность символов; трансформация об-

щества – ценностный хаос – вариативность симулякров. Таким образом, процесс профанации символов знаменует период нестабильного существования общества, связанный с трансформацией системы ценностей и формированием новой символической системы.

В глобализированном пространстве современного общества сосуществуют противоречивые ценностные ориентации – гедонизм и аскетизм, индивидуализм и коллективизм, прозападнические и антизападнические, либеральные и авторитарные позиции. Границы между ценностями являются размытыми, сами ценности – неопределенными, а социальное пространство – мировоззренчески бесформенным и неустойчивым. Одной из причин такого состояния общества является расширение межкультурной коммуникации. Этот процесс неоднозначен: с одной стороны, происходит обмен идеями и ценностями, который способствует познанию и взаимообогащению культур; с другой стороны, система культуры становится противоречивой и нестабильной. В европейскую систему включаются символы американской, азиатской, африканской культур; в постсоветскую – символы западной культуры; под влиянием западных представлений о политических и экономических принципах, этических и эстетических нормах в отечественной культуре также происходят системные изменения. Традиционные значения символов утрачивают определенность, становятся сложными для интерпретации, вместе с тем становятся неопределенными воплощаемые ими ценности и нормы. Современному человеку не на что опереться, осуществляя свой нравственный выбор, и это опасно возрастанием девиантного поведения и социальной аномии.

Отсюда возникает потребность в формировании целостной символической системы отечественной культуры, которая воплотила бы высшие духовные ценности и стала бы прочной нравственной опорой жизнедеятельности современного общества. Общезначимая система культурных символов поможет усвоить устойчивые модели социального поведения и тем самым обрести «твердую почву под ногами». Будучи ориентирами в системе образования, культурнозначимые символы помогут сплотить разнородные социальные общности и груп-

пы, придать мощный импульс единению общества. Поиск таких символов может развиваться в разных направлениях: это обращение к мифологическим символам язычества и религиозному символизму христианства, к исторической и политической символике времен Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, к символическому воплощению социальной перспективы советского общества и социальных идеалов западной культуры. Весьма плодотворным представляется символическое олицетворение современных идей экогуманизма.

Символы отечественной культуры могут быть реконструированы на основе анализа мифологических, религиозных, философских, эстетических, политических представлений, зафиксированных в исторических памятниках разных видов и жанров. Большая часть символов восходит к языческим временам и воплощает мифологические воззрения. Распространение христианства привело к утверждению новой системы религиозной символики. Вместе с тем мифологические символы не утратили своей силы, обогатившись новыми смысловыми значениями, они прочно вошли в систему христианства. Эволюция символических форм шла по пути не полной смены, а наслаивания одних значений на другие. В этом процессе проявилась важная черта отечественной культуры, такая как синтезность – стремление к гармоничному объединению разных культурных традиций. Данная модель может быть примером для формирования символической системы современного общества.

Социальная символика отечественной культуры представлена историческими и политическими образами и статусными фигурами прошлого общественного устройства. Особое значение имеет политическая символика, которая выполняет в обществе идентификационно-интегративную функцию включения в одни социальные общности и обособления от других. Ведущую роль в интеграции различных общностей в единый социум играют государственные символы, которые должны воплощать общезначимые национальные ценности и интересы. Формирование смыслового содержания государственных символов – это длительный процесс, который осложняется динамичными изменениями политической сферы со-

временного общества и противоречивым характером отечественной истории.

Задача построения символической системы культуры наталкивается на ряд трудностей. Адекватное использование исторических и религиозных символов предполагает понимание историко-культурного контекста, в котором они функционировали. К тому же интерпретация символов прошлого осуществляется сквозь призму современных представлений. Поэтому субъекту, находящемуся в другом историко-культурном контексте, необходимо в едином акте постижения символа соединить разные временные и смысловые пласты. При этом, интерпретируя символические значения, он должен осознавать специфику своей культуры и ее отличие от других. Для адекватной интерпретации символов субъекты культуры должны быть открыты к позитивному диалогу, иметь определенные знания о своей и других культурах, руководствоваться принципами толерантности и взаимного уважения.

К. Г. Юнг утверждает, что символы могут иметь универсальные значения, поскольку в разных культурах существуют схожие мифорелигиозные и социально-политические представления [4, с. 297]. Его теория архетипов имеет большую эвристическую ценность, т. к. предполагает возможность моделирования общезначимого символического языка. На протяжении истории своего существования отечественная культура выработала устойчивую систему символов, долговечность которых может быть объяснена их архетипическими основами. Поэтому и современная культура может использовать символические формы предыдущих эпох, обогащая их новыми смысловыми значениями.

Кроме того, существуют общезначимые ценности, сформированные содержанием универсалий культуры: человек и природа, добро и зло, справедливость и несправедливость, благородство и низость, свобода и ответственность. К общезначимым можно отнести также ценности материнства, старчества, образованности, сотрудничества, добрососедства. Выдающийся ученый в области философии культуры В. С. Степин подчеркивал, что мировоззренческие универсалии, фиксируя шкалу ценностей той или иной эпохи, обеспечивают ориентацию человека в мире, выражают его отно-

шение к природе и обществу [9, с. 419–429]. Система универсалий представляет программу воспроизводства определенного типа общества, которая наглядно воплощена в символах культуры. Наполнение существующих символов новым содержанием отражает синтез традиционного и нового социального опыта, постоянно происходящий в недрах культуры.

Теории архетипов и культурных универсалий могут служить научной основой для символического моделирования общезначимых ценностей, сформированных в рамках современного эгогуманизма, который может быть представлен как приоритет нравственной чистоты внутреннего мира человека и его взаимоотношений с людьми и природой. В центре эгогуманистических

ценностей – идеал ответственного человека и ответственного общества. Ответственное преобразование человеком природы наделяет его деятельность особым значением; ответственное преображение человеком самого себя формирует устойчивый смысл его жизни. Ответственное общество способно в совместной творческой деятельности соединить современную социальную динамику с заботой о человеке и природе. Ценности эгогуманизма могут стать универсальной мировоззренческой основой современного общества и центральным элементом отечественной культуры. Эти ценности нуждаются в наиболее адекватной, соответствующей им символической форме, поиск которой – дело будущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комисарук, С. М. Основные подходы к проблеме символа в философии культуры: опыт систематизации / С. М. Комисарук // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2021. – Т. 13, № 3. – С. 112–118.
2. Дешарне, Б. Символ / Б. Дешарне, Л. Нефонтен. – М. : АСТ : Астрель, 2007. – 190 с.
3. Тен, Ю. П. Символ в межкультурной коммуникации : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13 / Ю. П. Тен. – Ростов н/Д., 2008. – 333 л.
4. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. – М. : Прогресс : Универс, 1994. – 336 с.
5. Бодрийар, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийар. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
6. Делёз, Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз. – М. : Петрополис, 1998. – 384 с.
7. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1994. – 616 с.
8. Бурдьё, П. Рынок символической продукции / П. Бурдьё // Вопр. социологии. – 1993. – № 1. – С. 49–62.
9. Степин, В. С. Человек. Деятельность. Культура / В. С. Степин. – СПб. : СПбГУП, 2018. – 800 с.

REFERENCES

1. Komisaruk, S. M. Osnovnyje podkhody k problemie simvola v filosofii kul'tury: opyt sistematizacii / S. M. Komisaruk // Viesn. Hrodzien. un-ta imia Yanki Kupaly. Ser. 1, Historyja i arkhiealohija. Filasofija. Palitalohija. – 2021. – T. 13, № 3. – S. 112–118.
2. Desharne, B. Simvol / B. Desharne, L. Niefonten. – M. : AST : Astrel', 2007. – 190 s.
3. Ten, Yu. P. Simvol v miezhkul'turnoj kommunikacii : dis. ... d-ra filos. nauk : 09.00.13 / Yu. P. Ten. – Rostov n/D., 2008. – 333 l.
4. Yung, K. G. Problemy dushi nashego vriemieni / K. G. Yung. – M. : Progress : Univiers, 1994. – 336 s.
5. Bodrijar, Zh. Simvolichieskij obmien i smiert' / Zh. Bodrijar. – M. : Dobrosviet, 2000. – 387 s.
6. Delioz, Zh. Razlichije i povtorienije / Zh. Delioz. – M. : Pietropolis, 1998. – 384 s.
7. Bart, R. Izbrannyje raboty. Siemiotika. Poetika / R. Bart. – M. : Progress, 1994. – 616 s.
8. Burd'je, P. Rynok simvolichieskoj produkcii / P. Burd'je // Vopr. sociologii. – 1993. – № 1. – S. 49–62.
9. Stiopin, V. S. Chieloviek. Diejatiel'nost'. Kul'tura / V. S. Stiopin. – SPb. : SPbGUP, 2018. – 800 s.

УДК 930.2

Борис Михайлович Лепешко*д-р. ист. наук, проф., проф. каф. философии и экономики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Boris Lepeshko***Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Economics
of the Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: borys.lepieszko@tut.by***МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ**

Анализируются некоторые методы исторического исследования с целью выявления механизма их применения в конкретных работах конкретных историков, как правило, историков-концептуалистов. Обращено внимание на труды Л. Гумилева, В. О. Ключевского, А. Тойнби, Р. Виппера, иных выдающихся авторов. Показана роль высказанных идей для современности. Сделан вывод о типичных чертах ряда популярных методов и их особенностях в контексте различных методологических схем.

Ключевые слова: *метод, методология, междисциплинарный подход, история, цивилизация, культурный контекст.*

Historical Research Methods: from Theory to Practice

The article analyzes some methods of historical research in order to identify the mechanism of their application in specific works of specific historians, as a rule, conceptual historians. In this context, attention is drawn to the works of L. Gumilev, V. O. Klyuchevsky, A. Toynbee, R. Whipper, and other outstanding authors. The role of the expressed ideas for modernity is shown. The conclusion is made about the typical features of a number of popular methods and their features in the context of various methodological schemes.

Key words: *method, methodology, interdisciplinary approach, history, civilization, cultural context.*

Введение

Интерес к данной теме объясняется рядом причин. Во-первых, процесс совершенствования, обогащения методов исторического исследования носит постоянный характер, и мы являемся свидетелями все новых и новых подходов, в т. ч. междисциплинарного характера, к историческому материалу. Но это значит, что возникает необходимость систематизации и осмысления накапливаемого материала. Во-вторых, важно понимание самого механизма перехода от теории (концептуальные формулировки того или иного метода) к практике, достижению конкретных результатов. То есть важно уяснить, как практически выглядит процесс применения того или иного метода, в чем его особенности, специфика. В-третьих, важно понимание связи между методом и теорией. Другими словами, есть ли закономерности при использовании метода в контексте той или иной исследовательской парадигмы. На наш взгляд, ответ на этот последний вопрос даст возможность выбрать соответствующий метод и связать его с избранным концептом.

Основная часть

Обращение к теории методов в историческом исследовании в литературе достаточно популярно [1–4], и нет необходимости подробно останавливаться на типологии методов, их характеристике и т. п. Поэтому основной исследовательской задачей выглядит демонстрация механизма применения методов некоторыми крупнейшими историками прошлого, в первую очередь историками-концептуалистами, и возможность их применения современными исследователями. Одно дело, когда заявлен тот или иной метод. И совершенно другое, как он применяется в ходе практического исследования, при обращении к историческому материалу. И в этом контексте нам бы хотелось первоначально обратиться к творчеству крупнейшего отечественного теоретика и практика Льва Гумилева. Выбор, очевидно, не случаен. В своем творчестве ученый явил подлинные образцы применения методов исторического исследования, причем проблема может рассматриваться и шире: как анализ методов гуманитарного и естественно-научного цикла в целом.

Первоначально хотелось бы обратить внимание на *междисциплинарный харак-*

тер применяемых методов. Достаточно давно, в 60-х гг. прошлого века, ученый говорил о важности применения данных различных дисциплин. Так, например, в работе «Открытие Хазарии», на которую мы будем часто ссылаться, он прямо пишет, что «необходимо добиться органического сочетания исторической географии с палеографией и археологией» [5, с. 15]. Исследуя загадку происхождения и развития Хазарии, ученый привлекает данные вовсе не летописных сводов (их нет), не записи путешественников той поры (они не оставили таковых), он говорит о таких, на первый взгляд, «скучных» вещах, как уровень моря, рельеф береговой линии, реконструкции каменных сооружений и др. Анализ позволяет ученому говорить о том, что климат региона не был постоянным, он постоянно менялся, менялась и береговая линия, многие археологические памятники просто ушли под воду. Поэтому поиск артефактов должен основываться не только на упоминании того или иного исторического памятника, но и на изучении географических условий развития и существования. Причем тут существует и обратная связь: «Совмещая данные физической географии и неолитической истории, мы можем восполнить пробелы первой и объяснить загадочные явления второй» [5, с. 20]. Историк постоянно пробует уяснить взаимосвязь археологической культуры и ландшафта, чтобы установить, выяснить границы Волжской Хазарии и палеографию дельты Волги.

Причем не надо думать, что речь шла преимущественно о географических компонентах исторического процесса (в силу профессионального интереса самого ученого). Так, рассуждая о викингах, об их понимании жизни и смерти, Л. Гумилев приводит известные замечания о специфике такого явления, как берсерки. Викинги «особенно ценили берсерков (подобных медведю), т. е. людей, способных перед боем впасть в истерическое состояние и с огромной силой крушить врага» [5, с. 305]. Важно подчеркнуть, что здесь интересен не только факт сам по себе, но и взаимосвязь истории, психологии, медицины. Ученый также связывает данный феномен с пассионарностью, подчеркивая, что берсерки были пассионарны, отличались психологическим, в целом ментальным складом от иных соплеменников.

В итоге выстраивается законченная концептуальная схема, связанная с психологическими особенностями пассионариев и их ролью в развитии социума.

В этой части было бы правильным отметить некоторые важные аспекты междисциплинарного подхода, как это фактически осуществляет Лев Гумилев. Первая особенность связана с выбором сопутствующих истории дисциплин. Здесь нет каких-то незыблемых правил, исследователь выбирает те науки, методы, которые он считает приемлемыми в данном контексте. Чаще всего это география, психология, но возможны и иные альтернативы. Далее важно отметить необходимость высоких профессиональных навыков в той дисциплине, данные которой привлекаются ученым. Можем, например, вспомнить, что Гумилев был доктором географических наук (правда, первоначально степень не была ему присуждена по не зависящим от него причинам). И еще одно важное соображение. Сам по себе междисциплинарный подход важен, но его эффективность многократно увеличивается в том случае, когда применение метода взаимоувязывается с той или иной концептуальной схемой. Можно даже попробовать рискнуть утверждать, что отдельные методы «любят» ту или иную теоретическую парадигму. Например, А. Тойнби, его теория культурно-исторических типов и метод аналогии. Или аналогия в трудах О. Шпенглера. Применительно к Гумилеву приведем такое запоминающееся высказывание ученого: «Византийский этнос не имел предков. Это, конечно, не значит, что этнос... это не поголовье людей, а динамическая система, возникающая в историческом времени, при наличии пассионарного толчка как необходимого компонента при пусковом моменте этногенеза, процесса, ломающего старую культуру» [5, с. 263]. Здесь можно обратить внимание на связь главных концептуальных идей ученого и обращение к анализу конкретного исторического факта. Причем категориальная система выстраивается таким образом, что читателю понятно, где идеи основополагающие, базовые, а где фактологический материал. В этом аспекте вспомним интересную параллель между идеями Льва Гумилева и такого выдающегося историка, как Василий Ключевский. Речь шла о научном

поиске, связанном с позабытыми терминами прошлого: «фарсанг» у Гумилева и «полтредьядцать» у Ключевского. И один, и другой отмечали именно междисциплинарный характер научного поиска, тот факт, что понимание термина невозможно в рамках какой-либо «узкой» дисциплины. Фарсанг, например, это мера длины, но в разных источниках он характеризуется разной длиной. А суть в том, что «фарсанг действительно определенная мера длины, но приблизительная, зависящая от рельефа и состояния дорог» [5, с. 54]. Мы опускаем в данном случае всю цепочку рассуждений ученого, отмечая суть: зависимость исторического, географического, других факторов. Примерно та же картина наблюдается при анализе некоторых идей В. О. Ключевского. В частности, «полтредьядцать» – это не 15, как может показаться, а 45, т. е. 30 плюс 15.

Теперь отвлечемся и скажем несколько слов по поводу теории метода В. О. Ключевского (подробный разбор требует специального рассмотрения). Главное – это его протест против абсолютизации любого метода исторического исследования. Под ярким пером ученого это выглядит так: «Предполагать ко всем историческим явлениям статистический или иной подобный специальный метод, имеющий свою особую сферу применения, – все равно что лечить все болезни хиной» [7, с. 301]. Конкретный пример: смешивать изучение национального вопроса и принципов морали в том или ином общественном слое – методологическая ошибка и соответствующие методы должны быть разными. Да и в целом говорить о методе надо конкретно-исторически, т. е. четко представлять себе, что и как следует прояснить. Так, например, история может выглядеть «пояснительным материалом к статистике». Кроме того, любой исторический контекст есть явление «нравственно-педагогическое», отсюда важность методов психологии, учет среды. Далее: «Так как историческое изучение должно воспроизвести генезис известной культуры, а культур в современном человечестве несколько и все они существенно различаются между собою, то и выбор, и самая оценка исторических явлений неизбежно будут различны у историков, принадлежащих к различным культурам» [6, с. 71–72]. Получается, что методы могут существенно раз-

личаться, и это естественный процесс. Правда, в данном случае историк не говорит, как быть с исторической истиной, другими словами, кто прав в случае возникающих противоречий, которые естественны и закономерны в различных исторических школах. Какую-то помощь современному исследователю могут оказать соответствующие главы «Методологии русской истории», в частности, рассуждения об объективном и субъективном методах [6, с. 70–73], однако и здесь существует определенная неудовлетворенность, поскольку неясно, какой метод предпочтительнее.

Точно так же надо учитывать, что есть педагоги-преподаватели, а есть исследователи, и между их деятельностью существует в части методов большая разница, в том смысле, что «для каждой специальной цели нужны и особые приемы, своего рода специальный метод» [7, с. 302]. Одно дело, если историк преподает, совсем другое – когда исследует проблему. Здесь нет парадокса, поскольку, например, преподаватель обращается к мышлению ученика как к «свече, которую надо зажечь». Передается уже готовое знание, но не механически, а творчески. И здесь важную роль играет метод художественного изложения материала. В этом аспекте вернемся к идеям Льва Гумилева.

Отметим такой важный метод в его творчестве, как использование художественных средств при изложении исторического материала. Говоря иначе, поэзия, литература – обязательный компонент научного поиска. Можно по этому поводу привести много свидетельств, ограничимся одним. В работе «От Руси до России», удостоенной Государственной премии, ученый обращается к творчеству Адама Мицкевича. Говоря о том, что баллада поэта была «чуждо» переведена А. Пушкиным, писатель далее рассуждает об исторических судьбах России и Польши [8, с. 141]. Здесь хотелось бы обратить внимание на следующие особенности этого популярного и сегодня метода. Во-первых, точный выбор поэтического адресата, поскольку ясно, что значит А. Мицкевич для польского и белорусского национального самосознания. Во-вторых, усиление эмоционального воздействия на читателя, обращающегося к теме исторического разделения двух данных стран. Ведь

одно дело – констатировать факт цивилизационного раздела, и совсем иное – привести художественное осмысление свершившегося в истории факта и пояснить именно художественными средствами все негативные последствия этого шага для судьбы славянства. По сути дела, во всех исторических реминисценциях ученого речь идет о привлечении художественного материала, цель и смысл которого даже не в дополнительной доказательности, а эмоциональном воздействии на читателя.

В этом аспекте (эмоциональное воздействие на читателя) важен и такой непростой метод исторического поиска, как негативная характеристика героев повествования. Ведь достаточно просто под барабанную дробь говорить о подвигах, военной славе исторических предшественников. Гораздо сложнее приводить те факты и давать им развернутый комментарий, в которых речь идет о не вписывающихся в общую позитивную картину событиях прошлого. Приведем запоминающийся пример. Говоря о памятных событиях на Куликовом поле, Лев Гумилев приводит такой факт. Когда Олег Рязанский с малочисленным отрядом сумел сдержать литовское войско Ягайлы, «воины Ягайлы напали на русские обозы и перерезали раненых» [8, с. 160], а большинство воинов Ягайлы – это бойцы Полоцка, Гродно, Минска. Здесь возникает вопрос о пределах допустимого в изложении исторического материала, оценках, в целом о понятии исторической правды. На наш взгляд, здесь целесообразно заметить следующее. Конечно, если речь идет о следовании исторической правде, то скрывать исторические факты или приукрашивать их недальновидно и несправедливо. Речь всегда зависит от контекста повествования. Если отсутствует политический и иной заказ, то ситуацию может спасти только известная позитивистская беспристрастность. Естественно, в тех пределах, которые возможны.

Слова о «политическом заказе» здесь не случайны. Дело в том, что развитие национальной истории иногда сопровождалось и прямым политическим заказом. Один из примеров приводит и Лев Гумилев. Обращаясь к деяниям Петра Великого, он говорит о том, что была сотворена соответствующая легенда, не имеющая ничего общего с действительностью. Сотворение ис-

торических легенд – это тоже метод, причем достаточно часто действенный. Вспомним хотя бы не столь давно дезавуированный миф о «развитом социализме» у нас в стране, современникам нет необходимости пояснять, что это такое и каким образом эта легенда стала государственным мифом. Вспоминая Петра Великого, Лев Гумилев критикует сложившуюся, на его взгляд, легенду о том, что при Петре управляли страной немцы, что финансы страны были полностью расстроены и т. д. [8, с. 290–292]. В целом в ходе рассуждений историк полагает, что в стране надолго воцарился именно миф о человеке, «прорубившем окно в Европу», брившем бороды и т. п. То есть перед нами единство двух подходов: концептуального, связанного с принципиальным пониманием конкретного факта, деятеля, методологического, адресованного попытке выбрать и интерпретировать тот или иной метод.

Несколько слов о самом методе, как его понимал выдающийся русский историк. Эти замечания ученый сделал в послесловии к работе «От Руси до России». Первое: метод во многом зависит от того, какую логику мы предлагаем читателю при изложении истории. Дело в том, что история бывает разная: есть история социальная, история экономическая, политическая, этническая. Разная история предполагает применение разных методов при изложении материала. В частности, говоря об истории России, необходимо помнить, что мы ведем речь не о единой поступательной линии прогресса, а об истории двух суперэтносов (с точки зрения ученого): это история Древней Киевской Руси (вплоть до XIII в.) и история Московской Руси (с XIII в.). Далее два принципиальных вывода. Один связан с пониманием теории этносов (суперэтносов), который не сводим к столь привычной нам теории общественно-экономических формаций, и второй, который напрямую относится к теории методов. Здесь вообще происходит своего рода «смыкание» гуманитарных (исторических) и естественно-научных методов. Получить достоверные выводы с помощью исключительно методов гуманитарных наук в условиях смены этногенеза вообще невозможно. Мало того, чтобы достигнуть обобщения фактов исторической действительности, необходимо учитывать

их в «чистом виде», отслоенными от литературных источников и подвергнутыми сравнительной исторической критике. «Такой метод принадлежит уже не гуманитарным, а естественным наукам» [8, с. 287]. Поэтому второе связано с термином «пассионарное напряжение». И отсюда третье: история различных суперэтносов не может быть идентичной, протекать одинаково и по одним законам. В этой связи столь плачевные результаты следуют тогда (с точки зрения ученого), когда культурные традиции одного суперэтноса переносятся в историю другого. Лев Гумилев открыто выступает против заимствования опыта развития западноевропейского суперэтноса, столь популярного у нас одно время. Он пишет так: «Конечно, можно попытаться войти в круг “цивилизованных народов”, т. е. в чужой суперэтнос. Но, к сожалению, ничего не дается даром. Надо осознавать, что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция» [8, с. 293]. Так соединяются в единое целое теория этноса, учение о методах и мировоззренческая определенность.

Теперь обратимся к идеям А. Тойнби, еще одного крупнейшего историка-концептуалиста. Он широко известен, в т. ч. и в нашей стране, поэтому хотелось бы остановиться именно на механизме применения методов в его творчестве и обратить внимание первоначально на основополагающий метод – аналогию. Вот как специалист говорил о своем научном открытии, когда он обратился к поиску механизма познания исторического (статья «Мой взгляд на историю») с помощью метода аналогии. Ключевым здесь является положение, согласно которому тот опыт и те переживания, которые мы испытываем в XX в., уже были «пережиты» ушедшими поколениями ранее. Обращаясь, в частности, к творчеству Фукидида, Тойнби пишет: «Я перечитывал его теперь с новым ощущением, переосмысливая значение его слов и чувства, скрывающиеся за теми фразами, которые совершенно не трогали меня до той поры, пока я сам не столкнулся с тем же историческим кризисом, который вдохновил его на эти труды. Фукидид, как я теперь понял, уже прошел по этому пути раньше нас. Он сам и его поколение по историческому опыту стояли

на более высокой ступени времени: собственно, его настоящее соответствовало моему будущему. Но это превращало в нонсенс ту общепринятую формулу, что обозначала мой мир как “современный”, а мир Фукидида как “древний”» [9, с. 23]. То есть в философском аспекте все мы современники. Необходимость и даже неизбежность аналогий в процессе исторического познания вытекает, по мнению исследователя, из того непреложного факта, что «история повторяется». Повторяется в соответствии с общим ритмом Вселенной и соответствующей «одновременностью» человеческой истории.

Вспомним концепцию «Ухода-и-Возврата» А. Тойнби, которая послужила для ученого той гносеологической основой, на которой развернутые исторические аналогии стали выглядеть не просто как важнейшие средства познания, но и как уникальное средство осмысления исторической действительности. Формальнологически это можно показать в следующем формализованном виде: А (a, b с d) истинно, поскольку a, b, c, d аналогичны друг другу. Приведем один из многочисленных примеров ученого, в числе которых «Западный мир против Московии» и «Западный мир против Османской империи». А. Тойнби пишет, что «присмотревшись внимательнее, мы убедимся, что судьба Австро-Венгрии аналогична судьбе польско-литовского государства» [10, с. 141]. То есть польское давление на Россию в начале XVII в. положило начало «вестернизации» русского православного христианства на Балканах и тем самым лишило империю Габсбургов статуса антиосманского форпоста западного общества. Причем «эта параллель сохраняется и в деталях», замечает Тойнби. И приводит ряд важных характеристик конкретно-исторического характера, подтверждающих данную мысль [10, с. 150–153].

В целом можно заметить, что метод исторической аналогии в творчестве А. Тойнби служил важнейшим инструментом и при формулировке методологических постулатов, и в контексте исторических фантазий и пророчеств. Не раз отмечалось, что Тойнби допускает произвольную экстраполяцию одних эпох или событий на другие. Вызывает споры отождествление XX в. нашей эры с первым веком до нашей эры, древнего

Рима и США, греческих полисов с западно-европейскими странами. Сам А. Тойнби неоднократно протестовал против ложных аналогий, которые свидетельствуют о поверхностном подходе историков к изучаемым фактам. Так, например, анализируя историю Оттоманской империи периода ее упадка, Тойнби замечает, что западные историки часто ошибаются в оценках. В основе этих ошибок лежит «ложная аналогия между исламским институтом, который они были не в состоянии понять, и западным институтом, вполне для них понятным» [10, с. 490]. В современных реалиях очень актуальное замечание. Отождествляя, в частности, халифат с папством, западные ученые видели в нем духовное учреждение в западном смысле, но эта абстракция была чужда исламской мысли. Такие примеры несложно продолжить. Но не в кажущихся и в подлинных противоречиях методологии и конкретных исследований дело. Суть в том, что историческая аналогия – приводной ремень всего механизма тойнбианской методологии. Эта методология, вне сомнений, жизненна – безупречным логическим аппаратом, мощной эмпирической базой, новизной и смелостью подходов. Следует признать, что мало кто в мировой историографии делал столь смелую и плодотворную попытку исследовать мировой исторический процесс, широко и всесторонне используя метод исторической аналогии.

Работы известного русского историка Р. Ю. Виппера также пользуются у нас заслуженной известностью. Однако, на наш взгляд, практика переиздания трудов ученого свидетельствует о своеобразном «перекосе» в издательской практике: на свет появляются главным образом учебные пособия, монографические исследования и не придается должного внимания материалам методологического и гносеологического характера. Между тем именно в них талант Р. Ю. Виппера проявился ярко и впечатляюще как для современников, так и для последующих поколений историков и всех тех, кто интересуется вопросами исторического познания. Мы обратим внимание на некоторые вопросы методологического характера в трудах ученого, в первую очередь связанные с теорией метода.

Вначале обратим внимание на эпиграф, который Р. Ю. Виппер поместил к

статье, посвященной проблемам исторического познания и опубликованной в 1900 г. в журнале «Вопросы философии и психологии». Это цитата из «Новой науки» Дж. Вико: «Эта наука (история) идет тем же методом, как и геометрия, потому что она создает из самой себя мир величия, строит сама себя из собственных элементов». Пафос этой цитаты известен: Р. Ю. Виппер возражает против абсолютизации позитивистского подхода, связанного с обращением к «объективным фактам», которые «лишь ожидают, чтобы их открыли». Для ученого очевидно, что позитивизм – вчерашний день исторической науки, новое же слово может быть связано с успехами опытной психологии, ибо объективная действительность есть не что иное, как субъективная категория: «Каждое поколение или ряд поколений, связанных общими идеями, каждая интеллектуальная группа неизбежно приспособливает к себе, к своим нуждам, к своим симпатиям, к своим гаданиям о будущем, к своим психологическим предрасположениям всю традицию о прошлом, весь исторический материал, можно бы сказать, препарирует для себя всю историю, творит для себя идеальное прошлое» [11, с. 61]. Можно по-разному относиться к подобному методологическому подходу, как и к преувеличенному значению субъективного метода, но очевидно, что данный взгляд коренился в требованиях эпохи, в частности, той большой роли, которую играла экспериментальная психология в научном мире.

История в определенном смысле есть аналогия, а аналогия занимает важное место в исследованиях специфики исторического познания. Аргументируя эту мысль, Р. Ю. Виппер вновь обращается к взаимосвязи позитивистских и новых более современных подходов. Он замечает: «В способе наших рассуждений, в постановке вопросов, в наших сравнениях и аналогиях, во всей нашей терминологии мы вполне еще подчинены «реализму позитивной науки» [11, с. 28]. Однако это влияние необходимо преодолевать. Ограниченность позитивизма в данном аспекте можно проиллюстрировать путем критики между религиозными и политическими направлениями, которое Р. Ю. Виппер именуется как «психологический параллелизм». Так, например, в характеристике эпохи Реформации можно найти

следующее объяснение связи между религиозными и политическими направлениями XVI и XVII вв.: поскольку протестантизм есть «индивидуализм в религии», личная свобода в сфере веры, постольку он ведет к политической свободе, правам личности. Отсюда следует вывод, что корни европейской революции лежат в реформационных процессах. «В основе этого построения, – замечает Р. Ю. Виппер, – лежит, без сомнения, мысль о психических аналогиях и их взаимодействии: свобода веры аналогична свободе политической, как представление, и потому одна вызывает другую и в историческом ходе вещей» [11, с. 43]. Но факты противоречат такого рода аналогиям, в частности, Франция как главная революционная арена осталась в целом верной католичеству. А вот в реформационной Германии не наблюдается движение к политическим свободам. Примеры в угоду «раз принятой психологической комбинации» можно множить, но суть от этого не меняется: «психологический параллелизм» плодотворен исключительно в рамках достоверных фактов, а не умозрительных схем.

Заключение

В заключение хотелось бы высказать несколько обобщающих выводов. Вначале главное: четкой и общепринятой системы исторических методов все же нет. Принятые классификации (общелогические, специальные и т. д. методы) столь существенно отличаются у известных специалистов, что говорить о типичном можно очень условно.

Выдающиеся историки формулировали идеи, которые были именно им ближе

всего: по методологическим основаниям, прежде всего, интересу к иным наукам, акценту либо на специальные методы, либо на методы обобщающего характера. Достаточно сравнить подходы не раз упоминавшихся в тексте статей Льва Гумилева, Арнольда Тойнби и Василия Ключевского, чтобы убедиться в этом. Далее, насколько известно, почти для всех крупнейших историко-концептуалистов был свойственен междисциплинарный подход, использование данных иных наук и методов, особенно из сферы географии, психологии, этнографии, других дисциплин. В ряде случаев у нас распространен подход, связанный с интересом к междисциплинарной проблематике именно в последние десятилетия. Но это, очевидно, не так. В текстах историко-концептуалистов фактически всегда присутствует интерес к данным иных наук, более того, может возникнуть такая ситуация, когда методы других наук становятся преобладающими (теория этногенеза Льва Гумилева). Такое замечание В. О. Ключевского: «Никогда мы не достигнем того, чтобы история стала экспериментальной наукой, потому что у историка никогда не будет в руках того искусственного средства для познания явлений, каким служит в руках естествоведа кабинетный опыт» [6, с. 79].

И с той поры в этой сфере мало что изменилось. Но у историка есть «обширное поле для наблюдений», такие методы, как сравнение, аналогия, возможность выбирать и сравнивать явления. У историка есть возможность видеть генезис явления, его судьбу, его уроки, что является важным итогом и результатом его деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барг, М. А. Категории и методы исторической науки / М. А. Барг. – М. : Наука, 1984. – 142 с.
2. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М., 1987. – 440 с.
3. Методологические проблемы истории : учеб. пособие / В. Н. Сидорцов [и др.] ; под общ. ред. В. Н. Сидорцова. – Минск : ТетраСистемс, 1996. – 352 с.
4. Лепешко, Б. М. Методология истории / Б. М. Лепешко. – Брест : Изд-во БрГУ им. А. С. Пушкина, 2020. – 136 с.
5. Гумилев, Л. Н. Открытие Хазарии / Л. Н. Гумилев. – М. : Рольф, 2001. – 416 с.
6. Ключевский, В. О. Методология русской истории / В. О. Ключевский // Собрание сочинений : в 9 т. – М. : Мысль, 1989. – Т. 6. – С. 5–93.
7. Ключевский, В. О. Дневниковые записи / В. О. Ключевский // Собрание сочинений : в 9 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 9. – С. 298–305.

8. Гумилев, Л. Н. От Руси до России / Л. Н. Гумилев. – М. : Рольф, 2000. – 320 с.
9. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории / А. Тойнби. – М. : Прогресс, 1996. – 478 с.
10. Тойнби, А. Постигание истории / А. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
11. Виппер Р. Ю. Две интеллигенции и другие очерки : сб. ст. и публич. лекций / Р. Ю. Виппер. – М. : Тип. И. Кушнерев, 1911. – 321 с.

REFERENCES

1. Barg, M. A. Kategorie i metody istorichieskoj nauki / M. A. Barg. – M. : Nauka, 1984. – 142 s.
2. Koval'chienko, I. D. Metody istorichieskogo issliedovanija / I. D. Koval'chienko. – M. : 1987. – 440 s.
3. Metodologichieskije problemi istorii : uchieb. posobije / V. N. Sidorcov [i dr.] ; pod obshch. ried. V. N. Sidorcova. – Minsk : TetraSistems, 1996. – 352 s.
4. Liepieshko, B. M. Metodologija istorii / B. M. Liepieshko. – Brest : Izd-vo BrGU im. A. S. Pushkina, 2020. – 136 s.
5. Gumiliov, L. N. Otkrytije Khazarii / L. N. Gumiliov. – M. : Rol'f, 2001. – 416 s.
6. Kliuchievskij, V. O. Metodologija russkoj istorii / V. O. Kliuchievskij // Sobranije sochinienij : v 9 t. – M. : Mysl', 1989. – T. 6. – S. 5–93.
7. Kliuchievskij, V. O. Dnievnikovyje zapisi / V. O. Kliuchievskij // Sobranije sochinienij : v 9 t. – T. 9. – M. : Mysl', 1990. – S. 298–305.
8. Gumiliov, L. N. Ot Rusi do Rossii / L. N. Gumiliov – M. : Rol'f, 2000. – 320 s.
9. Tojnbi, A. Civilizacija pieried sudom istorii / A. Tojnbi. – M. : Progress, 1996. – 478 s.
10. Tojnbi, A. Postizhenije istorii / A. Tojnbi. – M. : Progress, 1991. – 736 s.
11. Vipper, R. Yu. Dvie intielligencii i drugije ochierki : sb. st. i publich. liekcii / R. Yu. Vipper. – M. : Tip. I. Kushnieriev, 1911. – 321 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 30.08.2022

УДК 316.33

Анатолій Іванович Лысюк¹, Марія Григорьевна Соколовська²¹д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина²магистр психол. наук, ст. преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина**Anatolij Lysiuk¹, Maria Sokolovskaja²**¹Doctor in Political, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of Department for Political Science and Sociology
of the Brest State A. S. Pushkin University²Master of Psychology, Senior of Lecturer of Department for Political Science and Sociology
of the Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: ¹ailysiuk@list.ru; ²llogos@list.ru

ФРИДРИХ НИЦШЕ О ЖЕНСКОМ ПРИЗВАНИИ

Осуществляется анализ социальных миссий женщины, обусловленных ее местом в социальных иерархиях и гендерных порядках. Указывается на то, что изначальная природа женщины и властные отношения в обществе побуждают ее обрести свое подлинное призвание в любви, браке и семье, что обусловлено, в частности, ее способностью к «любви к ближнему», в то время как мужчины отдают предпочтение «любви к дальнему». Подобный жизненный фокус женщины позволяет ей достичь совершенства в любовных отношениях, включая и обретение искусства манипуляции мужчинами. Ницше критически относится к социальной эмансипации женщины, будучи убежденным, что подобный социальный тренд разрушает ценности общества и личность женщины, одновременно лишая ее тех преимуществ в социуме, семье и отношениях с мужчинами, которыми она исторически обладает. Философ полагает, что необходимо воспрепятствовать эмансипации женщины посредством сохранения традиционных ценностей и правильной ее социализации.

Ключевые слова: мужчина, женщина, призвание, высшие ценности, власть, любовь, эмансипация.

Friedrich Nietzsche about Feminine Vocation

The article analyses the social missions of a woman, determined by her place in social hierarchies and gender orders. It is pointed out that the original nature of a woman and power relations in society encourage her to find true vocation in love, marriage and family, which is stipulated, in particular, by her ability to «love her neighbor», while men prefer «love to the far». Such a life focus of a woman allows her to achieve perfection in love relationships, including acquiring the art of manipulating of men. Nietzsche has critical attitude to the social emancipation of women, being convinced that such a social trend destroys values of society and the personality of a woman, at the same time depriving her of those advantages in society, family and relationships with men that she historically has. The philosopher believes that it is necessary to prevent the emancipation of a woman through the preservation of traditional values and her proper socialization.

Key words: man, woman, higher values, calling, power, love, emancipation.

Введение

Как уже отмечалось в предыдущей статье авторов [1], образ женщины, протекающий не только из философских размышлений Ницше, но и из его жизненного бытия, пронизан восхищением и признательностью, являясь одновременно достаточно противоречивым. Он признает за женщинами множество достоинств, характеризующих как их внешнюю притягательность, так и душевные качества [1, с. 110–111]. Однако, по его убеждению, по своему характеру женщина не идеальна, и «в самой сладкой женщине есть еще горькое» [2, с. 47]. Она отнюдь не деструктивна (и примитив-

на) и не является по природе болезненной натурой; на каждую прекрасную грань у нее можно обнаружить и противоположность. Она просто другая. В сравнении с мужчиной ее отличает большая поверхность ума: «Поверхность – душа женщины, подвижная, бурливая пленка на мелкой воде», что обуславливает необходимость повиноваться мужчине [2, с. 48].

Действительно, красной нитью сквозь все творчество немецкого мыслителя проходит идея доминирования мужского мира над женским. Базовый принцип его и мировосприятия, и концепции (воля к власти) закрепляется исключительно за мужским на-

чалом, что обусловлено дионисическим началом мужчины. Разумеется, в повседневности, на эмпирическом уровне в жизни конкретных мужчин и женщин воля к власти часто лишена своего гендерного измерения. Однако, согласно Ницше, требуется безусловное лидерство мужчины в семье, в отношениях с женщиной, в социальных отношениях, непременно детерминируя гендерный дисбаланс в обществе. В представлении Ницше, существуют две сферы самореализации женщины, определяемые ее характером и личностными мотивациями, – в любви и семье, с одной стороны, в обществе, в социальной деятельности – с другой.

Цель статьи – определить основные способы, каналы и противоречия личностной и общественной самореализации женщин, представленные в трудах Ф. Ницше.

Женщина в любви: гармония и диссонансы

В восприятии Ницше мужчина и женщина – это действительно различные миры. Однако не противоположные, а, скорее, дополняющие друг друга и связанные с отношениями власти и доминирования. С наибольшей очевидностью это проступает в феноменах любви, брака и семьи.

Для Ницше лично, индивидуально любовь выступает в т. ч. и в страдательном компоненте: его единственная и чрезвычайно страстная любовь к Лу Саломе не только не нашла взаимности, но и вызвала обоснованную ревность, глубокие переживания, связанные с чувством предательства. Как подчеркивал американский исследователь И. Ялом, «отношения с Лу Саломе... закончились для Ницше ужасно; утраченная любовь и мысли о том, что его предали, мучили его долгие годы» [3, с. 486].

Немецкий мыслитель подчеркивает чрезвычайно важную роль любви как таковой в жизни любого человека: «Только в любви, только осененный иллюзией любви может творить человек, т. е. в безусловной вере в совершенство и правду. У каждого, кого лишают возможности любить безусловно, этим подрезываются в корне его силы» [4, с. 200]. При этом сама возникшая и обретенная любовь, согласно своей природе, не должна знать остановок и дается человеку на всю его жизнь. В его представлении само существо, ядро, фокус любовных

отношений между мужчиной и женщиной сводится к зачатию и беременности, т. е. к созданию семьи и рождению детей.

Философ убежден, что основополагающим достоинством женщины является как раз ее способность достичь совершенства и искусства в любви, сделать ее своей главной жизненной задачей. По своей природе ее любовь чрезвычайно альтруистична и выступает в виде «агапэ» как ориентация на заботу «о другом» (мужчине), как служение ему; в исполнении этой жизненной миссии женщины «находят свое счастье». Согласно Ницше, женская интерпретация любви выражается в том, «чтобы всегда больше любить, чем быть любимой, и никогда не быть второй... когда она любит... она приносит любую жертву и всякая другая вещь не имеет для нее цены» [2, с. 47]. Ее способность любить столь высока, что она способна ради этого прекрасного чувства перенести, «вытерпеть все».

Мыслитель называет ряд позитивных характеристик любви как преображающей, возвышающей и улаждающей силы. Она способна выступить важным компонентом самореализации женщины, несмотря на присущую ей силу иллюзии. Именно в любви женщина может проявить свои лучшие качества – быть «чистой и лучистой, как алмаз, сияющей добродетелями еще не существующего мира» [2, с. 47]. Любовь позволяет в полной мере проявить, высветить ее «скрытые качества», в особенности то высокое, редкостное и исключительное, что заложено в ее личности. Любящий же мужчина становится для нее одновременно и образцом, и стимулом, помогая уверенно подниматься ей по ступеням своего духовного и личностного развития, а также «увеличить свой *блеск*». Ницше убежден, что «женщина, которая любит... становится от того *более совершенной женщиной*» [5, с. 689].

Любовь между мужчиной и женщиной позволяет в полной мере удовлетворить и их потребности в признании и «стать любимым».

В любовных отношениях происходит изменение, правда, противоречивое, и самого мужчины. С одной стороны, любовь умной женщины повышает его самооценку: «против мужской болезни самопрезрения вернее всего помогает любовь умной женщины») [6, с. 416]. С другой стороны, по

мнению Ницше, мужчины обыкновенно несколько «опускаются», когда берут себе жен. Но в этом «опускании» заложен и позитивный момент, т. к. оно позволяет обеим гендерным половинкам приблизиться друг к другу, достичь большего взаимопонимания. Умная женщина может выступить и источником творческого вдохновения, оплодотворяя умы, как это случилось и с Ницше, когда любовь и общение с Лу Саломэ внесло «семя Заратустры» в его мышление и миропредставление.

Ницше обращает внимание на тотальность женского любовного чувства, на ее стремление иметь мужчину «целиком для себя», единолично владеть его душой и телом. Женщина чрезвычайно ревнива в любовных отношениях и хочет, «чтобы любили без соперниц». Справедливости ради можно утверждать, что подобное отношение свойственно всем влюбленным, включая и мужчин.

При этом, что принципиально, в женском понимании любви достаточно ясно и однозначно заключена *верность*, совершенная преданность мужчине, предельный альтруизм и страстное посвящение отдельному мужчине. Мужчина же в своей интерпретации любви совершенно не обязан ей (верности, преданности) следовать, поскольку, по убеждению Ницше, она «не принадлежит к *сущности* его любви», хотя и не исключена, но может возникнуть в качестве благодарности, адресованной женщине, или как проявление его «идиосинкразии вкуса». Чаще всего стремление обладать женщиной заканчивается «всякий раз с самим обладателем» [5, с. 690].

Подобное идолопоклонническое отношение женщин к любви, ее идеализация, по мнению Ницше, не может не усиливать их личностное и социальное могущество и делает их чрезвычайно желанными в глазах мужчин. Это как раз та сфера, где женщина превосходит мужчину, которому присуще более примитивное понимание сути любви; у него доминирует ориентация на потребление, а не на отдачу и самоотдачу, как у женщины, приближая ее понимание любви к древнегреческому «агапэ». В некоторых случаях женская любовь выходит за пределы добра и зла, достигая стадии безумия.

Кроме этого, если для женщины любовь, как уже выше подчеркивалось, явля-

ется важнейшим инструментом самореализации, то погружение в эту стихию мужчины может заключать для него опасность, поскольку ограничивает его свободу.

Ницше указывает на изначально различное прочтение мужчинами и женщинами своих миссий в любовных отношениях, признавая наличие гендерных иерархий. Он пишет: «Я все же никогда не допущу, чтобы говорили о *равных* правах мужчины и женщины в любви... Мужчина и женщина неодинаково понимают любовь... Женское понимание любви достаточно ясно: совершенная преданность (а не только готовность отдаться) душой и телом... Мужчина, любящий женщину, хочет от нее именно этой любви и... в своей любви диаметрально противоположен женской любви... Женщина хочет быть взятой, принятой, как владение... женщина предоставляет себя, мужчина приобретает» [5, с. 689–690]. По убеждению Ницше, императивы власти тотально пронизывают мужские и женские миры; независимо от пола индивиды стремятся доминировать, господствовать и усиливать собственную мощь, используя доступные им инструменты влияния.

Однако подобная конструкция гендерных ролей отнюдь не умаляет не только достоинство, но и власть женщины, «ибо женщины сумели через подчинение обеспечить себе гораздо большую выгоду и даже господство» [6, с. 421]. Ницше полагает, что женщинам в конечном счете удается околдовывать даже самых мудрых мужчин и приводить мужчин к потрясающей слепоте: «Наш век охоч до того, чтобы приписывать умнейшим мужам вкус к незрелым, скудоумным и покорным простушкам, вкус Фауста к Гретхен: это свидетельствует против вкуса самого столетия и его умнейших мужей [7, с. 757]. В «Так говорил Заратустара» можно прочесть: «Достойным казался мне этот человек и созревшим для смысла земли, но, когда я увидел жену его, земля показалась мне домом для умалишенных [2, с. 50].

Происходит это по той причине, что многие мужчины склонны к страстной одержимости женщиной, основанной на эротических переживаниях. Поэтому к сексуальному, чувственному, телесному аспекту любви, элементу сладострастия Ницше относится противоречиво. Очевиден его ба-

зовый посыл: в настоящей любви душа обхватывает, подчиняет себе тело, будучи первичной. По его убеждению, истинные мужчины при выборе супруги должны искать в первую очередь «глубокого, душевно богатого существа». Для них чрезвычайно важной является убежденность в том, образно говоря, что со своей избранницей до глубокой старости они могут оставаться интересными собеседниками, поскольку чувственное преходяще, а душевная и духовная близость является устойчивой.

В этом отношении позиция Ницше близка представлениям о женщине Н. Бердяева, который видел в ней как божественное начало (репрезентация метафизической Вечной женственности), так и демоническое, которое объективируется в виде актуализации чувственной и сексуальной стихии, объектом которой является мужчина.

Обращаясь к этой проблеме, Ницше определенным образом опирается на древнегреческую традицию с ее акцентом на маскулинность и известное пренебрежение чувствами женщины. Он констатирует: «Эротическое отношение мужчин к юношам было... необходимой, единственной предпосылкой всего мужского воспитания... Чем выше ставилось это отношение, тем ниже падало общение с женщиной: здесь было существенно только деторождение и сладострастие... не существовало никакого духовного общения, не было даже настоящей любовной связи... Женщины имели одну только задачу – производить могучие прекрасные тела» [6, с. 377]. Впоследствии критичное отношение к эротическому инстинкту было усилено христианством, которое «дало выпить Эроту яду: он... не умер от этого, но выродился в порок» [8, с. 303]. Чрезмерная чувственность в понимании Ницше в состоянии убить подлинную любовь.

В некоторых случаях, отражая личные переживания философа, чувственный мир порождает у него трудно скрываемый ужас и, глядя даже на любимую женщину, по его мнению, душа мужчины не может не проникаться ненавистью к ее «отвратительным естественностям», ко всякой физиологии, которой подвержена каждая женщина. И тело, даже самое совершенное и призванное чувственно волновать, недостойно восхищения у мужчины; его вожеления явля-

ются порицаемыми и заслуживающими не столько признания, сколько прощения. Мир сексуальных желаний и фантазий должен находиться на периферии не только мужского, но и женского призвания; женщина должна быть хорошей женой, подругой, помощницей, родительницей, матерью, иногда даже главой семьи, но не экстатически переживаемым чувственным объектом.

Но одновременно Ницше настаивает на том, что «проповедь целомудрия есть публичное подстрекательство к противоестественности. Всякое презрение половой жизни... есть преступление перед жизнью» [9, с. 727]. Как уже отмечалось, чувственность в его представлении должна быть безусловно одухотворена, что является отражением и его личных любовных переживаний. Он полагал, что его любовные отношения с Лу Саломе основаны на интеллектуальной близости, близости по духу и разуму, страстному совместному поиску высшей истины, поскольку его возлюбленная обладает смелой и богатой душой.

Ницше убежден, что женщины глубинно более чувственны, чем мужчины, но и у последних «сука-чувственность» глубоко укоренена в их сознательное и бессознательное, во все, что они делают, и «они не знают ничего лучшего на земле, как лежать с женщиной», став пленником ее похоти [2, с. 39]. Зная эту мужскую особенность, женщины не могут ею не пользоваться, привлекая широкий арсенал средств: артистизм, ложь, иллюзию, внешнее обаяние, искусство наряжаться и др. Одновременно в любви женщины спорадически может прорываться что-то дикое, дионисическое, непредсказуемое, пугающее мужчину своей силой. Относительно женщины он часто использует образ кошки. Речь идет о проявлении ею инстинкта хищника, демонстрации коварной грации, обладании когтями «тигрицы под перчаткой», не поддающейся воспитанию внутренней свирепости, проявлении «непостижимого и необъятного «в ее вожелениях и добродетелях», ее наивности и эгоизма. Именно таковой предстает образ Лу Саломе в восприятии Ницше: натура кошки – хищница в шкуре домашней киски, смутные представления о чести, бездуховность, неспособность любить, хитрость, потрясающий контроль в отношении сексуальности мужчин, детский эгоизм и др.

Женщина в любви многолика и может являться в самом возвышенном образе, являя собой и внезапность, и молнию, и «ночь рядом со светом», и красоту, и душевную высоту.

В понимании Ницше самый глубокий интерес мужчины основан тем не менее на поиске душевного родства, чем интуитивно могут пользоваться женщины в своих интересах, поскольку непроясненность и загадочность их души сильнее всего возбуждает желания мужчины, который, однажды зажегшись, бесконечно долгое время «ищет их души». К тому же мужчина часто с удовольствием принимает предлагаемые женщиной «опасные игры», поскольку «двух вещей хочет настоящий мужчина: опасности и игры. Поэтому хочет он женщины как самой опасной игрушки» [2, с. 47].

В понимании Ницше любовь к женщине таит огромную опасность для человека, посвятившего себя высшему служению, т. к. неизбежно и неизменно будет ограничивать его творческий потенциал: «Свободный ум всегда радостно вздохнет, когда наконец решится сбросить с себя ту материнскую заботливость и опеку, которою его окружают женщины» [6, с. 427]. По убеждению немецкого мыслителя, «философ чурается *супружеской жизни* и всего, что могло бы совратить к ней... как препятствия и роковой напасти на его путях к оптимуму. Гераклит, Платон, Декарт, Спиноза, Кант, Шопенгауэр – не были женаты, их невозможно даже *представить* женатыми... Женатый философ уместен в *комедии*» [10, с. 480]. Для мужчины подобного интеллектуального уровня опасно чрезмерно сближаться с женщиной и выстраивать с ней глубокие личные отношения, которые неизбежно станут препятствием для его духовного и интеллектуального роста. В этой угрожающей ситуации философ предлагает выход – необходимо прежде всего держать дистанцию с женщиной, что локализует ее «могущественнейшее воздействие».

Действительно, в отличие от некоторых русских религиозных философов конца XX – первой трети XX в. (В. В. Соловьева, Н. А. Бердяева и др.), исходящих из убеждения о необходимости преодоления изначального раскола мира на два составляющих его элемента – мужской и женский,

Ницше не видит в этом практического смысла.

В целом Ницше указывает на природную предрасположенность женщины к «любви к ближнему», под которой понимается широкий спектр позитивных чувств и чувствований, которые индивид испытывает по отношению к тем, кто рядом («*ближним*»), с кем вступает в непосредственные коммуникации, личное общение и к кому он естественным образом испытывает чувства любви, сострадания, сопереживания и т. п. Этот «ближний круг» составляют, как правило, муж, другие члены семьи, друзья и отчасти коллеги по работе.

Мужчины по своему призванию, умению и образу жизни способны на «Любовь к дальнему», т. е. к «дальним», лично чужим для него людям и ценностям – гражданам страны, грядущим поколениям, человечеству, высшим ценностям («*призракам*») – жизненным идеалам, истине, добру, справедливости, красоте, гармонии, чести и т. п. Опираясь на эту любовь, именно мужчины двигают и преобразуют человечество [11, с. 15]. В такой любви женщинам отводится незначительное место, поскольку в жизни мужчины они играют периферийную роль и выступают скорее источником соблазна, а не возвышения личности.

Ф. Ницше о социальной эмансипации женщин

В своих работах Ницше изучает и чрезвычайно актуальную для этого периода европейской истории проблему общественной эмансипации женщин, являясь ее решительным противником. В его понимании данный социальный тренд выступает ограничителем проявления потенций и характеристик «сверхчеловека», заложенных в конкретном индивиде (мужчине). Философ убежден, что женщины вносят соразмерность, примирение, известную гармонию, «маслоподобный» и умиротворяющий элемент в общественную ткань, социальные процессы, обладая склонностью к спокойному, равномерному, счастливо-гармоническому существованию и сосуществованию с мужчиной, что представляет безусловную угрозу пробуждению в нем «героического свободного ума», стремящегося все к новым и новым духовным вершинам. В этой ситуации женщины, привыкшие выступать

перед всякою властью согнувшись и отвергающие любое восстание против нее, «прицепляются как тормоза к колесам всякого свободомыслящего, независимого стремления» и «втайне всегда интригуют против высшей души своих мужей; они хотят отнять у нее будущность в угоду безбоязненному и спокойному существованию в настоящем» [6, с. 429].

Кроме этого, женщины по своей истонной природе являются хранительницами старого, привычного, устоявшегося. По этой причине они нацелены на блокировку любых социальных изменений, тормозя общественный прогресс. В связи с этим Ницше пишет: «Как бы высоко женщины ни почитали своих мужей, они еще более почитают признанные обществом силы и представления... и порицают всякое восстание против общественной власти» [6, с. 429].

По убеждению немецкого мыслителя, особая проблема заключается в существовании той группы женщин, которые инициируют процессы личностной и социальной эмансипации, поскольку сама подобная мысль является контрпродуктивной, т. к. обычно в реальности она выступает в виде инстинктивной ненависти, основанной на злой ревности «неудачной женщины», которая не смогла создать счастливую семью, к «женщине удачной», обретшей в полной мере себя в браке. Ницше полагает, что «эмансипированные женщины суть *анархистки* в мире «Вечно-Женственного», неудачницы, у которых скрытым инстинктом является мщение» [9, с. 727]. И к тому же они перестали бояться мужчины. В этой ситуации борьба с «мужчиной» для них является только средством, предлогом, тактикой психологической самозащиты. Учитывая то обстоятельство, что именно любовь выступает главным способом самореализации женщин, можно предположить, что их эмансипированные представители имеют проблемы с реализацией своей главной миссии и призвания.

Общественная эмансипация женщин, их превращение в активных социальных субъектов чревато негативными последствиями и по той причине, что они являются носителями пагубных ценностей, которые в представлении Ницше на протяжении многовековой истории сдерживались и ограничивались чувством страха перед маскулин-

ным субъектом. Философ убежден, что интеграция этих ценностей в социум неизбежно приведет к всеобщему «обезображению Европы» Речь идет о таких ценностных качествах, как «вечно скучный» педантизм, поверхностность, склонность к наставничеству, мелочное высокомерие, разнузданность и нескромность. Ницше отмечает, что женщины забыли «свое благоразумие и искусство», умение «быть грациозной и игривой, отгонять заботы, доставлять облегчение и самой легко относиться ко всему... они хотят большего, научаются требовать... предпочитают домогаться прав... словом, женщина начинает терять стыд... она начинает терять и вкус... женщина жертвует своими наиболее женственными инстинктами» [8, с. 353, 356]. И это происходит в то время, когда «слабый пол», вместо того чтобы возрадоваться и удовлетвориться возросшим уважением к ним со стороны мужчин, все большим утверждением демократических ценностей и вкусов, начинает демонстрировать свои опасные и разрушительные амбиции.

По убеждению немецкого философа, «история не учит нас тому... что самые могущественные и влиятельные женщины мира... обязаны своим могуществом и превосходством над мужчинами силой своей воли, а никак не школьным учителям». Ницше подчеркивает, что существует много «ученых ослов мужского пола», которые советуют женщинам «отделаться... от женственности и подражать всем тем глупостям, какими болел европейский “мужчина”... низвести женщину до “общего образования”, даже до чтения газет и политиканства... хотя... сделать *сильным* “слабый пол” при помощи культуры», что приводит к неизбежному их «расколдовыванию», которое уже в Европе началось и что делает женщину все более скучной и менее привлекательной, а значит, она обречена терять власть над мужчинами [8, с. 357–358].

Ницше полагает, что в реальности эмансипация женщин приводит к тому, что «женщина идет назад», поскольку в ней начинают проявляться признаки усиливающегося разрушения ее наиболее женственных инстинктов и смыслов. Приобретая социальный статус, она одновременно утрачивает женское «чутье», «оружие», которое помогает ей исторически одерживать победы

над мужчинами, элегантно и скрытно убеждая их в том, что женщину, как очень нежное, теплое, тонкое, ранимое, приятное и местами дикое «домашнее животное», следует беречь, охранять, окружать заботой и вниманием.

Он настаивает на недопустимости равноправия полов, борьбу за которое он рассматривает как «симптом болезни», «типичный признак слабоумия», поскольку в нынешнем состоянии человечества женщина уже отвоевала себе первое место, поставив большей частью под контроль мужчину. Следовательно, в равных правах она не нуждается.

По большому счету, женщины лишаются своего подлинного начала, обрастая патологиями, что приводит к дисфункциональности их личности и общественного организма.

Что же делать в этой ситуации? Ницше предлагает совершить два необходимых действия. Самое главное – за ненужностью и опасностью необходимо ограничить социальную активность женщин и в полной мере реализовать по отношению к ней истинную мужскую заботливость – запретить ей публично высказываться в церкви, в политике и о другой женщине. И, в частности, не позволять ей стать ученой. Поэтому, не глядя на все достоинства и сладость женщины, ее «необходимо держать взаперти».

С точки зрения Ницше, чрезвычайно актуальной является проблема правильного воспитания женщин и мужчин, поскольку с его помощью в цивилизованных странах Европы «из женщин можно сделать все, даже мужчин, конечно, не в половом смысле... Они приобретут... все мужские добродетели и сильные стороны, но вместе с тем... и все их слабости и пороки» [6, с. 426]. В результате возникнет промежуточное состояние, «эпоха, когда основным мужским аффектом станет гнев – гнев о том, что все искусства и науки затоплены и загрязнены неслыханным дилетантизмом, философия загублена умопомрачительной болтовней, политика стала более фантастической и партийной, чем когда-либо», женские глупости и несправедливости будут преобладать, а общество пребудет в состоянии полного разложения [6, с. 426].

Следует отметить, что, выражая скепсис относительно социальной самодетель-

ности женщин, Ницше, как и Ж.-Ж. Руссо, признает за ними высокие интеллектуальные способности, которые, однако, прекрасны *только* в контексте индивидуального общения с мужчинами.

Немецкий философ радикально противопоставляет свое понимание эмансипации женщин ее марксистским и феминистским интерпретациям, видящим в социальном освобождении женщин абсолютное социальное благо.

Заключение

На основании вышеизложенного аналитического материала можно сделать следующие выводы.

1. Основопологающим достоинством женщины, ее личностным и социальным призванием, с точки зрения Ф. Ницше, является способность достичь совершенства в любви, сделать ее своей главной жизненной задачей, даже миссией.

2. Указывается на изначально различное прочтение мужчинами и женщинами их миссий в любовных отношениях. Если первые делают акцент на доминировании, приобретении и потреблении, то вторые – на манипуляции, отдаче и самоотдаче. По убеждению Ницше, женщина обладает природным даром околдовывать даже самых мудрых мужчин, что подтверждает и его собственный жизненный опыт.

3. Если женщины делают акцент на «любви к ближнему, то мужчины отдают приоритет «любви к дальнему», т. е. не конкретному человеку, даже самому близкому, а исполнению социальной миссии и социальным ценностям.

4. При всей значимости и ценности природной чувственности в отношениях между мужчиной и женщиной эротический инстинкт должен быть безусловно одухотворен.

5. Немецкий философ выступает решительным противником общественной эмансипации женщин, видя в этом симптом разрушения общества и личности женщины посредством утверждения в обществе фальшивых ценностей, отвергая марксистскую и феминистскую ее интерпретации.

6. Ницше определяет некоторые направления «правильной» социализации женщин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лысюк, А. И. Образ женщины в трудах Фридриха Ницше / А. И. Лысюк, М. Г. Соколовская // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2021. – № 2. – С. 106–113.
2. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 5–237.
3. Ялом, И. Когда Ницше плакал / И. Ялом. – М. : Э, 2016. – 496 с.
4. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 158–230.
5. Ницше, Ф. Веселая наука (la gaya scienza) / Ф. Ницше // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 491–719.
6. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов / Ф. Ницше // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 231–490.
7. Ницше, Ф. Злая мудрость. Афоризмы и изречения / Ф. Ницше // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 491–719.
8. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего / Ф. Ницше // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 238–406.
9. Ницше, Ф. ESSE HOMO. Как становятся сами собою / Ф. Ницше // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 693–769.
10. Ницше, Ф. К генеалогии морали. Poleмическое сочинение / Ф. Ницше // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 407–524.
11. Франк, С. А. Фр. Ницше и этика «Любви к дальнему» / С. А. Франк // Сочинения. – М. : Правда, 1990. – С. 6–64.

REFERENCES

1. Lysiuk, A. I. Obraz zhenshchiny v trudakh Fridrikha Nicshe / A. I. Lysiuk, M. G. Sokolovskaja // Viesn. Bresc. un-ta. Sier. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2021. – № 2. – S. 106–113.
2. Nicshe, F. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlia vsiekh i ni dlia kogo / F. Nicshe // Sochinienija : v 2 t. – M. : Mysl', 1990. – T. 2. – S. 5–237.
3. Yalom, I. Kogda Nicshe plakal / I. Yalom. – M. : E, 2016. – 496 s.
4. Nicshe, F. O pol'zie i vriedie istorii dlia zhizni / F. Nicshe // Sochinienija : v 2 t. – M. : Mysl', 1990. – T. 1. – S. 158–230.
5. Nicshe, F. Viesiolaja nauka (la gaya scienza) / F. Nicshe // Sochinienija : v 2 t. – M. : Mysl', 1990. – T. 1. – S. 491–719.
6. Nicshe, F. Chieloviechieskoje, slishkom chieloviechieskoje. Kniga dlia svobodnykh umov / F. Nicshe // Sochinienija : v 2 t. – M. : Mysl', 1990. – T. 1. – S. 231–490.
7. Nicshe, F. Zlaja mudrost'. Aforizmy i izriechienija / F. Nicshe // Sochinienija : v 2 t. – M. : Mysl', 1990. – T. 1. – S. 491–719.
8. Nicshe, F. Po tu storonu dobra i zla. Prieliudija k filosofii budushchiego / F. Nicshe // Sochinienija : v 2 t. – M. : Mysl', 1990. – T. 2. – S. 238–406.
9. Nicshe, F. ESSE HOMO. Kak stanoviatsia sami soboju / F. Nicshe // Sochinienija : v 2 t. – M. : Mysl', 1990. – T. 2. – S. 693–769.
10. Nicshe, F. K gieniealogii morali. Poliemiicheskoje sochinienije / F. Nicshe // Sochinienija : v 2 t. – M. : Mysl', 1990. – T. 2. – S. 407–524.
11. Frank, S. A. Fr. Nicsze i etika «Liubvi k dal'niemu» / S. A. Frank // Sochinienija. – M. : Pravda, 1990. – S. 6–64.

УДК 796.011:796.332.316.7

Уладзімер Паўлавіч Люкевіч*канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін і методык іх выкладання
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна***Uladzimir Lukievic***Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sports Disciplines and Methods of Their Teaching
of the Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: lucul@brsu.brest.by***ФУТБОЛ ЯК САЦЫЯКУЛЬТУРНЫ ФЕНОМЕН:
ФІЛАСОФСКІ І САЦЫЯЛАГІЧНЫ АСПЕКТЫ**

Футбол у сучасным свеце з'яўляецца самым распаўсюджаным і папулярным відам спорту. У яго міжнародныя арганізацыйныя структуры ўваходзяць больш краінаў, чым у ААН. Аднак толькі ў апошняй трэці XX ст. футбол як сацыякультурны феномен усур'ёз зацікавіў прадстаўнікоў філасофіі і шэрагу гуманітарных навук. У прадстаўленым матэрыяле аналізуецца актуальныя праблемы футбола, выяўляюцца яго сувязі з іншымі сферамі чалавечага жыцця, разглядаюцца філасофскія канцэпцыі, што апісваюць дынаміку развіцця футбола ў часе і прасторы.

Ключавыя словы: *філасофія, спорт, футбол, культура, гульня, забава, прафесіяналізацыя, глабалізацыя.*

Football as a Sociocultural Phenomenon: Philosophical and Sociological Aspects

Football in the modern world is the most common and popular sport. Its international organizational structures include more countries than the UN. However, it was only in the last third of the 20th century that football as a sociocultural phenomenon seriously interested representatives of philosophy and a number of humanities. The presented material analyzes the actual problems of this type of human activity, reveals its connections with other spheres of society, considers philosophical concepts that describe the dynamics of football development in time and space.

Key words: *philosophy, sport, football, culture, game, entertainment, professionalization, globalization.*

*Гуляць у футбол вельмі проста, але гуляць у просты футбол – самае складанае
Йохан Кройф, нідэрландскі футбаліст і трэнер,
трохразовы ўладальнік Залатога мяча лепшага футбаліста Еўропы*

*Я думаю, таму я гуляю
Андрэа Пірла, італьянскі футбаліст і трэнер,
адзін з лепшых паўабаронцаў у гісторыі італьянскага футболу*

Уводзіны

Філасофскае асэнсаванне футболу патрабуе найперш звярнуцца да гістарычных вытокаў гэтай самай папулярнай гульні на свеце. Кароткі пералік найбольш агульнай інфармацыі пра гэты від спорту з шэрагу самых разнастайных крыніц зводзіцца да таго, што ўжо ў 1280 г. у Англіі з'явілася апісанне спаборніцтва, у якім выкарыстоўваліся ногі. З 1409 г. пачынае ўжывацца паняцце футбол. Нарэшце, у 1863 г. была створана першая на свеце футбольная арганізацыя. Традыцыйна лічыцца, што менавіта Брытанія стала радзімай гульні ў футбол. Разам з тым падчас Міжнароднай футбольнай выставы 15 ліпеня 2004 г. у Пекіне FIFA прызнала сапраўднасць знаходак у гэтай краіне,

датаваных 300 г. да н. э., і ў сувязі з гэтым менавіта Кітай быў абвешчаны радзімай футболу.

Па вялікім рахунку гульні з мячом былі ўласцівыя шмат якім старажытным культурам. Справа толькі ў тым, наколькі яны могуць быць верыфікаванымі ў адпаведных артэфактах, каб можна было меркаваць аб іх дачыненні непасрэдна да футболу. Дакладна, напрыклад, вядома пра фларэнтыйскае кальча з XIV ст. Сцвярджаецца, што брытанцы, калі пабачылі гэты від спорту, то захапіліся ім і сталі праводзіць падобныя спаборніцтвы ў сябе на радзіме.

Але арганізацыйна сістэматызаваны футбол як від спорту з акрэсленымі правіламі пачынае развівацца ў Англіі XIX ст.

Колькасць гульцоў у камандзе, праўда, вагалася ад 11 да 14, але матчы праводзіліся ўжо на абмежаванай плошчы даўжынёй каля 70–90 метраў з брамамі. Затым у 1846 г. распрацоўваецца першасны варыянт правілаў, які праз два гады ўдакладняецца, пасля чаго з невялікімі змяненнямі ён робіцца падставай для Англійскай футбольнай асацыяцыі. Пазней, у 1857 г., быў створаны першы ў свеце футбольны клуб «Шэфілд» з горада Дронфілд. Гэтая падзея афіцыйна была прызнана FIFA. Нарэшце, у 1873 г. 11 англійскіх клубаў заснавалі Футбольную асацыяцыю. А праз дзесяць гадоў адбыўся першы міжнародны матч паміж Англіяй і Шатландыяй, які не выявіў пераможцаў. У 1904 г. была створана галоўнай сусветнай футбольнай арганізацыі – FIFA, якая кіруе гэтай гульнёй на міжнародным узроўні. Першым прэзідэнтам быў абраны Рабэр Герэн, французскі журналіст, які займаў дадзеную пасаду з 1904 па 1906 г.

Папулярнасць гэтага віду спорта падмацоўваецца красамоўнымі лічбамі. Па шэрагу дадзеных агульная колькасць гульцоў на пачатку XXI ст. на свеце складала каля 265 млн, што адпавядае прыкладна 4 % насельніцтва планеты, а заўзятарамі гэтай гульні лічылі сябе каля 3,5 млрд людзей – мужчын і жанчын разам. Такая інфармацыя пацверджаная вынікамі апытання FIFA Big Count. На яго дадзеныя спасылкаецца Крысціана Айзэнберг, *якая звяртае ўвагу на сам працэс станаўлення феномена футбола як сацыяльнай з’явы, калі на пачатку англійскай індустрыялізацыі паўсталі адпаведныя варункі, якія спрыялі развіццю культурнага патэнцыялу гэтага віду спорта: яна робіць акцэнт на значным павелічэнні заробатнай платы для рабочых, ролі прафсаюзаў у праве на вольны час у другую палову дня па суботах, новых камунікацыйных магчымасцях і інш.* [1, с. 91, 93, 94]. На канец 2022 г. у склад FIFA уваходзіла 211 краін пры членстве 193 дзяржаў у ААН [4; 7]. Можна таксама пагадзіцца з высновамі Антаніны Класкоўскай, якая разглядае спорт у якасці феномена масавай культуры і падкрэслівае той факт, што большасць насельніцтва планеты звязана з ім у той ці іншай форме. Гэта меркаванне з’яўляецца дастатковым, каб абвясціць гэтую грамадскую з’яву прадметам тэарэтычных разважанняў і даследаваць яе практычную ролю [19].

Філасофія футбола, як, дарэчы, і філасофія спорту, мае даволі кароткую гісторыю. Перш за ўсё гэта звязваецца з тым, што класічная навука не надавала належнай увагі феномену гульні. З вялікай нацяжкай пры жаданні можна знайсці нейкія аддаленыя фрагменты, што маюць да яе нейкія апасродкаваныя адносіны. Але бадай толькі Ёхан Хейзінга па-сапраўднаму паспрабаваў акрэсліць само паняцце «гульня» скрозь прызму шэрагу відаў чалавечай дзейнасці. Між тым, калі размова ідзе пра сацыяльныя з’явы, якія маюць дачыненне да сотняў мільёнаў людзей, то яны з неабходнасцю патрабуюць свайго навукова-тэарэтычнага асэнсавання. Філасофія футбола па вялікім рахунку з’яўляецца неад’емнай часткай філасофіі спорту, і таму падставовыя аспекты яе праблемага поля спалучаюцца з тымі актуальнасцямі, якія існуюць не толькі ў самой сістэме спорту, але і ў грамадстве ў цэлым. Сусветна вядомы французскі філосаф-экзістэнцыяліст, лаўрэат Нобелеўскай прэміі ў галіне літаратуры 1957 г. Альбер Камю выказаўся на гэты конт наступным чынам: «Таму, што я зрэшты найбольш дакладна ведаю пра мараль і абавязкі людзей, я абавязаны спорту» [20, р. 352].

70-е гг. XX ст. можна з поўным правам акрэсліць, як пачатак зацікаўленасці спортам у якасці аб’екта навуковых даследаванняў з боку філасофіі. Таму што нельга не браць пад увагу такі сацыяльны феномен, які знаходзіцца ў сферы інтарэсаў сотняў мільёнаў людзей. Спорт даўно патрабаваў свайго ўласнага філасофскага асэнсавання, тым больш што ён ахопліваў практычна ўсе ўзроставыя групы насельніцтва незалежна ад гендэрнага падзелу, сацыяльнага і матэрыяльнага стану, культурна-рэлігійнага веравызнання і г. д. Спорт за кароткі час прыцягнуў да сябе ўвагу даследчыкаў з розных галінаў навукі. Зразумела, што філасофія не магла застацца збоку ад тых працэсаў, якія адбываліся ў гэтай сферы. Вылучэнне прафесійнага, камерцыйнага, аматарскага спорту, а таксама спорту для ўсіх прымусіла больш дакладна звярнуцца да тэорыі і практыкі дадзенага віду дзейнасці. Асаблівую цікавасць у сучасны момант выклікаюць праблемы маральнага зместу.

Як слушна заўважае Вільям Морган, філасофія спорту адносна нядаўна стала

аб'ектам зацікаўленасці навукоўцаў. Гэта здарылася недзе ў шасцідзясятыя гады мінулага стагоддзя, на што паўплывалі дзве наступныя падзеі: па-першае, даследаванні спорту, якія маюць сувязі са старой галіной фізічнага выхавання на базе медыцыны і педагогікі, але з новымі дадаткамі сучасных даследаванняў у філасофіі, гісторыі і сацыялогіі; па-другое, запознены разгляд спорту менавіта філасофіяй, якая праз доўгі час не цікавілася гэтай з'явай [3, с. 147–148]. Даць азначэнне філасофіі спорту, працягвае ён, выявілася досыць складанай справай. Галоўныя спрэчкі ў метафізічным вывучэнні спорту згрупаваліся ў трох наступных галінах. Першая была звязана са своеасаблівым канцэптуальным аналізам, які выкарыстоўвалі метафізікі, каб выпрацаваць адпаведную дэфініцыю. Другая – вызначэнне ў канцэптуальным аналізе спорту сувязі адпаведных культурных практык у фармальных тэрмінах. І, нарэшце, трэцяя – пытанне асаблівасцяў тлумачэння спорту, а менавіта асаблівых адносінаў паміж спортам і гульнямі праз дэфініцыю [3, с. 150–152].

Калі больш дакладна акрэсліць магчымыя накірункі даследаванняў у галіне спорту, то не можа застацца па-за ўвагай пытанне аб ягонай прыродзе, і чаму, напрыклад, маленькія дзеці так захапляюцца гульняй, а ў адказ на банальнае пытанне да дзіцяці «а што ты робіш?» гучыць не менш банальнае «я гуляю». Форма і змест спорту не застаюцца раз і назаўсёды дадзенымі. Ужо зараз вядуцца дыскусіі адносна таго, наколькі правамерна да феномена традыцыйнага спорту («in-real-sport») далучаць кіберспорт (eSport) [9]. Гэта як, напрыклад, супаставіць класічную версію футбола 11 × 11 з электронным варыянтам FIFA 22.

Кароткі пералік філасофскай тэматыкі ў спорце (і футбол не выключэнне) пераважна палягае на вывучэнні этычнай праблематыкі, у тым ліку такіх аспектаў, як небяспека і брутальнасць, допінгавае злоўжыванне, карупцыя, махлярства, гендэрная няроўнасць, расізм, сацыяльная, культурная і матэрыяльная дыферэнцыяцыя, інваспорт.

Футбол як гульня характарызуецца жорсткай кантактнай барацьбой, якая часам нясе пагрозу для здароўя. Траўматызм у такім выпадку з'яўляецца звычайнай справай. Аднак тут неабходна размяжоўваць шэраг спецыфічных аспектаў, якія, напрыклад,

звязваюцца з парушэннем правілаў спаборніцтваў і прыводзяць да наўмыснай брутальнасці з мэтай атрымаць перавагу як у канкрэтным эпізодзе, так і канчатковую перамогу.

Пашыраныя ўводзіны да вызначанай тэматыкі адносна гістарычнай яе часткі і шэрагу іншых аспектаў тлумачацца тым, што дадзеная праблематыка плануецца да далейшага разгляду ў некалькіх наступных публікацыях, дзе будуць аналізавацца актуальныя пытанні сучаснага футбола.

Мэта артыкула заключаецца ў філасофскім абгрунтаванні феномену футбола як сацыякультурнай з'явы і неад'емнага атрыбуту спорту ў сукупнасці адносінаў да практыкі спаборніцтваў і запытаў публічнасці. Аб'ектам вывучэння выступае гульня як з'ява грамадскага жыцця і сфера забаўляльнай галіны. Сярод галоўных задач вылучаюцца такія, як акрэсленне сутнасці футбола, выяўленне яго характэрных і спецыфічных рысаў, аналіз і асэнсаванне маральна-этычнай і эстэтычнай праблематыкі, небяспекі і брутальнасці, допінгавага стымулявання, карупцыі, махлярства, інваспорту, міграцыі і інш.

У працэсе падрыхтоўкі дадзенай публікацыі выкарыстоўваліся такія *метады даследавання*, як назіранне на падставе суб'ектыўнага шматгадовага ўспрымання аўтарам футбольных матчаў, апісанне, параўнанне, аналіз навуковых і дакументальных крыніц, а таксама вывучэнне інтэрнет-інфармацыі. Філасофскі аналіз футбола як сацыякультурнай з'явы таксама патрабуе ўсебаковага разгляду розных фактараў, якія спадарожнічаюць яго функцыянаванню, развіццю і пашырэнню ў часе і прасторы.

Вынікі і абмеркаванне

Надзвычайную папулярнасць футболу ў грамадстве нельга растлумачыць адзіна толькі патрэбай гульні, што іманентна ўласцівая кожнай чалавечай асобе. Названы від спорту арганічна спалучыў у сабе шэраг дамінантных характарыстык, якія надаюць індывідууму якасна іншае аблічча, утвараюць яго другое «я», фармуюць спецыфічную сістэму адносінаў паміж людзьмі. У сістэму футбольнай дзейнасці ўключаюцца розныя суб'екты, часам нават незалежна ад таго, наколькі яны маюць уласнае жаланне да гэтага. Футбол як сацыякультурная з'ява да-

мінуе сярод іншых відаў спорту, а ў сучасным свеце выступае як адзін з моцных фактараў гаспадарчага і палітычнага жыцця.

Футбольнае майстэрства непасрэдна можа разглядацца ў якасці важнейшай спартыўнай годнасці. Сэнс успрымання такой сентэнцыі непарыўна спалучаецца з сацыякультурным складальнікам чалавечай жыццёвай дзейнасці і па-за межамі спаборніцтваў. Як пазначае Эндрю Сабл, футбаліст топавай каманды з'яўляецца не проста прадстаўніком галіны вобласці спорту, ён фармуе ў культурным атачэнні сацыяльна значны імідж, які ўплывае на шматмільённае кола заўзятараў [11]. Футбол у дадзеным кантэксце выяўляецца не проста забаўляльным шоў, ён стварае своеасаблівую іерархію каштоўнасцяў, якая мае непасрэднае дычненне да асобы, напрыклад, культ Дыега Марадоны, што ў выніку прывяло да ўзнікнення так званай Iglesia Maradoniana, ці плыні аргенцінскай парадыйнай рэлігіі, якая была заснавана ў 1998 г. групай фанатаў гэтага легендарнага футбаліста. Адэптамі яе руху з'яўляюцца больш за 150 тыс. чалавек на ўсім свеце.

Змест спартыўнага спаборніцтва характарызуецца сваёй неадназначнасцю і непрадказальнасцю. Аднак сучасны футбол нярэдка дэманструе негатыўныя бакі свайго функцыянавання, якія датычацца махлярства. Разуменне махлярства ў сэнсе падману можа інтэрпрэтавацца як наўмыснае парушэнне правілаў для атрымання канкурэнтнай перавагі [5; 10]. Падобнае можа адбывацца непасрэдна пад час правядзення канкрэтнага матчу. Футбольныя арбітры, каб прадухіліць такога кшталту з'явы, выносяць парушальнікам папярэджанні альбо ўвогуле выдаляюць з поля. Тым не менш паняцце «тактычнага фолу» трывала ўвайшло ў практыку спаборніцтваў і наўмыснае парушэнне правілаў гульні трактуецца зараз як адзін з неад'емных атрыбутаў суперніцтва. Існуюць розныя спосабы ўплыву на вынік спаборніцтваў. Адзін з іх палягае на ціску з боку рэферы матчу, калі той літаральна «саджае гульню на свісткі», г. зн. фіксуе практычна ўсе парушэнні для адной з камандаў. Праўда, адрозніць выпадкі сімуляцыі бывае даволі складана. Яшчэ больш складана, калі маніпуляцыя вынікамі футбольных гульняў адбываецца апасродавана на падставе ставак у букмекерскіх канторах.

Застаецца, бадай, галоўная праблема: ці магчыма выправіць сітуацыю для пакрыўджанага боку пасля заканчэння футбольнага матчу, які завершыўся з прыкметамі махлярства.

Футбол як від спорту імкліва развіваецца. Гэта можна заўважыць па шмат якіх паказальніках. Футбольная інфраструктура ўяўляе сабой збалансаваную сістэму для задавальнення самых разнастайных патрэбаў прыхільнікаў гэтага віду спорту. Сучасныя стадыёны, буйнейшыя з якіх маюць магчымасці размясціць сто тысяч гледачоў і нават больш, падаюцца вяршынямі дасягненняў мастацка-архітэктурнай і тэхніка-тэхналагічнай думкі. Высокімі тэмпамі ўдасканальваюцца тэарэтычныя, метадычныя і медыцынскія напрацоўкі, якія датычацца сістэмы трэнінгаў і спаборніцтваў. Дзеля павелічэння эфектыўнасці сваёй дзейнасці спартоўцы выкарыстоўваюць найноўшыя распрацоўкі як фармакалагічных рэчываў, так і сучасны інвентар і экіпіроўку. Метады паляпшэння як гульнявой, так і па-за гульнявой дзейнасці бесперапынна пашыраюць свой уплыў на самыя розныя катэгорыі насельніцтва. Філасофія спорту (і футболу ў тым ліку) задаецца пытаннем адносна таго, ці маюцца нейкія межы, якія можна лічыць максімальна высокімі, ці іх вызначэнне і дасягненне практычна невыканальна. Гэта датычыцца перспектывы развіцця як самога гульца, так і адносінаў да спорту з боку шырокіх колаў публічнасці. Ужо зараз падаюцца праблемнымі маніпуляцыі са сваім асабістым целам і здароўем у выніку злоўжывання забароненымі сродкамі і рэчывамі дзеля паспяховага выступлення на спаборніцтвах. Наколькі грамадства ў цэлым здольнае прымаць перамогу за ўсялякі кошт, і ці ўвогуле існуе нейкі ўніверсальны, – апрача, зразумела, каштоўнасці чалавечага жыцця, – крытэрыі, які можа быць прызнаны ў якасці ўсеагульнай меры ў халістычным яе ўспрыманні.

Футбол як дынамічны, кантактны камандны від спорту іманентна ўтрымлівае ў сабе пагрозу для ўласнага здароўя гульцоў, прычым неабходна заўважыць, што на небяспеку атрымання пашкоджання ўплываюць разнастайныя фактары: ад варункаў надвор'я да наўмыснага брутальнага фолу з боку суперніка. Апошнія з'яўляюцца найбольш складаным у філасофска-этычным

плане пры аналізаванні той ці іншай гульнявой сітуацыі. Ці сапраўды брутальнае парушэнне правілаў было наўмыслым, ці гэта быў толькі нешчаслівы выпадак?.. Наколькі матывацыя паўплывала на тое або іншае парушэнне правілаў?.. Як павінна выглядаць сатысфакцыя ў адказ?.. Якія пабочныя фактары павінны ўлічвацца ў выніку гульні «no fair»?..

Футбол традыцыйна падзяляецца на некалькі ўзроўняў адносна шэрагу вызначальных крытэрыяў. Напрыклад, дзіцячы, юнацкі, юніёрскі, дарослы, ветэранскі, прафесійны, аматарскі і інш. Філасофію футбола між тым цікаваць пытанні, якія адносяцца да гендэрнай праблематыкі. На ўвазе маецца гульня, у якой удзельнічаюць жанчыны. Зразумела, што тэндэнцыі эмансipaцыі ў варунках глабалізацыйнага грамадства нельга перапыніць, тым не менш жаночы футбол, ці футбол як гульня ў выкананні жанчынаў, працацыруе на дыскусію адносна дыялектычнага суіснавання ў межах больш шырокай сэнсавай парадыгмы «мужчына – жанчына». Альбо наколькі адпавядае маральнаму і эстэтычнаму ідэалу ў традыцыйным разуменні вобраз мужчыны ў футболе і, адпаведна, вобраз жанчыны ў гэтым жа відзе спорту. Можна з пэўнай доляй рэальнасці ўявіць сабе мокрага потнага футбаліста ў перапэцканай брудам спартыўнай форме з перакошаным ад напругі тварам пад час гульні ў футбол і захапляцца прыгажосцю спорту. Але калі ягонае места займае жанчына, ці можна адзначна сцвярджаць, што гэта таксама прыгожа. Ну і, зразумела, зусім цяжка ўявіць сабе змешаныя жаноча-мужчынскія футбольныя каманды на прафесійным узроўні. Хоць у іншых гульнях, напрыклад, у тэнісе падобнае дапускаецца. І яшчэ адна далікатная звычайная праблема, якая датычыцца ўдзелу ў футболе трансгендэраў і інтэрсэкс-спартоўцаў. У 1920-я гг. шырока распаўсюдзіўся рух «coming out», які акрэсліваецца як працэс адкрытага і добраахвотнага прызнання сваёй прыналежнасці да сексуальнай альбо гендэрнай меншасці ці як вынік такога працэсу. Гэты тэрмін мае адносіны пераважна да лесбіянак, геяў, бісэксуалаў і трансгендэраў. Публічныя сродкі масавай інфармацыі ўсё часцей фіксуюць выпадкі падобнага тыпу ў футболе, і асабліва ў жаночым. Сярод іншых называюцца імёны даволі вядомых прадстаўніц на-

цыянальных зборных сваіх краін, такіх, як Надзін Ангерэр, Штэфані Джонс, Урсула Холл з Германіі, Мэган Рапіна з ЗША. Згодна з дадзенымі, агучанымі ў спецыяльным фільме UEFA, што быў прысвечаны даследаванню праблемы дыскрымінацыі ў сусветным футболе і яе сувязі з сексуальнай арыентацыяй, сацыяльным статусам, этнічнай, палавой і рэлігійнай прыналежнасцю, прыводзяцца дадзеныя з жаночага Чэмпіянату свету па футболе 2019 г., калі больш за 40 удзельніцаў першынства адкрыта абвясчаюць пра сваю нетрадыцыйную сексуальную арыентацыю [2]. Сучаснае глабалізаванае грамадства ў яго выглядзе «invariants of an open society» грунтуецца на падставах некласічнай філасофіі, што стварае магчымасці талерантнага ўспрымання сацыяльнай рэчаіснасці. Футбол у дадзеным выпадку менавіта гэта і дэманструе.

Працэсы дэмакратызацыі, лібералізацыі, гуманізацыі, эмансipaцыі, міграцыі і характарызуюць функцыянаванне і развіццё сучаснай цывілізацыі. Спорт як сваеасаблівае люстэрка дэманструе як станоўчыя, так і негатыўныя іх бакі. Сацыяльная напруга ў грамадстве мае свой працяг у футболе. Па сённяшні дзень абвострана ўспрымаецца на розных узроўнях супрацьстаянне паводле крытэрыя расавай дыферэнцыяцыі. Сусветны футбол падтрымаў-грамадскі рух Black Lives Matter (жыццё чорных важнае), які накіраваны супраць расізму і гвалту ў адносінах да чарнаскурых, у асабліваасці супраць паліцэйскага гвалту. У футболе гэта выяўляецца ў выразе добраахвотнай акцыі перад пачаткам матчаў сярод гульцоў, трэнераў і арбітраў у падтрымку барацьбы за грамадзянскія правы цёмнаскурых праз такі знак салідарнасці, як уклечанне. Іншымі словамі футбалісты апускаюцца на адно калена, і гэты выраз дэманструе іх стаўленне да праблемы. Праўда, неабходна заўважыць, што апошнім часам далёка не ўсе каманды прытрымліваюцца гэтага рытуалу.

Філасофія футболу з неабходнасцю павінна ўлічваць той факт, што зацікаўленасць да гэтай гульні праяўляюць сотні мільёнаў людзей. Сярод іх вызначаецца найбольш актыўная частка, якая можа быць акрэслена як заўзятары, а самыя радыкальныя з іх называюцца футбольнымі фанатамі. Зразумела, што футбол у залежнасці ад прыярытэтаў гледачоў можа выклікаць са-

мыя разнастайныя эмоцыі, якія ў рэчаіснасці могуць акрэслівацца як супрацьлеглыя. Практычна ў кожнай краіне з еўрапейскіх топ-чэмпіянатаў вызначаюцца актыўныя моладзевыя групы: «fans» (Англія), «inchas» (Іспанія), «tifosi» (Італія) і г. д. Такі самы рух назіраецца і на іншых кантынентах. Часам арганізацыйна сфармаваныя структуры праводзяць разнастайныя акцыі ў фармаце экшн, але разам з тым даволі часта прыхільнікі розных футбольных клубаў удзельнічаюць у адкрытай канфрантацыі паміж сабой у выглядзе непасрэдных боёк. Як заўважае Эндру Ходжэс з Універсітэту Нові Сад у Сербіі, неабходна прымаць пад увагу адрозненні ў характарыстыках групавак, у дадзеным выпадку паміж «футбольнымі хуліганамі» і «ўльтрас». Першыя маюць асацыяцыі з асобамі агрэсіўных паводзінаў, што пазней стала выяўляцца ў іх сувязях з расізмам і дэструктыўнай дзейнасцю [6, р. 3], другія канцэнтруюць сваю актыўнасць на тым, каб выказаць маляўнічую падтрымку для сваёй каманды ў розных формах [6, р. 3–4]. Праўда, апошнім часам такія падзел становіцца ўсё больш складаным. Так, у 2016 годзе да дзесяці найбольш небяспечных футбольных групавак на свеце адносіліся тыя, што мелі дачыненне да наступных клубаў: *UltrAslan – Galatasaray* (Стамбул, Турцыя), *Irriducibles – Lazio* (Рым, Італія), *Delije – Red Star* (Белград, Сербія), *Millwall Bushwackers – Millwall* (Лондан, Англія), *Los Borrachos del Tablon – River Plate* (Буэнас-Айрэс, Аргенціна), *Trinchera Norte – Universitario Lima* (Ліма, Перу), *Ultras – Metalist Kharkiv* (Харкаў, Украіна), *Green Monsters – Ferencvaros* (Будапешт, Венгрыя), *Voixos Nois – FC Barcelona* (Барселона, Іспанія), *Ultras Sur – Real Madrid C.F.* (Мадрыд, Іспанія) [18].

Праз пяць гадоў класіфікацыя падверглася зменам, і па выніках 2021 г. *Ranking Ultras World 2021*: прыняў наступны выгляд: 1. *Legia Warsaw Ultras* (Польшча); 2. *Red Star Ultras Belgrade* (Сербія); 3. *Zenit St Petersburg Ultras* (Расія); 4. *Olympique Marseille Ultras* (Францыя); 5. *Brondby IF Brondby Ultras* (Данія); 6. *Djurgardens IF Stockholm Ultras* (Швецыя); 7. *FC Copenhagen Ultras* (Данія); 8. *Slavia Prague Ultras* (Чэхія); 9. *Ferencvaros Budapest Ultras* (Венгрыя); 10. *Ruch Chorzow Ultras* (Польшча) [15; 17].

Іншым разам паняцце «ўльтрас» характарызуецца як групавыя экстрэмальных фанатаў, якія з’яўляюцца шалёнымі прыхільнікамі сваіх камандаў. Падчас матчаў на стадыёне яны выкарыстоўваюць флаеры, галасавую падтрымку, дэманструюць банэры рознага зместу для стварэння адметнай атмасферы на спартыўным аб’екце, каб захаваць свой клуб да перамогі і адначасова зрабіць псіхалагічны ціск на суперніка і ягоных заўзятараў. Ультрас, як правіла, у сваёй дзейнасці базуюцца на вызначанай ідэалогіі і прытрымліваюцца пэўных палітычных поглядаў. Напрыклад, кіраўніцтва варшаўскай «Легіі» неаднаразова падвяргалася разнастайным санкцыям ад нацыянальнай і еўрапейскай федэрацыяў футболу за паводзіны сваіх заўзятараў з-за іх расіскай, шавіністычнай і нацыяналістычнай пазіцыі.

Філасофія футболу застаецца безраднай у шмат якіх выпадках у спробе інтэгрэцыі дэвіянтных паводзінаў ультрас. Падчас матчу кваліфікацыі Лігі Еўропы 2015 г. ультрас «Легіі» на перапоўненым стадыёне ў Варшаве спявалі дзве прыпеўкі ў звароце да супернікаў з румынскага клуба ФК «Баташаны»: «*Choćbyś się umył, spryskał perfumem, jesteś Rumunem, jesteś Rumunem!*» («Хоць бы памыўся, папрыскаў парфумам, застаешся румынам, застаешся румынам!»), а таксама «*Botoszany, Botoszany – same kurwy i cugany!*» («Баташаны, Баташаны – толькі курвы і цыганы!»). Дырэктар клубу Сявэрын Дмоўскі тлумачыў сітуацыю наступным чынам: «Гэта можна разглядаць так, што калі нехта спявае гэтыя песні, то для таго, што фактычна ненавідзіць румынаў ці цыганаў. Аднак калі паглядзець на гэта ў канкрэтным сацыяльна-культурным кантэксце і праз прызму стадыённага рытуалу, які вельмі падобны на ўсім свеце, то маем папросту дачыненне са спробай дыскрэдытацыі праціўніка. Трэба прызнаць, не вельмі мудрагелістай і даволі прымітыўнай» [8].

Заклучэнне

Футбольнае відовішча можа разглядацца як спосаб кансалідацыі людзей дзеля задавальнення сваіх патрэбаў у зносінах з іншымі. Гэта надае дадзенаму віду спорта дадатковую вартасць. Непрадказальнасць выніку гульні дазваляе ўзвесці яе ў зусім іншы ранг у параўнанні з другімі відамі чала-

вечай дзейнасці, напрыклад, тэатральным мастацтвам адносна самага сюжэту. Так, шэкспіраўская класіка «Рамэа і Джульетта» раз і назаўсёды застаецца з загадкавымі вызначанымі фіналам. Пра змястоўнае напаўненне іспанскай футбольнай класікі ў выкананні клубнага супрацьстаяння «Рэал» Мадрыд – ФК «Барселона» застаецца гадаць кожны раз, хоць канчатковыя лічбы на табло стадыёна могуць паўтарацца неаднойчы.

З філасофскага пункту гледжання сучасная версія футбалу базуецца на хрысціянскай культуры. Канцэпцыя гульні па вялікім рахунку вызначаецца праз асобу трэнера ці, як зараз больш дакладна гаворыцца, менеджэра, які ўзначальвае цэлую групу спецыялістаў. На сённяшні дзень навука вывучае футбол шмат з якіх бакоў, у тым ліку з біялагічнага, медыцынскага, псіхалагічнага, эканамічнага, маркетынгавага і г. д. І сапраўды было б дзіўным, каб у гэтым ростеры адсутнічала філасофія, якая па сутнасці з’яўляецца маці ўсіх навук і стварае падставы для кіравання кожным відам чалавечай дзейнасці.

Філасофію футбалу ў пэўным сэнсе можна разглядаць у часе і прасторы на падставе некалькіх вызначальных падыходаў, а больш дакладна паводле інк’юзіцівістычнай (ад англ. *inquisitive* – дапытлівы, патрабавальны, занадта зацікаўлены, уключаны ў чужыя справы), нігілістычнай і платанічнай канцэпцый.

Вызначальная роля трэнера, што ствараў, фармаваў і безапеляцыйна кіраваў камандай, палягае на тым, што менавіта ён нясе за яе выступленне ўсю адказнасць. З неабходнасцю такі стыль патрабуе пэўнай моцы характару і цвёрдасці ў прыняцці рашэнняў. На пэўным узроўні футбол набывае хрысціянскае аблічча праз паняцце пакуты. Гэта красамоўна прагучала з вуснаў былога гульца зборнай Аргенціны Хаўера Маскерана: «Я пакутваю праз футбол, мне гэта не падабаецца. Я не з тых, хто забаўляецца, а зусім наадварот. Дзевяноста хвілін гульні азначаюць для мяне пакуты. Я павінен заставацца засяроджаным, не рабіць памылак і назіраць за таварышамі па камандзе» [Цыт. па: 12]. Паводле інк’юзіцівістычнай канцэпцыі футбалу менавіта ў пакутах чалавек атрымлівае магчымасць адчуваць сябе іншым – супермэнам, які змагаецца і ахвяруе сабой, каб дасягнуць пера-

могі для сваёй каманды, для сваёй краіны... Ніцшэянскія матывы літаральна пранізваюць падобнае ўспрыманне футбалу, асабліва ў тых моманты, калі адбываецца яднанне самага гульца і трэнера [12]. Разам з тым топ-футбалісты, як, дарэчы, і футбольныя топ-менеджэры па ўплыве часу набываюць рысы сапраўдных абразоў.

Нігілістычная канцэпцыя футбалу ў сваю чаргу заснавана на дэмакратызацыі ведаў, на змяненне адносінаў паміж трэнерам і гульцом. Такая сітуацыя паўстала пад уплывам працэсаў глабалізацыі і камерцыялізацыі (і не толькі!), што таксама адбілася на разуменні самой гульні. Нельга не заўважыць, што змены парадыгмы развіцця спорту ў цэлым закранулі таксама і футбол. Канкрэтызацыяй такой высновы можа стаць характарыстыка пэўнага эпізода гульні, які трактуецца як шлях да перамогі. У дадзеным выпадку, калі каманда атрымала перамогу, то не мае значэння, якім спосабам яна гэтага дасягнула: перамога за ўсялякі кошт пераважае ўсе іншыя варыянты атрымання поспеху. У сучаснасці ў значнай ступені дамінуе той факт, што каштоўнасць матэрыяльных і духоўных рэчаў зводзіцца да іх рынкавага кошту [13].

Платанічная канцэпцыя футбалу праз доўгі час захоўвала сваю рамантычную сутнасць. Яе адметнай рысай з’яўляецца тое, што яна прызнае існаванне ісціны, якая ўвасабляецца ў прыгажосці гульні. З аднаго боку, яна не перакрэслівае манаполію на веды, а з другога, гульня трактуецца як пошук прыгажосці, а не перамога за ўсялякі кошт. У эпоху глабалізацыі іерархія матэрыяльных і духоўных каштоўнасцяў падверглася пераасэнсаванню. У футболе гэта – прыналежнасць заўзятараў да выбранай каманды незалежна ад месца іх лакалізацыі, іншымі словамі адбываецца фармаванне транснацыянальнай супольнасці, а таксама інтэнсіфікацыя працэсу інтэрнацыяналізацыі не толькі на клубным узроўні, але і на ўзроўні зборных камандаў шэрагу краінаў. Хоць сама гульня па-ранейшаму застаецца вызначальнай у гэтым відзе сацыяльнай актыўнасці [14].

Футбол у сістэме адносінаў паміж людзьмі працягвае займаць важнае месца на сусветным узроўні. Як сацыякультурная з’ява ён уплывае на мноства самых разнастайных працэсаў у грамадстве. Тым не

менш з пункту гледжання феноменалогіі патрабуюць яшчэ далейшага і больш дакладнага асэнсавання такіх актуальных аспекты ягонага функцыянавання, як роля медыяў у футболе, іміджавыя і фінансавыя страты і набыткі, пытанні міграцыі і змены грамадзянства і інш.

Такім чынам, калі зрабіць адпаведныя высновы, то з філасофскага пункту гледжання неабходна падкрэсліць наступнае. Першае, у сістэме глабалізаванага грамадства футбол да гэтага часу працягвае трактавацца паводле хейзінгаўскага «гульнясур'ёзнае», што фрагментарна прысутнічае ў кожным з трох вышэй пазначаных падыходаў. Другое, на падставе некласічнай фі-

ласофіі футбол у сучасны перыяд паўстае ў новай якасці, якая ўвасабляецца ў яго тальнай здольнасці інтэграцыі з іншымі сацыяльнымі з'явамі. Трэцяе, згодна з філасофскай рэфлексіяй на падставе суб'ектыўнай перцепцыі ў футболе за апошнія сто з нечым гадоў адбыліся змены парадыгмальнага развіцця, што сканцэнтраваліся ў дэвізах ад «Галоўнае не перамога, а ўдзел» да «Перамога за ўсялякі кошт». Зразумела, што аўтарскае бачанне акрэсленай праблематыкі не з'яўляецца абсалютнай ісцінай, але, тым не менш шэраг вызначаных аспектаў пакідаюць месца для канструктыўнай палемікі. А апошняю кропку, як заўсёды, паставіць само жыццё.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Айзенберг, К. Футбол как глобальный феномен. Исторические перспективы / К. Айзенберг // Логос. – 2006. – № 3 (54). – С. 91–103.
2. За гранью фолла: проблема дискриминации в футболе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://euro2020.ria.ru/20201223/film-1590476289.html>. – Дата доступа: 15.09.2022.
3. Морган, У. Философия спорта. Исторический и концептуальный обзор и оценка ее будущего / У. Морган // Логос. – 2006. – № 3 (54). – С. 147–159.
4. Allianz and Football [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.allianz.com/en/about-us/sports-culture/football/allianz-football.html#:~:text=Football%20is%20the%20most%20popular,billion%20consider%20themselves%20football%20fans>. – Date of access: 28.06.2022.
5. Green, S. P. Lying, Cheating, and Stealing: A Moral Theory of White-Collar Crime / S. P. Green. – New York : Oxford Univ. Press, 2006. – 240 p.
6. Hodges, A. The hooligan as «internal» other? Football fans, ultras culture and nesting intraorientalisms / A. Hodges // International Review for the Sociology of Sport. – 2014. – P. 1–18.
7. How Many People Play Football in the World? [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ibaworldtour.com/how-many-people-play-football-in-the-world/>. – Date of access: 28.06.2022.
8. Jak Legia Warszawa tłumaczy się z rasizmu, szowinizmu i nacjonalizmu ultrasów? [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.newsweek.pl/sport/legia-warszawa-lech-poznan-zamieszki-pseudokibicow-kibice/t24p702>. – Дата доступу: 21.09.2022.
9. eSport vs irlSport [Electronic resource] / C. McCutcheon, M. Hitchens, A. Drachen // Advances in Computer Entertainment Technology : 14th International Conference ACE, London, 2017 / M. Inami [et al.] (eds.) – Proceedings. – 2018. – Vol. 10714. – P. 531–542. – Mode of access: https://doi.org/10.1007/978-3-319-76270-8_36. – Date of access: 22.02.2022.
10. Russell, J. S. The Problem of Cheating / J. S. Russell // Philosophy: Sport, Farmington Hills / R. S. Kretchmar (ed.). – Mich : Macmillan Reference USA. – 2017. – P. 93–110.
11. Sabl, A. Democratic Sportsmanship: Contested Games and Political Ethics / A. Sabl // Taiwan Journal of Democracy. – 2008. – № 4 (1). – P. 85–112.
12. Three philosophical conceptions of football: the inquisitive conception [Electronic resource]. – Mode of access: <https://barcainnovationhub.com/three-philosophical-conceptions-of-football-the-inquisitive-conception/>. – Date of access: 26.09.2022.
13. Three philosophical conceptions of football: the nihilist conception [Electronic resource]. – Mode of access: <https://barcainnovationhub.com/three-philosophical-conceptions-of-football-the-nihilist-conception/>. – Date of access: 26.09.2022.
14. Three philosophical conceptions of football the platonic conception [Electronic resource]. – Mode of access: <https://barcainnovationhub.com/three-philosophical-conceptions-of-football-the-platonic-conception/>. – Date of access: 26.09.2022.

15. Top 5 Ultras of 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://yoursportpress.com/-index.php/2022/01/04/top-5-ultras-of-2021/>. – Date of access: 20.09.2022.
16. Top 10 Philosophers in World Football [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.thesportster.com/soccer/top-10-philosophers-in-world-football/> – Date of access: 29.09.2022.
17. Top 10 Ultras of 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://yoursportpress.com/-index.php/2022/01/04/top-10-ultras-of-2021/>. – Date of access: 19.09.2022.
18. 10 most dangerous ultras of world football [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.sportskeeda.com/football/10-most-dangerous-ultras-world-football>. – Date of access: 19.09.2022.
19. Camus, A. What I owe to football / A.Camus. // *The footballer's companion* ; ed. by B. Glanville. – London : Eyre & Spottiswoode (Publishers) LTD. – P. 350–353.
20. Kłoskowska, A. *Kultura masowa. Krytyka i obrona* / A. Kłoskowska. – Warszawa : PWN, 2022. – 488 s.

REFERENCES

1. Ajzienberg, K. Futbol kak global'nyj fenomen. Istorichieskije pierspektivy / K. Ajzienberg // *Logos*. – 2006. – № 3 (54). – S. 91–103.
2. Za gran'ju fola: probliema diskriminacii v futbolie [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://euro2020.ria.ru/20201223/film-1590476289.html>. – Data dostupa: 15.09.2022.
3. Morgan, U. Filisofija sporta. Istorichieskij i konceptual'nyj obzor i ocenka budushchiego / U. Morgan // *Logos*. – 2006. – № 3 (54). – S. 147–159.
4. Allianz and Football [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.allianz.com/en/-about-us/sports-culture/football/allianz-football.html#:~:text=Football%20is%20the%20most%20popular,billion%20consider%20themselves%20football%20fans>. – Date of access: 28.06.2022.
5. Green, S. P. *Lying, Cheating, and Stealing: A Moral Theory of White-Collar Crime* / S. P.Green. – New York : Oxford Univ. Press, 2006. – 240 p.
6. Hodges, A. The hooligan as «internal» other? Football fans, ultras culture and nesting intraorientalisms / A. Hodges // *International Review for the Sociology of Sport*. – 2014. – P. 1–18.
7. How Many People Play Football in the World? [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ibaworldtour.com/how-many-people-play-football-in-the-world/>. – Date of access: 28.06.2022.
8. Jak Legia Warszawa tłumaczy się z rasizmu, szowinizmu i nacjonalizmu ultrasów? [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <https://www.newsweek.pl/sport/legia-warszawa-lech-poznan-zamieszki-pseudokibicow-kibice/t24p702>. – Data dostupu: 21.09.2022.
9. eSport vs irlSport [Electronic resource] / C. McCutcheon, M. Hitchens, A. Drachen // *Advances in Computer Entertainment Technology : 14th International Conference ACE, London, 2017* / M. Inami [et al.] (eds.) – Proceedings. – 2018. – Vol. 10714. – P. 531–542. – Mode of access: https://doi.org/10.1007/978-3-319-76270-8_36. – Date of access: 22.02.2022.
10. Russell, J. S. *The Problem of Cheating* / J. S. Russell // *Philosophy: Sport, Farmington Hills* / R. S. Kretchmar (ed.). – Mich : Macmillan Reference USA. – 2017. – P. 93–110.
11. Sabl, A. *Democratic Sportsmanship: Contested Games and Political Ethics* / A. Sabl // *Taiwan Journal of Democracy*. – 2008. – № 4 (1). – P. 85–112.
12. Three philosophical conceptions of football: the inquisitive conception [Electronic resource]. – Mode of access: <https://barcainnovationhub.com/three-philosophical-conceptions-of-football-the-inquisitive-conception/>. – Date of access: 26.09.2022.
13. Three philosophical conceptions of football: the nihilist conception [Electronic resource]. – Mode of access: <https://barcainnovationhub.com/three-philosophical-conceptions-of-football-the-nihilist-conception/>. – Date of access: 26.09.2022.
14. Three philosophical conceptions of football the platonic conception [Electronic resource]. – Mode of access: <https://barcainnovationhub.com/three-philosophical-conceptions-of-football-the-platonic-conception/>. – Date of access: 26.09.2022.
15. Top 5 Ultras of 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://yoursportpress.com/-index.php/2022/01/04/top-5-ultras-of-2021/>. – Date of access: 20.09.2022.

16. Top 10 Philosophers in World Football [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.thesportster.com/soccer/top-10-philosophers-in-world-football/> – Date of access: 29.09.2022.

17. Top 10 Ultras of 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://yoursportpress.com/-index.php/2022/01/04/top-10-ultras-of-2021/>. – Date of access: 19.09.2022.

18. 10 most dangerous ultras of world football [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.sportskeeda.com/football/10-most-dangerous-ultras-world-football>. – Date of access: 19.09.2022.

19. Camus, A. What I owe to football / A.Camus. // The footballer's companion ; ed. by B. Glanville. – London : Eyre & Spottiswoode (Publishers) LTD. – P. 350–353.

20. Kłoskowska, A. Kultura masowa. Krytyka i obrona / A. Kłoskowska. – Warszawa : PWN, 2022. – 488 s.

Рукапіс надруковано у редакції 29.09.2022

УДК 101.1

Дмитрий Иванович Наумов

канд. социол. наук, доц.,

ученый секретарь Белорусской государственной академии связи

Dmitry Naumov

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,

Scientific Secretary of the Belarusian State Academy of Communications

e-mail: cedrus2014@mail.ru**ПОСТСОВЕТСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Определяется научная актуальность изучения социальных трансформаций постсоветского общества, характеризуется проблемное поле исследования, рассматривается методологическая специфика их социально-философского анализа, формулируются актуальные направления социально-философского исследования постсоветского трансформирующегося общества.

Ключевые слова: социальные трансформации, постсоветское общество, социально-философское исследование.

Post-Soviet Social Transformations as a Subject of Socio-Philosophical Research

The article determines the scientific relevance of the study of social transformation of post-Soviet society, characterizes the problem area of research, considers the methodological specificity of its socio-philosophical analysis, and formulates the current directions of socio-philosophical study of post-Soviet transforming society.

Key words: social transformation, post-Soviet society, socio-philosophical research.

Введение

Распад Советского Союза в 1991 г. является не только историческим фактом, но и символической точкой отсчета для реальных, длительных и противоречивых общественных трансформаций, до сих пор актуальных для всего постсоветского пространства. Парадигма общественного развития, идеологически и политически воплощенная в советской модели общественного уклада, исторически дискредитировала себя самим фактом дезинтеграции СССР как своей государственной основы.

Однако в макросоциальном аспекте эта геополитическая катастрофа оказала негативное пролонгированное воздействие на развитие постсоветского общества, социальное и институциональное пространство которого до сих пор характеризуется наличием множества сложных и конфликтных процессов, затрагивающих все его сферы. Именно поэтому А. Н. Данилов рассматривает трансформационные процессы в регионе как проблемные для общественного развития: «На постсоветском пространстве начался болезненный процесс системных изменений – явление глобального порядка, вызвавшее гигантские геополитические смещения» [1, с. 168].

В социальном ракурсе крах советской модели общественного уклада обусловил противоречивое влияние на индивидуальное мировоззрение, аксиологические и нормативные основания социальных отношений и профессиональной деятельности человека, способствовал изменению форматов взаимодействия индивида, культуры и природы. Оценивая не только в роли исследователя, но и в качестве непосредственного наблюдателя постсоветские трансформации, более двадцати лет назад Ж. Т. Тощенко писала, что «в общественном сознании под влиянием внешних и внутренних факторов происходят кардинальные изменения, продуктом которых становится парадоксальность мышления, познания и оценок окружающих человека явлений и процессов» [2, с. 48]. Следствием такой парадоксальности стало снижение качества индивидуального и группового целеполагания, дискредитация идеалов гражданственности и социальной солидарности, маргинализация политического участия в жизни трансформирующегося общества. Ретроспективная оценка Н. И. Лапиным социальных последствий дезинтеграции советской модели отличается большей жесткостью: «Распад СССР и так называемые реформы стали, в человеческом их содержании, катастрофи-

ческой антропосоциокультурной травмой всего населения РСФСР/России и других экс-советских республик» [3, с. 9].

В постсоветском обществе стадии зарождения и становления нового и отмирания прежнего сосуществуют, диалектически и конфликтогенно взаимодействуя между собой. Это неоднократно подчеркивали многие исследователи во время проведения круглого стола «Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет», который был организован авторитетным журналом «Социологические исследования» [3]. Данный аспект позволяет рассматривать существующий на постсоветском пространстве тип социума как транзитивный, характерными чертами которого являются неравномерность протекающих в нем социальных процессов, их временный характер, трансформативный динамизм, обуславливающий вариативность и противоречивость общественного развития. Фактически транзитивный социум находится перед выбором: либо конструирование более устойчивого и равновесного социального бытия на новой институциональной и нормативно-ценностной основе, либо постепенное снижение эффективности функционирования базовых институтов, обеспечивающих жизнеспособность всей социальной системы.

С исторической точки зрения данную ситуацию можно рассматривать как логичный итог коллапса социалистического социально-экономического строя, в рамках которого самым серьезным образом была подавлена индивидуальность человека, деформирована социальная структура, идеологизирована культурная сфера, а экономика и социальная система лишены источников саморазвития. В ретроспективном аспекте системный кризис советского общества, который характеризовался все возрастающими дисфункциями между культурной средой и социальными отношениями, распадом ценностных основ общественного воспроизводства, обусловил определенную кризисность и противоречивость социокультурного развития постсоветского общества. Это позволило А. В. Оболонскому сделать радикальный вывод, что в целом «аномия – атрибут общества транзита» [4, с. 66]. В управленческом аспекте данная ситуация предопределила необходимость нахождения новых источников и выработки новых параметров социального и культурного развития.

Таким образом, логика общественно-го развития предопределила трансформационную модель развития постсоветского общества, параметры которой представляют интерес с точки зрения социально-философского исследования. С одной стороны, факторы и детерминанты, обуславливающие траекторию развития общества переходного типа, актуализируют проблему аутентичности и прочности возникающих в его пространстве социальных институтов и практик. На этот момент указывает Ж. Т. Тощенко, когда акцентирует атрибутивность современной общественной жизни таких процессов, «которые отражают подмену деятельности во всех ее проявлениях – имитацией на всех уровнях организации общественной жизни» [5, с. 314]. С другой стороны, параметры трансформационных процессов свидетельствуют о том, что мы «имеем дело с таким социумом, когда на приоритетные роли выходят такие понятия, как противоречия и кризис» [6, с. 114]. Усиление противоречий в сфере социально-экономических отношений приводит к росту аномии в обществе: «Углубление пропасти между богатыми и бедными, прогрессирующее обнищание значительной части трудоспособного населения порождают известную реакцию отторжения, в т. ч. рост преступности, депрессию и другие негативные психологические последствия» [1, с. 169]. Поэтому бифуркационный и конфликтогенный характер развития постсоветского общества актуализирует проблему минимизации негативных эффектов этого процесса, реализуемых управленческими и политическими инструментами. Это требует знания природы транзитивных процессов и состояний, определения их роли в функционировании и развитии современного социума, а также оценки возможностей блокирования их деструктивного потенциала.

Итак, цель статьи заключается в выявлении и характеристике методологической специфики социально-философского анализа социальных трансформаций постсоветского общества. При этом конструкт «социальная трансформация» характеризует «процесс глубинных институциональных, структурных и личностных изменений, в результате которого социум приобретает новые системные свойства и характеристики» [7, с. 17]. Такая исследовательская логика позволяет охарактеризовать общие за-

кономерности и параметры общественных трансформаций на постсоветском пространстве, рассматриваемых с точки зрения значимости социокультурных процессов.

Таким образом, ситуация трансформационных изменений, характеризующая нестабильное, кризисное состояние постсоветского общества, актуализирует как изучение обусловивших его факторов и траектории развития, так и разработку системы рекомендаций и предложений, направленных на преодоление противоречий и напряженностей в социальной системе. Однако исторический характер постсоветских трансформаций обуславливает для них постепенное изменение социального контекста и определенный временной предел. Данный аспект определяет актуальность данной темы и целесообразность ее дальнейшей теоретической разработки.

Основная часть

Исследования постсоветских трансформационных процессов находятся в фокусе пристального внимания отечественных и зарубежных ученых: философов, социологов, политологов и других специалистов. Как представляется, в контексте заявленной темы прежде всего научный интерес представляют работы тех белорусских и российских исследователей, которые в силу своей погруженности в реальную жизнь современного постсоветского общества фактически сформировали комплексную научную картину происходящих трансформаций. Значительный вклад как в исследования трансформационных процессов, так и в разработку теоретико-методологической основы социально-философского исследования переходного общества внесли такие известные ученые, как Т. И. Заславская [8; 9], Н. И. Лапин [10; 11], В. А. Ядов [12], А. Н. Данилов [1; 13], Т. И. Адуло [14], Ч. С. Кирвель [15], О. А. Павловская [16; 17]. Характеристика основных идей работ этих авторов позволяет представить социально-философский подход к исследованию и оценке постсоветских трансформаций. Исследовательское внимание к трансформациям постсоветского общества обусловлено рядом вопросов теоретического и практического характера, которые требуется осветить.

В нормативно-ценностном измерении имманентной составляющей трансформационных процессов является инверсия базовых

нормативных принципов социальной организации общества, коллективистских по своей природе и слабо сопрягающихся с лежащими в основе глобального социального миропорядка идеями субсидиарности, индивидуальной свободы и личной ответственности за свою судьбу. Так, Т. И. Заславская в свое время выявила, что трансформация большинства посткоммунистических обществ на первых этапах сопровождается разрушением нормативно-ценностных оснований в области духовно-интеллектуальной жизни и культуры [8, с. 92]. В результате трансформационного прессинга на духовную сферу снижается роль морали (как социального института) и нравственности (как структурного компонента культуры) в конституировании социального бытия человека [17]. Как известно, духовно-нравственный кризис привел к изменению в постсоветском обществе взаимных диспозиций образования и духовности, нарушил единство ценностей знания и духовных ценностей. Он обусловил определенную социальную недовостребованность культуры, образованности и таланта, снизил самооценку творческого профессионального труда и престиж труда в целом. Это способствовало как определенной социальной атомизации, так и гипертрофированному развитию неформальных институтов, которые в условиях слабости механизмов принуждения к соблюдению формализованных правил начинают играть определяющую роль в различных сферах общества (как негативную, так и позитивную). Итогом становится неспособность всей социальной системы достигать своих целей и обеспечивать защиту базовых ценностей из-за значительного разрушения важнейших адаптационных институтов к различным социальным коллизиям.

В макросоциальном измерении фундаментальное значение для всего постсоветского пространства имеет глобализация, которая порождает и стимулирует процесс интенсификации социальных изменений. Этот процесс находит свое выражение в формировании мирового рынка, коммуникационных сетей, культурной стандартизации, активизации миграционных процессов и т. д. Это является характерным признаком высокоразвитых стран, социальная система которых выработала адаптивные механизмы, позволяющие бесконфликтно существовать в условиях социокультурной динамики. Од-

нако для остальной части мирового сообщества, сохраняющего в той или иной степени элементы традиционного уклада жизни, переход на интенсивный путь развития означает разрушение сложившейся картины мира и порождает страх перед неконтролируемыми социальными изменениями. В социокультурном аспекте для постсоветского социума данная ситуация выступает в качестве фактора, константно генерирующего угрозы для социокультурной сферы [16].

В качестве одного из заметных ответов постсоветского общества на гуманитарные вызовы и угрозы, генерируемые логикой и самим ходом процессов глобализации, выступает усиление консервативно-охранительных и ксенофобский тенденций. Так, Е. А. Лукашева подчеркивает взаимосвязь трансформационных процессов и возвращения к жизни социокультурных и институциональных компонентов домодернистской эпохи: «В странах СНГ идет процесс демодернизации и даже архаизации общественной жизни: сформировались жесткие авторитарные политические системы или режимы с “проблемами демократии”. Социальная рыночная экономика подменяется кланово-феодальным периферийным капитализмом. После развала Союза ССР образовалось дезинтегрированное пространство, в котором правовая институционализация заменяется традиционными институтами и обычаями» [18, с. 26].

В социологическом аспекте правомерно утверждать, что характерной чертой общества переходного типа является рост социальной мобильности как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Она является рациональным ответом индивида на усиление кризисных процессов в социальном пространстве постсоветского общества, вынуждающим его находить более комфортные места проживания и сферы деятельности с точки зрения социально-экономических условий и профессиональных перспектив. Активная социальная мобильность обуславливает большую открытость к инновациям, порождает интенсивные миграционные потоки, делает проблематичными любые принципы и механизмы социальной иерархии. С одной стороны, благодаря этому обеспечивается определенное снижение социального напряжения в обществе и минимизируется вероятность политических кризисов, т. к. происходит

постоянный отток наиболее активных членов общества в социально-экономически более благоприятные регионы планеты, в которых больше возможностей для профессиональной и гражданской самореализации.

С другой стороны, становится сложным делом сохранение в национальных границах историко-культурной традиции сообщества и формирование непротиворечивой социальной идентичности индивида. Дополнительным фактором, усложняющим решение этой проблемы, становится формирование информационного общества как особой формы социальности, для которого характерно интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий и киберпространства, нивелирующих социокультурную специфику любого социального организма [19]. Данная социокультурная ситуация позволяет рассматривать общество как транзитивное, в котором размываются нормативные основы жизнедеятельности индивида, который в условиях неопределенности попадает в зону риска.

В социально-топологическом ракурсе социальное пространство постсоветского общества характеризует определенная сегментированность, которая обуславливает формирование специфических «социальных ниш» и нарастание противоречий между различными социальными группами. Кроме того, она актуализирует проблему кардинального изменения идентификаций и идентичностей, когда на смену универсалистской советской идентичности пришли различные модели эксклюзивной этнонациональной идентичности. В результате у представителей одних социальных групп только по праву этнического происхождения резко возрастают шансы реализовать свой жизненный потенциал, в то время как для других увеличивается риск не успеть за ходом общественных преобразований. Именно поэтому Ж. Т. Тощенко, описывая современное российское общество, подчеркивает, что его развитие «характеризуется половинчатой и непоследовательной реставрацией части социалистических традиций и норм жизни, сочетающейся с модификацией, но не отказом от принципов рыночного либерализма и попытками сочетать путь, по которому идет “европейская цивилизация”, но с учетом особой евразийской ориентации» [5, с. 50]. В целом для постсоветского общества фундаментальной проблемой ста-

новится достижение социальной солидарности и поддержание социального единства в обществе на основе общих ценностей и приоритетов, что является обязательным условием как его социально-политической стабильности, так и предпосылкой прогрессивного развития.

Таким образом, трансформирующийся постсоветский социум представляет собой особый объект социально-философского исследования, для которого характерна ситуация частичной потери целостности и устойчивости социальной системы и процесс приобретения новой устойчивости за счет выработки соответствующих социокультурных и институциональных механизмов. С социально-философской точки зрения, феномен постсоветского трансформирующегося общества представляет исследовательский интерес в следующих основных аспектах.

Во-первых, представляет интерес определение устойчивых социальных и темпоральных границ постсоветского общества, в рамках которых этот феномен существует. Если в географическом аспекте территориальная локализация постсоветского общества включает в себя все бывшие советские республики, с 1922 по 1991 г. составлявшие СССР, то определение его социальных и темпоральных границ представляет собой сложную исследовательскую задачу. Теоретически решение данной задачи может быть обеспечено посредством использования либо концепта «поколение», актуализирующего факт рождения и первичной социализации индивидов в период существования СССР, либо концепта «коллективная идентичность», предполагающего существование носителей специфической советской идентичности в постсоветскую эпоху. Соответственно, существование социальных и темпоральных границ постсоветского общества напрямую зависит от физического существования индивидов, идентифицирующих себя с канувшим в историю советским проектом. Альтернативным решением данной задачи является актуализация институциональных дисфункций в рамках политически организованного общества, существующих в силу пролонгированного влияния коллапса советского общественно-экономического уклада. Соответственно, общество, в котором ситуация радикальной трансформации социальных институтов и отношений

является нормой, а нестабильность стала постоянным фактором жизни, фактически может рассматриваться как постсоветское. Однако, как следует подчеркнуть, во всех случаях методологически корректное определение социальных и темпоральных границ постсоветского общества является нетривиальной задачей.

Во-вторых, эмпирическим фактом является то, что в социокультурном пространстве трансформирующегося постсоветского социума идет процесс плюрализации его нормативно-ценностной системы. С одной стороны, этот процесс обусловлен как влиянием глобализации, которая «проникает в самые глубины социально-экономических структур и, сопровождаясь мощными информационными потоками, пропагандирующими западные стандарты жизни, нередко сталкивается в острейших противоборствах с такими локальными структурами, как местный образ жизни, традиции, обычаи, привычки, образцы поведения» [20, с. 13]. В основе новой аксиологической структуры социума находятся общечеловеческие ценности, разделяемые подавляющим большинством граждан постсоветского социума и интегрирующие повседневную жизнь на основе гуманистических ориентаций. Одновременно в урбанизированном социальном пространстве трансформационные процессы резко повышают значимость личностного фактора. Соответственно, это приводит к социокультурной легитимации таких разноректорных ценностей, как потребительски ориентированные конформизм и нонконформизм, которые становятся аксиологической основой для амбивалентного в морально-нравственном ракурсе социального поведения индивидов. С другой стороны, процесс плюрализации нормативно-ценностной системы является следствием разрушения советской идеологизированной системы ценностей, в результате чего «коммунизм как официально прокламированная цель общественного развития утратил реальную идеологическую энергию» [3, с. 23]. Однако парадоксальным результатом этого процесса выступает сохранение установки на идеологизацию социокультурных процессов и отношений посредством индоктринационных механизмов в рамках постсоветского общества. Разнонаправленность традиционных и современных нормативных регулятивов обладает большим конфликтогенным

потенциалом, актуализация которого может произойти в любой момент в силу факторов самой разной природы (от использования средств и инструментов информационного противоборства до техногенных или экологических катастроф).

В-третьих, с точки зрения конституирования социальных идеалов крах советской политико-идеологической модели фактически девальвировал необходимость выработки мировоззренческих и социальных альтернатив в глобальном масштабе. Как подчеркивает В. С. Семенов, для развитых стран необходимость «социальных заимствований у социализма практически отпала, и в капиталистических странах, начиная с США, стали усиливаться негативные односторонности и пороки раннего антисоциального, антидуховного, антигуманного общественного развития» [21, с. 382]. Однако следствием доминирования утилитарно-потребительских ценностей является возникновение такого социокультурного пространства, в котором постепенно размывается духовно-нравственное измерение человеческой жизнедеятельности. В результате индивид начинает фокусироваться на узкопрофессиональных целях и обязательной связи профессионального труда с обогащением и коммерческим успехом. В проективном аспекте человеку в условиях трансформирующегося социума становится проблематично выстраивать долгосрочную стратегию жизнедеятельности, т. к. специфика «переходных периодов заключается в том, что эти периоды всегда сопровождаются острой неопределенностью будущего, которое трудно спрогнозировать как на уровне общества, так и на уровне отдельной личности, ведь человек попадает в состояние многозадачности и множественности миров, большинство из которых являются вероятностными» [22, с. 192]. Господство утилитаризма, прагматизма и консьюмеризма, ставших в глобальном обществе основой для социальной интеграции, ведет к деструктивным изменениям в конституировании ценностных ориентаций и мотиваций деятельности индивидов, к появлению атомизированного и дезадаптированного человека. Поэтому возникает проблема конституирования альтернативных социальных идеалов, способных интегрировать общество на ценностях свободы, солидарности, гуманизма, развития и ответственности.

В-четвертых, в социально-политическом аспекте теоретической и прикладной интерес представляет проблема определения субъектов и объектов властных отношений в условиях постсоветских трансформационных процессов, которые характеризуются снижением качества государственного участия на индивидуальном и групповом уровнях [23]. Так, изменение положения индивида в трансформирующемся социуме по отношению к государству в силу разрушения жестких социальных и институциональных структур приводит к тому, что человек постепенно становится субъектом в своих взаимоотношениях с властью. Однако рост влияния индивидов и социальных групп на принятие политических решений наталкивается на определенный барьер, вызванный незавершенностью формирования гражданского общества, слабостью его институциональных структур и неподготовленностью индивидов к политике как самостоятельному и инструментально значимому виду общественных отношений. В итоге политические отношения в обществе транзитивного типа, где в условиях ослабленных функций социальных институтов и экономических структур именно государство обеспечивает общественный прогресс, оказываются в плену схемы, которая циклически воспроизводит демократические и авторитарные фазы его развития. Поэтому вопрос о логике и факторах развития общественно-политических отношений в трансформирующемся социуме становится и важной прикладной проблемой. Ведь управленческое обеспечение человеческого измерения этого процесса позволяет преодолеть влияние безлично-институциональных параметров и сформировать жизнеспособные социальные порядки, основанные на самостоятельной активности индивидов.

В-пятых, представляет интерес определение параметров трансформационных процессов и прогнозирования альтернатив развития постсоветского общества. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что трансформационные процессы означают качественное изменение общества и всех его подсистем, обусловленное кризисом старых систем управления, экономических структур, социальных отношений и практик, идеологием, поведенческих стереотипов и т. д. В качестве признаков, свидетельствующих

о вступлении общества в фазу интенсивных трансформаций, выступают:

1) деградация экономических и трудовых отношений, снижение производительности труда работников, резкое падение уровня производства;

2) неэффективное функционирование правовой и политической систем, конфликтный характер взаимодействия их основных институтов;

3) повышение социальной активности населения, как в конвенциональных, так и неконвенциональных формах, востребованность насильственных практик в качестве инструментов решения индивидуальных и групповых проблем;

4) существенное снижение уровня и качества жизни населения из-за несправедливого распределения в обществе материальных благ;

5) фрагментарность социального пространства, формирование социальных барьеров между территориальными и профессиональными сообществами;

6) социальная фрустрация, обусловленная дезинтеграцией прежних адаптивных механизмов и резкой социальной поляризацией общества.

Однако кризисный характер протекания трансформационных процессов не означает тотального разрушения всего социального организма, а свидетельствует также о выработке и селекции новых социальных институтов, нормативных стандартов поведения и социальных практик. Поэтому становится проблематичным определение параметров трансформационных процессов постсоветского общества в системе координат «деградация – развитие», которые имплицитно являются идеологически ангажированными.

В-шестых, актуальной исследовательской задачей является создание гносеологической модели переходного периода развития постсоветского социума. Она предполагает определение направленности и эксплицирование логики трансформационных изменений, что требует обращения к основным теоретическим подходам к этому феномену. В рамках телеологического подхода создание новых социальных систем и отношений рассматривается как приближение к некоему постулируемому идеалу, что актуализирует использование широкомаштабной социальной инженерии. В качест-

ве иллюстрации здесь можно привести позицию А. Н. Данилова: «Трансформационный процесс зиждется на диалектическом преодолении существенных элементов старого порядка, выработке новых целей и формировании новых специфических способов их достижения» [13, с. 10]. С точки зрения эволюционистского подхода формирование рыночной экономики, современных политических институтов и плюралистичной нормативно-ценностной системы является логическим продолжением развития западной цивилизации, хотя и существенно изменившимся вследствие значительного сжатия времени в современную эпоху. Модернизационный подход предполагает заимствование странами-аутсайдерами прогресса новаций и институтов у его лидеров, что рассматривается в качестве предпосылки преодоления их социально-экономического и технологического отставания. Именно поэтому В. Л. Иноземцев считает, что распад «СССР как единой страны следует анализировать в рамках концепции (пост)колониализма» [3, с. 15].

Однако анализ процессов постсоветской трансформации должен учитывать тот факт, что они протекают одновременно на нескольких взаимодействующих уровнях, выявление которых в их взаимосвязи и взаимозависимости является предпосылкой его успеха. В данном случае в качестве таковых необходимо выделить макро-, мезо- и микросреды, определяющие параметры социальной активности индивида в обществе переходного типа. Макросреда охватывает как базовые компоненты культуры общества (ценности, символы, нормы, социальные практики и др.), так и внешние по отношению к социальной среде факторы (природно-климатические условия, экология, техносфера и др.); мезосреда характеризует субкультурные характеристики конкретной социальной общности и специфичные для нее политические, экономические, географические, техногенные и иные факторы; микросреда – это социальные взаимодействия, представляющие собой разветвленную социальную сеть, элементами которой являются как сам индивид, так и другие субъекты деятельности, с которыми он постоянно или эпизодически взаимодействует.

В-седьмых, актуальным является определение роли личности как субъекта трансформационных процессов в постсо-

ветском обществе, несущей моральную ответственность за их результаты. Однако решение проблемы определения роли личности в качестве субъекта трансформационных процессов наталкивается на своеобразный парадокс, когда на первый план выходит индивид, которого сложно типологизировать в системе каких-либо экстремальных координат в силу его социальных установок и мировоззренческой позиции. В отличие от революционной эпохи, когда значительную роль играет субъективный фактор – политическое лидерство, революционные демагоги и другие социопаты, или фазы эволюционного, стабильного развития общества, когда главным субъектом является стандартно мыслящий и действующий индивид, период трансформаций характеризуется акцентом на личность. В условиях противоречивых и достаточно болезненных для общества преобразований старые поведенческие стереотипы не срабатывают, не обеспечивают необходимый уровень индивидуальной адаптации к неблагоприятному социальному контексту. Поэтому этот момент заставляет индивидов трезво оценивать себя, собственный репертуар действий и его ресурсное обеспечение, баланс затрат и возможных результатов социальной деятельности, толкает его выступать в качестве источника социальных инноваций. Таким образом, именно личность выступает в качестве фактора, определяющего, если использовать терминологию синергетики, точку бифуркации в социальном пространстве, в которой социальная система оказывается в ситуации необходимости выбора траекторий ее развития, а элемент случайности приводит к невозможности достоверно спрогнозировать ее дальнейшее развитие.

Заключение

Выбор постсоветских социальных трансформаций в качестве актуального предмета социально-философского исследования обусловлен необходимостью как концептуализации глубинных институциональных, структурных и личностных изменений в определенном историческом контексте, позволяющей корректно описывать и представлять проблемное поле, так и

обеспечения управляемости трансформационных процессов в пределах параметров, рассматриваемых в качестве оптимальных с точки зрения долговременного развития социума.

В современной белорусской и российской социальной философии конструкт «постсоветские социальные трансформации» характеризует исторически обусловленные радикальные системные изменения институциональной инфраструктуры, социально-статусной структуры и нормативно-ценностной системы социума. В большей степени они оказывают негативное воздействие на социальную динамику, обуславливая ее конфликтогенный и неравномерный характер, в меньшей степени создают предпосылки для появления и укоренения социокультурных инноваций, необходимых для повышения эффективности функционирования базовых социальных институтов. Такая трактовка обуславливает методологическую специфику социально-философского анализа социальных трансформаций постсоветского общества, которая акцентирует кризисный характер протекания трансформационных процессов, проблемность воспроизводства репертуаров, схем и процедур социальной деятельности, деконструирование их нормативно-ценностных оснований и аннигиляцию культурных смыслов бытия человека вследствие разрушения прежнего уклада жизни и несформированности новых институциональных и социальных оснований жизнедеятельности. Однако односторонняя интерпретация характера трансформационных процессов, элиминирующая обновление правовой и политической систем, экономических структур, нормативных стандартов поведения, социальных отношений и практик, существенно ограничивает прогнозирование параметров развития постсоветского общества и проблематизирует определение внутренних источников его прогресса. Как представляется, данный аспект необходимо учитывать при определении актуальных направлений, теоретико-методологических оснований и интерпретации результатов социально-философского исследования постсоветского трансформирующегося общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов, А. Н. Трансформация постсоветского общества: контуры нового мира / А. Н. Данилов // DOCTRINA. Międzynarodowy Przegląd Humanistyczny. – 2005. – № 2. – С. 167–219.
2. Тощенко, Ж. Т. Парадоксальный человек / Ж. Т. Тощенко. – М. : Гардарика, 2001. – 398 с.
3. Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет (круглый стол) / В. В. Дамье, А. Я. Дегтярев, В. Л. Иноземцев, И. Ф. Кононов, Н. И. Лапин, В. К. Левашов, В. П. Макаренко, А. Н. Олейник, И. Н. Трофимова, М. Ф. Черныш, С. Ю. Демиденко, Ю. В. Латов // Социол. исслед. – 2021. – № 12. – С. 3–26.
4. Оболонский, А. В. Этика публичной сферы и реалии политической жизни / А. В. Оболонский. – М. : Мысль, 2016. – 429 с.
5. Тощенко, Ж. Т. Фантомы российского общества / Ж. Т. Тощенко. – М. : Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.
6. Попов, В. В. Социальные трансформации и концепция транзитологии / В. В. Попов, О. А. Музыка, Л. М. Дзюба // Фундам. аспекты психич. здоровья. – 2018. – № 1. – С. 113–117.
7. Загороднюк, Т. Концепции постсоветской трансформации общества Т. И. Заславской и Н. В. Паниной : монография / Т. Загороднюк. – Киев : Ин-т социологии НАН Украины, 2013. – 164 с.
8. Заславская, Т. И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М. : Дело, 2002. – 568 с.
9. Заславская, Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. – М. : Дело, 2004. – 400 с.
10. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. – М., 1994. – 245 с.
11. Лапин, Н. И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход / Н. И. Лапин. – М. : Весь мир, 2021. – 364 с.
12. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Клеман. – М. : Логос, 2010. – 388 с.
13. Данилов, А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации / А. Н. Данилов. – Минск : Харвест, 1998. – 432 с.
14. Адуло, Т. И. Человек в условиях социальных трансформаций: философско-антропологический анализ / Т. И. Адуло, О. А. Павловская. – Минск : Беларус. навука, 2006. – 311 с.
15. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов : монография / под ред. Ч. С. Кирвеля. – Гродно : ГрГУ, 2009. – 547 с.
16. Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовнонравственные проблемы / О. А. Павловская [и др.] ; под ред. О. А. Павловской. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 519 с.
17. Павловская, О. А. Мораль в транзитивном обществе: социально-философский подход / О. А. Павловская ; науч. ред. А. Н. Данилов. – Минск : Беларус. навука, 2021. – 308 с.
18. Лукашева, Е. А. Трансформационные процессы XXI века: институциональный контекст / Е. А. Лукашева // Тр. Ин-та государства и права РАН. – 2018. – № 5. – С. 9–39.
19. Лазаревич, А. А. Становление информационного общества. Коммуникационные, эпистемологические и культурно-цивилизационные основания / А. А. Лазаревич. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 537 с.
20. Бабосов, Е. М. Глобализация как предмет социологического анализа / Е. М. Бабосов // Социология. – 2000. – № 4. – С. 3–15.
21. Семенов, В. С. Уроки XX века и путь в XXI век (социально-философский анализ и прогноз) / В. С. Семенов. – М. : ИФРАН, 2000. – 411 с.
22. Скрипкина, Т. П. Транзитивно-турбулентное общество: проблемы личности и образования [Электронный ресурс] / Т. П. Скрипкина // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2021. – № 2. – С. 188–208. – Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru. – Дата доступа: 19.08.2022.
23. Горшков, М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций / М. К. Горшков // Социол. исслед. – 2019. – № 11. – С. 3–17.

REFERENCES

1. Danilov, A. N. Transformacija postsovietskogo obschiestva: kontury novogo mira / A. N. Danilov // DOCTRINA. Międzynarodowy Przegląd Humanistyczny. – 2005. – № 2. – S. 167–219.
2. Toshchienko, Zh. T. Paradoksal'nyj chieloviek / Zh. T. Toshchienko. – M. : Gardariki, 2001. – 398 s.
3. Zavierschenije sovietskoj epokhi: ocenki s distancii v 30 liet (kruglyj stol) / V. V. Damje, A. Ya. Diegtiariov, V. L. Inoziemcev, I. F. Kononov, N. I. Lapin, V. K. Lievaschov, V. P. Makarienko, A. N. Oliejnik, I. N. Trofimova, M. F. Chernyshch, S. Yu. Diemidienko, Yu. V. Latov // Sociol. isslied. – 2021. – № 12. – S. 3–26.
4. Obolonskij, A. V. Etika publichnoj sfiry i realii politichieskoj zhizni / A. V. Obolonskij. – M. : Mysl', 2016. – 429 s.
5. Toshchienko, Zh. Fantomy rossijskogo obschiestva / Zh. T. Toshchienko. – M. : Centr social. prognozirovaniya i markietinga, 2015. – 668 s.
6. Popov, V. V. Social'nyje transformacii i koncepcija tranzitologii / V. V. Popov, O. A. Muzyka, L. M. Dziuba // Fundam. aspekty psikhich. zdorov'ja. – 2018. – № 1. – S. 113–117.
7. Zagorodniuk, T. Koncepcii postsovietskoj transformacii obschiestva T. I. Zaslavskoj i N. V. Panninoy : monografija / T. Zagorodniuk. – Kijev : In-t sociologii NAN Ukrainy, 2013. – 164 s.
8. Zaslavskaja, T. I. Socijetal'naja transformacija rossijskogo obshchiestva : Diejatiel'no-strukturnaja koncepcija / T. I. Zaslavskaja. – M. : Dielo, 2002. – 568 s.
9. Zaslavskaja, T. I. Sovriemiennoje rossijskoje obshchiestvo: social'nyj miekhanizm transformacii / T. I. Zaslavskaja. – M. : Dielo, 2004. – 400 s.
10. Krizisnyj socium. Nashche obshchiestvo v triokh izmierenijakh. – M., 1994. – 245 s.
11. Lapin, N. I. Slozhnost' stanovlienija novoj Rossii. Antroposociokul'turnyj podkhod / N. I. Lapin. – M. : Vies' mir, 2021. – 364 s.
12. Kak liudi dielajut siebia. Obychnyje rossijanie v nieobychnykh obstojatel'stvakh: konceptual'noje osmyslenie vos'mi nabludavshchikhsia sluchajev / pod obshch. ried. V. A. Yadova, Ye. N. Danilovoj, K. Klieman. – M. : Logos, 2010. – 388 s.
13. Danilov, A. N. Pieriekhodnoje obshchiestvo. Problemy sistiemnoj transformacii / A. N. Danilov. – Minsk : Kharviest, 1998. – 432 s.
14. Adulo, T. I. Chieloviek v uslovijakh social'nykh transformacij: filosofsko-antropologichieskij analiz / T. I. Adulo, O. A. Pavlovskaja. – Minsk : Bielarus. navuka, 2006. – 311 s.
15. Sovriemiennyje global'nyje transformacii i problema istorichieskogo samoopriedielienija vos-tochnoslavianskikh narodov : monografija / pod ried. Ch. S. Kirvelia. – Grodno : GrGU, 2009. – 547 s.
16. Biezopasnost' Bielarusi v gumanitarnoj sfierie: sociokul'turnyje i dukhovno-nravstviennyje problemi / O. A. Pavlovskaja [i dr.] ; pod ried. O. A. Pavlovskoj. – Minsk : Bielarus. navuka, 2010. – 519 s.
17. Pavlovskaja, O. A. Moral' v tranzitivnom obshchiestvie: social'no-filosofskij podkhod / O. A. Pavlovskaja ; nach. ried. A. N. Danilov. – Minsk : Bielarus. navuka, 2021. – 308 s.
18. Lukashcheva, Ye. A. Transformacionnyje processy XXI veka: institucional'nyj kontiektst / Ye. A. Lukashcheva // Tr. In-ta gosudarstva i prava RAN. – 2018. – № 5. – S. 9–39.
19. Lazarijevich, A. A. Stanovlienije informacionnogo obshchiestva. Kommunikacionnyje, epistemologichieskije i kul'turno-civilizacionnyje osnovanija / A. A. Lazarijevich. – Minsk : Bielarus. navuka, 2015. – 537 s.
20. Babosov, Ye. M. Globalizacija kak priedmet sociologichieskogo analiza / Ye. M. Babosov // Sociologija. – 2000. – № 4. – S. 3–15.
21. Siemionov, V. S. Uroki XX veka i put' v XXI vek: social'no-filosofskij analiz i prognoz / V. S. Siemionov. – M. : IFRAN, 2000. – 411 s.
22. Skripkina, T. P. Tranzitivno-turbulentnoje obshchiestvo: problemy lichnosti i obrazovanija [Elektronnyj riesurs] / T. P. Skripkina // Viestn. Mosk. gos. obl. un-ta. – 2021. – № 2. – S. 188–208. – Riezhim dostupa: www.evestnik-mgou.ru. – Data dostupa: 19.08.2022.
23. Gorshchikov, M. K. O social'nykh riezul'tatakh postsovietskikh transformacij / M. K. Gorshchikov // Sociol. isslied. – 2019. – № 11. – S. 3–17.

УДК 17 (091) (043.3)

Міхаіл Грыгор'евіч Шатернік*канд. філос. наук, ст. науч. супрацоўнік Інстытута філасофіі
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі***Mikhail Shatsernik***Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy
of the National Academy of Sciences of Belarus*e-mail: 33mg@mail.ru**ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОРАЛЬНОГО ДИСКУРСА**

Определены онтологическая, гносеологическая, аксиологическая, праксеологическая характеристики морального дискурса. Для реализации поставленной цели используется этико-философский подход в исследовании, который позволяет прежде всего выявить философскую и этическую суть морального дискурса. В результате такого обоснования моральный дискурс характеризуется с точки зрения его влияния на бытие, знание, смысл, ценности и нормы, а также предстает как практика или вид человеческой деятельности.

Ключевые слова: моральный дискурс, онтологическая характеристика, гносеологическая характеристика, аксиологическая характеристика, праксеологическая характеристика.

Ethical and Philosophical Characteristics of Moral Discourse

The article defines ontological, epistemological, axiological, praxeological characteristics of moral discourse. To achieve this goal, an ethical and philosophical approach is used in the study, which allows, first of all, to reveal the philosophical and ethical essence of moral discourse. As a result of this justification, moral discourse is characterized in terms of its influence on being, knowledge and meaning, values and norms, and also appears as a practice or a type of human activity.

Key words: moral discourse, ontological characteristics, epistemological characteristics, axiological characteristics, praxeological characteristics.

Введение

Дискурсивный подход в социально-гуманитарном познании привнес идею того, что характер нравственных процессов в обществе определяется не просто комплексом моральных норм и ценностей, присущих каждой культуре, но и их воссозданием в дискурсивной коммуникации. Между тем до настоящего времени моральный дискурс не приобрел статуса самостоятельного предмета философского и этического исследования, которое могло бы пролить свет на его сущностные характеристики. В лингвистике, где дискурсивный подход получил наибольшее распространение, были квалифицированы различные типы дискурсов. При этом лингвистический подход концентрируется на языковых аспектах морального дискурса, не затрагивая его онтологических и гносеологических оснований, не показывая роли концепции морального дискурса в решении современных этических проблем.

Этико-философский подход к исследованию морального дискурса предполагает этическую интерпретацию знания, полученного посредством философского анализа

дискурса. Данный подход направлен на решение универсальных философских задач морального самопознания субъекта и его нравственного самоопределения как личности. Этической интерпретации подлежит философское знание об онтологических характеристиках дискурса в контексте его влияния на бытие человека и общества; роли дискурса в организации норм и принципов познавательной деятельности; трактовке морального дискурса как механизма формирования мировоззренческих ориентиров; понимании человека как ценностно ориентированного субъекта дискурса; рефлексии дискурсивных практик, определяющих процессы социокультурного развития. Этическая составляющая философского исследования предполагает работу в проблемном и категориальном поле этики, имманентную направленность и практическую полезность получаемого знания для реального функционирования морали, для поддержания самоценности личности и стабильности человеческих сообществ исходя из перспективы будущего.

Теоретико-методологическими основаниями этико-философского исследования морального дискурса являются идеи, восходящие к самой природе философского знания, которое выполняет мировоззренческую, методологическую и социально-критическую функции. К таким идеям относится также тезис о том, что философский подход подразумевает рассмотрение онтологических, гносеологических, аксиологических и праксеологических аспектов предмета исследования.

Базовые концепции, ставшие теоретико-методологическим основанием формирования этико-философской модели морального дискурса, разработаны Ю. Хабермасом, который рассматривал дискурс о морали как область ее формирования в зависимости от дискурсивных особенностей коммуникации; Э. Левинасом, который трактовал дискурс как изначальное этическое отношение к Другому, являющееся основой морального сознания; М. Фуко, понимавшего дискурс как конкретную историческую структуру, хронотоп которой определяет понятия, отношения, социальные факторы и в рамках которой формируется знание о предмете конкретного дискурса. Также М. Фуко наметил пути понимания техники заботы о себе как процесса формирования морального дискурса, в котором субъект и социальное бытие обретают моральные характеристики.

Этико-философские характеристики морального дискурса

Онтологическая характеристика.

В отличие от прежнего понимания языка как знаковой системы, являющейся инструментом постижения социального бытия, в современной философии язык понимается как метод его конструирования, а само бытие – как результат дискурсивных практик. Являясь продуктом дискурса, социальное бытие интерпретируется как обладающее ценностным смыслом, при этом такой смысл задает именно моральный дискурс.

Объективно существующее бытие становится значимым, т. е. обретает ценность, только в результате отношения со стороны человека, будучи пропущено через человеческое сознание со всеми его категориями и переживаниями, через практическую деятельность по освоению мира. В кон-

тексте морального дискурса в этом особом социальном бытии воспроизводятся характеристики, свойственные человеку. Бытие схватывается в контексте первичных ценностных озабоченностей человека: поиска цели жизни и ее смысла, моральных переживаний, стремления к правильному для себя образу жизни.

Смыслы феноменов социального бытия обусловлены характером дискурса, в котором они актуализированы. Например, по мысли М. Фуко, такой социальный феномен, как девиантность, возникает как результат не физических отклонений, а дискурсивных практик, функционирующих в культуре. В дискурсивной формации существует определенный режим интерпретации смысла понятия «девиантность», который задается доминирующим типом морального дискурса. Более того, в работе «История сексуальности» М. Фуко доказывает, что, казалось бы, такая чисто физиологическая характеристика, как сексуальность, также формируется в рамках дискурса. В моральном дискурсе формируются представления о добре и зле, порядочном и непотребном, возвышенном и вульгарном и т. п.

М. Фуко трактует дискурс как совокупность высказываний, фиксирующих исторически меняющиеся способы интерпретаций и производства знания [1]. В то же время моральный дискурс может быть понят как социальный механизм порождения высказываний о нормах и даже самих норм [2].

На уровне практической актуализации М. Фуко понимает дискурсы как матрицы практического мышления, или «технологии» [3, с. 99–100]. Можно говорить о технологиях вещей, знаковых систем, власти и «технологии себя», которые постоянно взаимодействуют. В этом контексте моральный дискурс может быть понят как «технология себя» (забота о себе) [4, с. 49], как интенция к построению собственной субъективности, которая является базовым элементом социального бытия. В результате идеи М. Фуко можно трактовать в том ключе, что дискурс – это технология, «позволяющая индивидам, самим или при помощи других людей, совершать определенное число операций на своих телах и душах, мыслях, поступках и способах существования, преобразуя себя ради достижения со-

стояния счастья, чистоты, мудрости, совершенства или бессмертия» [3, с. 100].

Моральный дискурс – суть, имманентная самой человеческой природе, техника производства социокультурных кодов, касающихся ценностей и норм поведения. В процессе оформления социального бытия образуются дискурсивные формации как совокупность однопорядковых дискурсов, основой общности которых является единая форма морально-ценностных предпосылок, обеспечивающих единство режима интерпретации. Как следствие, возникает определенный тип социального бытия, который фиксируется в культуре в качестве исторического этапа ее развития.

Посредством морального дискурса формируются моральные характеристики субъекта и вместе с ним морально-ценностная специфика среды его существования. В этом плане моральный дискурс обладает приоритетом по сравнению с другими видами дискурса, поскольку человеческое существование вне научного, политического или любого другого дискурса возможно. Однако исключение или выпадение человека из структур морального дискурса выбрасывает его за границы социума и культуры. Именно поэтому онтологическая характеристика, т. е. способность производить социальное бытие как обладающее ценностным смыслом, свойственна, в принципе, только моральному дискурсу. Все другие виды дискурса так или иначе отсылают к нему. Например, научный дискурс, предполагающий не только установку на поиск истины, но и определенные нормы поведения в научном сообществе, включает в себя этос ученого [5], т. е. моральный дискурс. Юридический дискурс оперирует представлениями, в основе которых лежат принципы справедливости, которые получают легитимацию в моральном дискурсе. Религиозный дискурс, обосновывая ценности и нормы поведения людей ссылаясь на догматический авторитет, в своей основе содержит моральный дискурс, который носит всепроницающий характер.

Характеристики бытия, определяющие его ценностный смысл, хорошо выявлены в концепции Э. Левинаса, согласно которой онтологическим основанием морального дискурса является метафизическое отношение Самотождественного и

Иного, которое «осуществляется изначально в виде речи, где Самотождественный, сконцентрированный в самости своего “я”, неповторимого, автохтонного существа, – выходит за собственные пределы» [6, с. 78]. В этом высказывании Э. Левинас указывает на два основных элемента: пространство между Самотождественным и Иным, которое может пониматься как формальный аспект морального дискурса, и на речь как инструмент выхода «я» во внешнюю среду. Так моральный дискурс оказывается лежащим в основе человеческого бытия, ибо этическое отношение, реализуемое в дискурсе, определяет человеческое измерение этого бытия.

Отсюда следует, что моральный дискурс можно трактовать онтологически – как проявление бытия, которое характеризуется выходом за границы «я» и перенесением личностных параметров на Иное. Благодаря перспективе отношения с Иным становится возможным этическое переживание мира. В рамках этого отношения возникает моральное сознание. Как писал Э. Левинас, «приятие другого – это зарождение морального сознания» [6, с. 114]. Посредством такого отношения к миру в контексте трепетного отношения к Другому и осознания его в качестве нетождественного себе формируется стыд как способ измерять себя посредством бесконечности.

Далее в интересубъективном пространстве коммуникации те или иные моральные нормы утверждаются как истинные, следовательно, детерминирующие характер бытия в рамках этого пространства. Именно так понимал сущность морального дискурса Ю. Хабермас: как дискуссию, в результате которой достигается консенсус по признанию некоторой нормы, общезначимой для всех участников ситуации: «Моральные обоснования связаны с реальным проведением аргументированных дискуссий не по прагматическим соображениям, ради достижения равенства власти, а по внутренним причинам, для того чтобы создать возможность правильных моральных усмотрений» [7, с. 90]. Этическая легитимация норм, в результате которой образуется особое интересубъективное пространство, в котором нормы и ценности могут формировать совершенно уникальное социокультурное бытие, достигается посредством обсуждения и

аргументации в моральном дискурсе. Социальное бытие приобретает моральное измерение и определенную моральную форму благодаря признанию притязаний тех или иных моральных усмотрений на нормативную значимость. Таким образом, онтологическая характеристика морального дискурса заключается в том, что в нем устанавливаются человеческие взаимоотношения между субъектами, что является условием возникновения пространства осмысленности и социального бытия.

Гносеологическая характеристика.

Она определяется особым типом знания и смысла, который образуется в результате его функционирования, а также влиянием дискурса в целом на «сознание современного человека, его мышление, миропонимание и мироощущение, которые формируются в пространстве гетерогенных дискурсов» [8, с. 151]. В этом отношении дискурс может быть понят как «процесс и продукт когнитивной-коммуникативной деятельности человека, в ходе которой происходит речевая объективация результата освоения мира определенным типом сознания» [9, с. 27].

Любой дискурс определяет способ данности объекта в сознании, задает режим его интерпретаций. Дискурс «конструирует особый мир или его образ» [10, с. 525]. Моральный же дискурс обеспечивает формирование главной интерпретационной базы – морально-ценностной самоидентификации человека, который выступает конечным агентом и реципиентом познавательной активности. Моральный дискурс задает основания для образования знания человека о самом человеке, его представлений о собственном месте в иерархии бытия, о том, что и как следует делать, что такое хорошо, уместно, допустимо, о характере взаимоотношений людей. Он производит первичный и, соответственно, фундаментальный тип знания, который становится основой мировоззрения и целей жизнедеятельности вообще, что далее проявляется в постановке познавательных задач и ориентиров познавательной деятельности; задает главный критерий оценки – ценностную релевантность получаемого знания для самого человека.

По мысли Э. Левинаса, «дискурс обуславливает мышление... сущность дискурса – этика» [6, с. 219]. Тем самым подчеркивает-

ся, что моральный дискурс задает соответствующие характеристики познания. Поскольку дискурс есть «чистый “опыт”, повергающий в изумление» [6, с. 106], можно сказать, что итоговый познавательный эффект морального дискурса выражается в особом типе знания, чистота и первичность которого позволяют рассматривать его как предпосылку получения иных видов знания, которые производятся с учетом именно морально-ценностной перспективы. В результате образуется особый смысл мира, который имеет человеческое измерение.

Гносеологическая роль морального дискурса также заключается в познании морали и достижении взаимопонимания по нравственным вопросам. Спорные морально-нравственные ситуации могут возникать в результате структурно-содержательных особенностей того или иного дискурса, носителем которого является конкретный субъект. В результате имеет место множественность дискурсов, что является препятствием в достижении взаимопонимания. Однако, как показано в теории К.-О. Апеля, роль морального дискурса как раз и заключается в том, чтобы посредством апелляции к универсальным принципам организации дискурса, являющимся «априори обыденно-языкового взаимопонимания» [11, с. 291], прийти к общедоступным принципам морали, безусловно, содержащимся в «строе языка». Ведь, как правило, сложности во взаимном признании вызывают не базовые принципы морали, а ситуации, в которых нет очевидного решения и присутствует множество дополнительных факторов. Оказывается, что для каждого участника дискуссии приемлемо только решение, которое соответствует тому типу дискурса, в который погружен определенный участник. Именно поэтому эффективным приемом нахождения морального компромисса для всех участников дискуссии является анализ ценностных основ частной и общественной жизни и их дальнейшее логическое развитие до степени универсальных принципов, которые могут быть общепризнанными.

Использование морального дискурса позволяет носителям различных познавательных стратегий достигать взаимопонимания (или взаимоуважения) по вопросам нравственности, сосуществовать в человеческом сообществе. Именно поэтому, пола-

гал К.-О. Апель, «что и с трудом постигаемые сокровенные области различных культур или форм жизни благодаря углубленному знанию о различных структурах смогут взаимным образом интерпретироваться по крайней мере в смысле практического, например, этического и политического взаимопонимания» [11, с. 255]. В этом плане моральный дискурс может рассматриваться как канал взаимодействия, благодаря которому осуществляется сближение нравственных позиций и ценностных установок, что позволяет различным «формам жизни» приходиться к взаимопониманию.

Ю. Хабермас также отмечал, что в моральном дискурсе образуется понимание некоторых моральных усмотрений как истинных, что приводит к формированию на их основе интересубъективного пространства. Участники дискурса посредством дискуссии приходят к моральным усмотрениям, которые могут быть познаны в качестве истинных.

Особый тип знания, образующийся в моральном дискурсе, – знание смысла (а главное – смысла жизни). Специфичность смыслообразования в моральном дискурсе может быть понята при сопоставлении его с техникой смыслообразования в тексте на нравственную тему. Текст руководствуется внутренними связями, в нем режим связывания знаков является ключевым параметром, определяющим конечный смысл. Дискурс же содержательно сопряжен самой жизни и возникающим в ней социальным ситуациям, что происходит посредством соотнесенности морального дискурса с деятельностью, коммуникацией и экзистенциальными переживаниями. При отсутствии такой сопряженности обезличенная логика текста может брать на себя функцию смыслообразования, однако моральный смысл при этом может и не возникнуть. Так, чтение нравоучительной литературы или учебников по этике может не оказывать ни малейшего нравственного эффекта, если читатель не способен погрузить содержание текста в контекст собственной жизни, не способен поставить себя в центр дискурса. Переживание содержания текста как своего дает импульс к возникновению его морального смысла.

Эта специфика морального дискурса по сравнению с моральным текстом рас-

крыта Ж. Делёзом в произведении «Логика смысла». В нем проводится анализ условий и механизмов смыслообразования, а также факторов, участвующих в этом процессе. В результате обнаруживается, что отличительная особенность морального дискурса заключается в том, что образование «смысла» соотнесено с «высказыванием желания и веры» [12, с. 24], с понятием «Бога, мира, с “я”» [12, с. 30]. В результате в зависимости от условий актуализации элементов высказывания могут формироваться различные смыслообразующие образования, а сам моральный дискурс понимается как режим интерпретации, при котором актуализируется ценностный уровень высказывания и смыслообразование проходит под существенным влиянием контекста моральных убеждений и ценностей, веры, желания... В моральном дискурсе смыслы в большей степени коррелируют с набором экзистенциальных ценностей и убеждений, которые переживаются непосредственно, происходят во многом из внеязыковой среды и формируются в процессе жизни. Так, пережитые страдания побуждают человека с сочувствием относиться к страдающим и др. Именно это обстоятельство подчеркивает экзистенциальную природу морального дискурса. Можно сказать, что в его структуре важная роль отведена экзистенциальным предпосылкам образования смысла, которые структурируют высказывания и создают контекст их моральной осмысленности.

При слабой вовлеченности или отсутствии моральных предпосылок смыслообразование становится в большей степени зависимым от логико-семантических характеристик пропозиции: преобладающими являются чисто текстовые характеристики высказываний. В итоге моральный дискурс уступает место чисто техническим процедурам смыслообразования, при которых ценностная составляющая становится малозначимой или вообще перестает быть актуальной. Так, например, в дискурсе немецкого национал-социализма, содержащем рассуждения о превосходстве немецкой расы в обоснование политики истребления народов, преобладала семантическая составляющая. Чисто технически из текста о превосходстве одной нации над другой следовало, что низшая нация должна пасть жертвой во имя развития высшей. возникнове-

ние такой логики в рамках морального дискурса было бы невозможно, ибо человек, живущий во взаимодействии с другими людьми, конкретно ощущает чужое страдание и боль, ценность жизни другого не является абстрактным понятием. Образование смысла в рамках морального дискурса предполагает соотношение переживаний другого с собственными переживаниями. В отличие от текста как технической взаимосвязи знаков, моральный дискурс посредством своей погруженности в экзистенцию напрямую соотносится с чувственностью.

По замечанию И. Т. Касавина, «сфера морального не есть продукт логического доказательства. Напротив, она обозначает себя через вовлеченность» [13, с. 295]. Чувства играют в этическом обосновании такую же роль, как эмпирические факты в научном обосновании. Из всех социально-политических оттенков смысла термина «дискурс» теоретически значимым представляется только тот, «который подразумевает живой социальный акт дискуссии, или коммуникации» [13, с. 295].

Таким образом, гносеологическая характеристика морального дискурса свидетельствует о том особом типе нравственного знания и типе смысла, который в нем образуется.

Аксиологическая характеристика.

Она связана с вопросом о генезисе ценностей, специфике их развития и взаимодействия в социальном бытии. В аксиологии существует множество подходов к пониманию природы ценностей, но универсальным является то, что ценность предстает как возможность практической реализации идеала (Истины, Добра, Красоты). В этом плане моральный дискурс является областью формирования идеалов, определения способов их достижения, непосредственной деятельностью по этому достижению. Аксиологическая характеристика морального дискурса проявляется в его сопричастности образованию ценностной перспективы, которая становится предпосылкой морального осмысления бытия.

Применение дискурсного подхода способствовало разрешению давней этической проблемы: существуют ли моральные ценности сами по себе как объективные идеальные сущности или они лишь результат наших оценок и предпочтений, а значит,

субъективны? В этом плане правила морального дискурса задают объективную структуру ценностных суждений и в то же время позволяют субъекту говорить о морали, выражая собственную моральную оценку. Характер морального дискурса задает тот контекст, в котором абстрактные понятия морального сознания, имеющие ценностный статус, обретают не только свое значение, но и конкретный смысл.

Особую роль морального дискурса на этапе формирования моральных ценностей показал Э. Левинас. По его мысли, моральный дискурс является метафизическим основанием отношения «я» и Другого, в котором зарождаются ценности, равнодушное отношение к Другому. «Отношение к Другому, или Дискурс, является отношением этическим» [6, с. 88]. Первое, что дано человеку, согласно Э. Левинасу, – это бытие, образуемое в перспективе отношения себя и Другого, поэтому любой дискурс обладает моральным характером.

Моральность дискурса обусловлена аксиологическим содержанием отношения «“я” – Иное», где ценности служат пониманию Иного, а мир воспринимается в контексте моральных переживаний, которые, будучи проговоренными в обращенной к Другому речи, обретают форму этических концептов. Как говорил Э. Левинас, «приятие другого – это зарождение морального сознания» [6, с. 114]. Видение мира в перспективе Другого, трепетного отношения к нему и осознания его как нетождественного себе формирует стыд как способ «измерять себя посредством бесконечности». Так, моральный дискурс является предпосылкой объективации моральных ценностей в деятельности конкретного субъекта. В контексте дискурса, или отношения к Другому, моральные ценности становятся основой человеческих отношений. Их универсальный характер является результатом имманентности дискурсу и самой человеческой активности как поступкам свободного существа, стремящегося к созданию собственного пути правильной жизни.

Аксиологическая специфика морального дискурса реализуется в его способности наделять социальное бытие морально-ценностной «истинностью». Такая позиция развивается, в частности, Ю. Хабермасом, который исходит из того, что одна из глав-

ных функций дискурса – корректировка социального бытия за счет наделения его истинными, т. е. «правильными», усмотрениями относительно норм и ценностей социальной жизни. Эта задача решается посредством проведения аргументированных дискуссий, реализующихся в дискурсе о моральных принципах. В моральной аргументации речь идет о том, что «должно делать то или другое, а не о том, каково обстояние вещей» [7, с. 82].

Методом корректировки социального бытия является критическое осмысление моральных ценностей: «в то время как теоретическая критика вводящего нас в заблуждение повседневного опыта служит корректировке мнений и ожиданий, критика морали служит изменению образа действий или корректировке выносимых о нем суждений» [7, с. 80]. Моральные ценности интерсубъективного сообщества образуются в результате дискурсивно установленных усмотрений, которые признаются морально значимыми всеми членами этого интерсубъективного сообщества. Можно говорить, что моральное усмотрение относительно ценностей является истинным, если оно признано всеобщим [14]. Таким образом, в моральном дискурсе ценности обретают свое универсальное бытие и конкретно-содержательное наполнение.

Аксиологический аспект морального дискурса проявляется и в ходе взаимодействия дискурсов. Моральный дискурс обогащает другие дискурсы своей специфической ценностной проблематикой, становясь в них цитацией или отсылкой. Всепроникающий характер моральной регуляции осуществляется посредством проникновения морального дискурса во все сферы жизни общества. Например, он пронизывает религиозный дискурс, транслируя представление о переживаемой ценности, устанавливает рамки отношения человека к трансцендентному Иному (Богу). Интеграция морального дискурса в политический основана на содержащихся в моральном дискурсе представлениях о справедливости, благе, правильной организации совместной жизни людей и т. д.

Таким образом, аксиологическая характеристика морального дискурса выражается в его способности к наделению соци-

ального бытия морально-ценностной перспективой.

Праксеологическая характеристика.

Она проявляется в его влиянии на различные аспекты такой деятельности, где он выступает предпосылкой реализации нравственности в человеческих отношениях. Моральный дискурс является определенным видом нравственной деятельности, в результате которой происходят изменения в социальном устройстве и даже структуре социального бытия. Например, в результате заседания комиссии по этике могут быть приняты нормы, которые будут определять, что считать морально приемлемым, а что морально недопустимым; на основании признания чьего-то поведения безнравственным может быть объявлен выговор или даже импичмент.

Подробно описанная еще Г. Гегелем связь нравственности и закона выражается в том, что правоприменение является аспектом не закона, а нравственности. Таким образом, само по себе наличие нормы или закона еще не гарантирует их исполнение. Только осознанность и принятие их в рамках морального дискурса делает их обязательными к исполнению. Жизнь является практикой, которая требует от человека постоянного обращения к нормам ее регулирования, ведь без регулирования практика становится неплодотворным хаосом.

Специфика регуляции посредством морального дискурса состоит в том, что нормы являются предметом обсуждения и становятся значимыми в той или иной ситуации лишь когда легитимируются либо во внутреннем, либо во внешнем дискурсе. Базовые ценности, которые являются основанием для норм, менее подвержены резким колебаниям, однако сами нормы могут быть предметом пересмотра в сторону наилучшего соответствия конкретно-исторической ситуации. Праксеология морального дискурса может быть рассмотрена как стремление человека к деятельности по улучшению мира, которая включает самообразование субъекта и создание аксиологического мира, объединяющего всех участников коммуникации.

Таким образом, праксеологическая характеристика морального дискурса раскрывается как в связи с дискурсивной деятельностью людей по производству норм и пра-

вил своей жизни, так и в связи с выбором конкретных стратегий деятельности и поступков на основе этих норм и правил.

Заключение

Онтологическая характеристика указывает на то, что посредством освоения моральным дискурсом объективного, существующего независимо от субъекта бытия образуется уникальное человеческое бытие, обладающее нравственной перспективой.

Гносеологическая характеристика морального дискурса определяется тем особым типом знания и смысла, который образуется в контексте первичной этической направленности сознания, потребности самоопределения и ответственного отноше-

ния к Другому и универсуму в целом. Утверждаемая в моральном дискурсе нравственная самоидентичность человека определяет главный критерий оценки – ценностную релевантность получаемого знания для человека.

Аксиологическая характеристика указывает на то, что в моральном дискурсе формируются идеалы, ценности и нормы личного и общественного бытия.

Праксеологическая характеристика состоит в том, что моральный дискурс выступает предпосылкой реализации нравственности в человеческой деятельности и сам является деятельностью по определению и корректировке нравственных оснований социального бытия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко, М. Археология знания = L'Archeologie du savoir : пер. с фр. / М. Фуко ; вступ. ст. А. С. Колесникова. – СПб. : Гуманитар. акад., 2004. – 415 с.
2. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко ; сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. – М., 1996. – С. 47–96.
3. Фуко, М. Технологии себя / М. Фуко // Логос. – 2008. – № 2. – С. 96–122.
4. Шатерник, М. Г. Сравнение философско-этических концепций дискурса М. Фуко и Ю. Хабермаса / М. Г. Шатерник // Весн. Брэсцк. ун-та. – Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2017. – № 1. – С. 47–52.
5. Шатерник, М. Г. Моральный дискурс как основа этоса ученого / М. Г. Шатерник // Великие преобразователи естествознания: Нильс Бор : материалы юбилейн. XXV Междунар. чтений, Минск, 16–17 марта 2017 г. / Белорус. гос. ун-т информатики и радиоэлектроники ; редкол.: Г. И. Малыхина, В. И. Миськевич. – Минск, 2017. – С. 255–256.
6. Левинас, Э. Избранное. Тотальность и бесконечное : пер. с фр. / Э. Левинас. – М. : Культура. инициатива ; СПб. : Унив. кн., 2000. – 416 с.
7. Хабермас, Ю. Этика дискурса: замечания к программе обоснования / Ю. Хабермас // Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева ; послесл. Б. В. Маркова. – СПб., 2001. – С. 67–172.
8. Кожемякин, Е. А. Методологические проблемы изучения дискурсных практик / Е. А. Кожемякин, Е. А. Кротков // Тр. Ин-та систем. анализа Рос. акад. наук. – 2008. – Т. 37. – С. 151–173.
9. Бондаренко, Е. В. Дискурс как объект когнитивной лингвистики / Е. В. Бондаренко // Зап. з романогерм. філології. – 2013. – Вип. 1. – С. 25–32.
10. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 560 с.
11. Апель, К. О. Трансформация философии : пер. с нем. / К. О. Апель. – М. : Логос, 2001. – 344 с.
12. Делёз, Ж. Логика смысла : пер. с фр. / Ж. Делёз. – М. : Акад. проект, 2011. – 472 с.
13. Касавин, И. Т. Текст. Дискурс. Контекст: введение в социальную эпистемологию языка / И. Т. Касавин. – М. : Канон+, 2008. – 542 с.
14. Шатерник, М. Г. Роль морального дискурса в саморазвитии личности / М. Г. Шатерник // Проблеми саморозвитку особистості в сучасному суспільстві : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., 15 листоп. 2019 р. / Нац. юрид. ун-т ; редкол.: А. П. Гетьман [та ін.]. – Харків, 2019. – С. 75–79.

REFERENCES

1. Fuko, M. Arkhieologija znaniya = L'Archeologie du savoir : pier. s fr. / M. Fuko ; vstup. st. A. S. Koliesnikova. – SPb. : Gumanitar. akad., 2004. – 415 s.
2. Fuko, M. Poriadok diskursa / M. Fuko // Volia k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti / M. Fuko ; sost., pier. s fr., komment. i posliesl. S. Tabachnikovoj. – M., 1996. – S. 47–96.
3. Fuko, M. Tiekhnologii siebia / M. Fuko // Logos. – 2008. – № 2. – S. 96–122.
4. Shatiernik, M. G. Sravnienije filosofsko-eticheskikh koncepcij diskursa M. Fuko i Yu. Habermasa / M. G. Shatiernik // Viesn. Bresck. un-ta. – Sier. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohiya. – 2017. – № 1. – S. 47–52.
5. Shatiernik, M. G. Moral'nyj diskurs kak osnova etosa uchionogo / M. G. Shatiernik // Vielikije prieobrazovatieli jestiestvoznaniya: Nil's Bor : materialy jubilejn. XXV Miezhdunar. chtienij, Minsk, 16–17 marta 2017 g. / Bielorus. gos. un-t informatiki i radioelektroniki ; riedkol.: G. I. Mal'khiha, V. I. Mis'kievich. – Minsk, 2017. – S. 255–256.
6. Lievinas, E. Izbrannoje. Total'nost' i bieskonechnoje : pier. s fr. / E. Lievinas. – M. : Kul'tur. iniciativa ; SPb. : Univ. kn., 2000. – 416 s.
7. Habermas, Yu. Etika diskursa: zamiechanija k programmie obosnovanija / Yu. Habermas // Moral'noje soznaniye i kommunikativnoje diejstvije / Yu. Habermas ; pier. s niem. pod ried. D. V. Skliadnieva ; posliesl. B. V. Markova. – SPb., 2001. – S. 67–172.
8. Kozhemiakin, Ye. A. Mietodologichieskije probliemy izuchienija diskursnykh praktik / Ye. A. Kozhemiakin, Ye. A. Krotkov // Tr. In-ta sistem. analiza Ros. akad. nauk. – 2008. – T. 37. – S. 151–173.
9. Bondarienko, Ye. V. Diskurs kak ob'jekt kognitivnoj lingvistiki / Ye. V. Bondarienko // Zap. z romano-herm. filolohii. – 2013. – Vyp. 1. – S. 25–32.
10. Kubriakova, Ye. S. Jazyk i znaniye. Na puti poluchienija znaniy o jazyke: chasti riechi s kognitivnoj točki zrieniya. Rol' jazyka v poznanii mira / Ye. S. Kubriakova. – M. : Jaz. slav. kul'tury, 2004. – 560 s.
11. Apiel', K. O. Transformacija filosofii : pier. s niem. / K. O. Apiel'. – M. : Logos, 2001. – 344 s.
12. Delioz, Zh. Logika smysla : pier. s fr. / Zh. Delioz. – M. : Akad. projekt, 2011. – 472 s.
13. Kasavin, I. T. Tiekst. Diskurs. Kontiekst: vviedienije v social'nuju epistiemologiju jazyka / I. T. Kasavin. – M. : Kanon+, 2008. – 542 s.
14. Shatiernik, M. G. Rol' moral'nogo diskursa v samorazvitii lichnosti / M. G. Shatiernik // Problemy samorozvitku osobystosti v suchasnomu suspil'stvi : materialy Mizhnar. nauk.-prakt. konf., 15 lystop. 2019 r. / Nac. juryd. un-t ; redkol.: A. P. Het'man [ta in.]. – Kharkiv, 2019. – S. 75–79.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 08.06.2022

УДК 321:328

Геннадий Михайлович Бровка

*канд. пед. наук, доц., декан факультета технологий управления и гуманитаризации
Белорусского национального технического университета*

Genady Brovka

*PhD in Pedagogics, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Management Technologies and Humanities
of the Belarusian National Technical University
e-mail: gbrovka@bntu.by*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ И СТРАТЕГИЮ УПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ «ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ – ИННОВАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Наблюдаемое сегодня прорывное инновационное развитие ряда государств в значительной степени обусловлено внедрением цифровых технологий. Информационная сфера стремительно эволюционирует, влияя на все сферы жизни государства, общества и человека. Формирование виртуальной социально-политической реальности меняет сознание и поведение людей. Развитие дигитальных технологий предоставляет новые возможности для организации функционирования государственного аппарата. Одновременно цифровая трансформация, направленная на увеличение темпов социально-экономического и инновационного развития, вследствие стремительного и разнообразного появления новых технологий, сопровождается трудно прогнозируемыми и предсказуемыми рисками, опасностями, угрозами и вызовами. Предлагается рассматривать категорию «инновационная безопасность» в единой системе с категорией «инновационное развитие». Система «инновационное развитие и инновационная безопасность» охватывает все направления государственной политики, в первую очередь в политической, экономической, военной, образовательной, научной, производственной, финансовой, социальной, внешнеэкономической и других сферах жизни государства и общества. Формирование стратегии государственного управления целесообразно базировать на научном анализе целостной системы «инновационного развития и инновационной безопасности», прогнозе и постоянном мониторинге происходящих явлений, критериев и показателей в обеих этих плоскостях с использованием современных цифровых технологий.

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационная безопасность, государственная политика, стратегия управления, национальные интересы.

The Impact of Digital Transformation on Public Policy and Management Strategy in the System «Innovative Development – Innovative Security»

The breakthrough innovative development of a number of states observed today is largely due to the introduction of digital technologies. The information sphere is rapidly evolving, affecting all spheres of state, society and human life. The formation of a virtual socio-political reality changes people's consciousness and behavior. The development of digital technologies provides new opportunities for the organization of the functioning of the state apparatus. At the same time, digital transformation aimed at increasing the pace of socio-economic and innovative development, due to the rapid and diverse emergence of new technologies, is accompanied by difficult to predict and predictable risks, dangers, threats and challenges. It is proposed to consider the category «innovative security» in a single system with the category «innovative development». The system «innovative development and innovative security» covers all areas of state policy, primarily in political, economic, military, educational, scientific, industrial, financial, social, foreign economic and other spheres of life of the state and society. It is advisable to base the formation of a public administration strategy on a scientific analysis of the holistic system of «innovative development and innovation security», forecasting and constant monitoring of the phenomena, criteria and indicators in both of these planes using modern digital technologies.

Key words: innovative development, innovative security, state policy, management strategy, national interests.

Введение

Цифровая трансформация (цифровизация) в широком смысле предполагает внедрение новых принципов управления и деятельности на базе информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), включая технологии искусственного интеллекта, дополненной реальности, блокчейн, Интернета вещей и производства, больших баз данных и др., которые изменяют сущность и повышают эффективность работы компаний, организаций, государственных институтов и хозяйственных отраслей, а также создают новые модели социума и экономики. Внедрение цифровых технологий ведет к глубоким преобразованиям продуктов и услуг, структуры организации, стратегии развития, работы с респондентами и в целом корпоративной культуры. Исходя из опыта цифровой трансформации развитых государств – это эволюционная трансформация всей модели стратегического управления, организации и контроля, которая будет определять участие страны в 4-й промышленной революции и переход к V и VI технологическим укладам.

Усложнение современного мира, нарастающая полицентричность, одновременное наличие двух противоречащих друг другу парадигм развития: глобализации и протекционизма, ведут к необходимости междисциплинарного подхода в изучении политических институтов и процессов. Многомерность политики, необходимость осуществления эффективного государственного стратегического управления требует нового инструментария для прогнозирования, планирования, организации, мониторинга и контроля политического процесса. Такой инструментарий на основе системного анализа удастся найти в кибернетике, биологии и других науках, осуществивших прорыв в накоплении знаний.

Основная часть

Понятия «политика», «стратегия», «тактика» нашли свое отражение в военной науке с начала XIX в. в трудах Карла фон Клаузевица, в первую очередь в книге «О войне» [1] и в настоящее время являются фундаментальными категориями. Бурный рост транснациональных корпораций во второй половине двадцатого столетия вызвал ак-

тивный поиск инструментов и алгоритмов стратегических управленческих решений.

С середины 1960-х гг. названные термины использовали в своих книгах американские ученые-экономисты: Игорь Ансофф, «отец стратегического менеджмента», профессор университетов Карнеги-Меллона и Вандерbiltа, в монографии «Корпоративная стратегия» [2] и Дж. О' Шонесси, профессор Колумбийского университета в работе «Принципы организации управления бизнесом» [3], что привело к их активному употреблению в менеджменте, но не послужило их единообразному толкованию. Заимствование в интересах высшего звена менеджмента финансового, промышленного, торгового капитала из военной науки понятий «стратегия», «оперативное искусство», «тактика» позволило при всей неоднозначности последующих трактовок и неготовности гражданских руководителей и специалистов сформировать концепцию политики и стратегического управления бизнесом. Несмотря на относительную молодость и несовершенство теории, практика ее использования в менеджменте продемонстрировала позитивные результаты. Вышеназванные категории стали внедряться и в политическую сферу. В то же время неоднозначность подходов, трактовок, методов, отсутствие теоретического единства, определенности и достаточно проработанной структуры ведут к нечетким выводам и рекомендациям.

В этой связи представляется важной разработка в политической науке базовых понятий стратегического государственного управления и установление взаимосвязей между ними. К таким понятиям, по нашему мнению, относятся «политика», «стратегия», «тактика». В политической науке происходит освоение комплекса этих понятий.

Проведенный анализ научной литературы демонстрирует, что мнения авторов, представляющих разные отрасли знаний к определению указанных выше категорий, различаются. Не вступая в полемику по поводу определения, что есть политика, стратегия и тактика, согласимся с авторами, придерживающимися позиции, что политика – это концепт принятых высшим руководством долгосрочных решений, которые должны соблюдаться во всех функциональных направлениях.

Политика формирует руководящие цели и принципы. В конце XX в. политика стала многомерным явлением, о чем свидетельствует разделение в западном мире понятий *polity – policy – politics*. Президент и правительство, к примеру, определяют через заявления и решения, на базе мнения социума, принципы, правила, ценности, которые должны реализовываться. И найти отражение в конкретных направлениях политики: внешней, оборонной, безопасности, инвестиционной, инновационной и т. п.

В этом случае стратегия означает долговременный план действий по их достижению. Фактически стратегия отвечает на вопрос, куда направлено движение. Стратегия в лице высшего руководства страны определяет направление и темп развития. Стратегия реализует функцию «методологии управления», определяя в государственном управлении: анализ, прогнозирование, планирование, организацию, мониторинг, контроль и др. Стратегия формирует общие цели движения, общие способы их достижения, реализуя их через программы, концепции, нормативные акты, теории.

Тактика представляет собой комплексный элемент стратегического процесса. Таких элементов в стратегии может быть множество. Фактически тактика отвечает на вопрос, как достичь поставленных политикой и отраженных в стратегии целей. Тактика – это метод и способ достижения цели, через совокупность управленческих решений, на определенном временном этапе, в среднем звене государственного управления. В то же время тактика – это самостоятельная часть науки государственного управления как системы знаний. Одной из задач стратегии и тактики является обеспечение совпадения фактических шагов с общей целью и результатом политического процесса. То есть без реализации задач тактики невозможно достижение целей стратегии. По мнению ряда авторов, в тактике находит свое отражение «реальная траектория движения к цели», зигзаги и неизбежные потери.

В целом следует констатировать, что понятия «политика», «стратегия», «тактика» в государственном управлении представляют собой диалектическое единство и борьбу противоположностей. Порой сложно разграничить, где заканчивается и где начинается политика и стратегия, стратегия и

тактика. Возникают противоречия в формулировке цели и средства ее достижения, в соответствии стратегии и тактики. Это относится и к заложенному противоречию между развитием и обеспечением его безопасности. В этой связи задачей политики, стратегии, тактики государственного управления, например, в системе «инновационное развитие – инновационная безопасность» становится устранение объективно имеющихся противоположностей, возникающих рисков и угроз. Создание условий для реализации национальных интересов в этой сфере.

Инновационное развитие представляет собой прогрессивное, необратимое, направленное, закономерное изменение личности, общества, государства, основанное на способности генерировать, воспроизводить и внедрять знания и инновации в различных сферах человеческой деятельности. Инновационное развитие всегда сопряжено со всевозможными вызовами, поскольку инновации содержат кроме научной и технологической новизны и условий экономического роста новую социально-культурную ценность, вызывающую противодействие со стороны субъектов традиционной культуры. Инновационное развитие приводит к обновлению и созданию целого ряда новых социальных институтов, начиная с государственного управления, финансового регулирования, науки и образования, заканчивая переменами в общественном поведении и идеологии, посредством внедрения новых ценностей и приоритетов. Особенностью процессов формирования инновационной политики и является нарушение стабильности, потеря равновесного состояния существующей национальной системы институтов и хозяйствующих субъектов.

Сами инновации приносят фактор нестабильности и агрессии, что находит свое выражение в нарушении устоявшегося порядка и баланса сил при создании национальных систем инновационного развития, больших финансовых затратах на формирование инновационной системы и крупных политических и коммерческих рисках, жестких конкурентных действиях внешних конкурентов, ранее перешедших на инновационный путь развития.

Такой подход порождает новое понимание инновационной безопасности, ее уровней, критериев, условий обеспечения

не с точки зрения защиты от угроз, а с точки зрения инновационного развития в отличие от понимания научно-технологической и экономической безопасности с защитой от различных угроз государства и различных сторон его бытия согласно действующей Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.

В контексте нового видения инновационная безопасность предстает единством двух моментов: безопасность устойчивости и безопасность развития. При этом устойчивость как неотъемлемое свойство безопасности означает не абсолютную неизменность объекта, а его способность сохранять присущее ему качество данного феномена в условиях инновационного развития. Тем самым она не только не исключает изменчивость объекта, но и предусматривает его развитие.

Категория инновационной безопасности является комплексной. Ее следует рассматривать как систему (политика, образование, кадры, наука, инновационная инфраструктура, производственная подсистема), на каждой стадии которой должны проводиться конкретные мероприятия по обеспечению безопасности формирования инновационного цикла.

Инновационная безопасность, на наш взгляд, не должна являться абсолютно обособленным явлением, а должна найти свое место в системе национальной безопасности и совместно с экономической, научно-технологической безопасностью обеспечивать безопасность государства на протяжении всего цикла формирования и развития как инновационной экономики, так и инновационного реформирования всего общества. Причем масштабные задачи по инновационной модернизации экономики и общества предусматривают, что инновационная безопасность в системе национальной безопасности становится определяющей, требующей приоритетного внимания.

Исследуя категорию «национальная безопасность» и ее подсистемы, комплексная и сложная природа которых раскрывается в т. ч. через понятия «потенциал нации», «национальная сила», «национальная мощь», «национальные интересы», «жизнеспособность нации» и др., можно констатировать, что состояние и динамика инновационной сферы (государств ЕАЭС) в по-

следнее время находится в проблемной зоне. А именно: от инновационной сферы мы ожидаем кумулятивного эффекта по осуществлению прорыва в развитии страны.

В действующей Концепции национальной безопасности элементы инновационной безопасности присутствуют во всех восьми подсистемах от политической, военной, экономической до демографической безопасности.

Предлагается ввести следующее определение данному понятию: «Инновационная безопасность – составная часть национальной безопасности, выражающая состояние защищенности национальных интересов государства от внутренних и внешних угроз, возникающих в условиях инновационного развития. Это способность сохранять устойчивое состояние политической, общественной и социально-экономической систем, их целостность при реализации инновационных целей и интересов, устранять опасности инновационному пути развития страны в условиях внешнего и внутреннего негативного воздействия, нестабильности и неопределенности инновационного процесса, международной конкуренции».

Считаем, что, во-первых, необходимо рассматривать единую систему «инновационное развитие – инновационная безопасность» как имеющую для своих элементов общие цели, задачи и пути решения. Во-вторых, обеспечение инновационной безопасности должно рассматриваться, исходя из положений динамической теории, где именно фактор времени решительно влияет на ее изменяющиеся параметры. В-третьих, инновационная безопасность является компонентом политики инновационного управления, которое в ходе поэтапного формирования инновационной системы подвержено воздействию перманентно возникающих элементов нестабильности.

В связи с вышеизложенным полагаем, что рассматриваемая категория «инновационная безопасность» существует в единой системе с категорией «инновационное развитие». Система «инновационное развитие и инновационная безопасность» охватывает все направления государственной политики, в первую очередь в политической, экономической, военной, образовательной, научной, производственной, финансовой, со-

циальной, внешнеэкономической и других сферах жизни государства и общества.

Цифровизация занимает одно из ключевых мест в рамках разработки и проведения государственной политики Республики Беларусь. Так, реализуется Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг. [4], действует Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. [5], принят Декрет Президента республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» [6]. Реализация Декрета создала благоприятные условия для цифровой трансформации и развития высоких технологий, способствует получению конкурентных преимуществ внутри страны и на внешних рынках не только за финансовый, но и за человеческий капитал. С помощью Декрета реализуется политика в борьбе за умных, образованных и энергичных людей, за новые идеи и интеллектуальную собственность, что позволяет предотвращать «утечку умов» из страны, раскрыть научно-технический и творческий потенциал молодежи, привлечь ее к участию в разработке научно-технических программ и проектов по приоритетным направлениям социально-экономического развития Беларуси.

Цифровизация – неотъемлемая часть инновационного развития Республики Беларусь, приоритеты которого определены в «Государственной Программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг.» [7].

Для управления инновационным развитием особенно важным, по нашему мнению, является системное проведение государственной политики, направленной на осуществление стратегического управления этим процессом, потому что только государство со своими возможностями стратегической оценки и стратегического планирования, государственной организационной системой может решать проблемы достижения целей инновационного развития и эффективной инновационной модернизации экономики и общества. Более того, в данном контексте следует особо отметить, что в условиях действия непредсказуемых и трудно прогнозируемых факторов инновационной трансформации, вызванных «технологической революцией» (К. Перес), «со-

зидательным разрушением» (Й. Шумпетер), динамическим хаосом (И. Пригожин) [Цит. по: 8, с. 45] и длительным циклом инновационного процесса, только государственная система стратегического управления и государственная организационно-управленческая система потенциально обладают тем набором политических и стратегических инновационно-управленческих методов и инструментов, которые, при соответствующей их модернизации и совершенствовании могут обеспечивать управление инновационным развитием, формирование инновационной экономики, переход к обществу знаний. Одновременно государство способно обеспечивать инновационную безопасность.

Действительно, только государственная управленческая система может справиться с проблемами управления, которые усложняются и тем, что поведение нелинейных динамических систем, какой является национальная экономическая система при переходе на инновационный путь развития, всегда подвержена, «созидательному разрушению», приводящему к динамичному хаосу. Поэтому поведение такой нелинейной системы в организационной парадигме стратегического управления необходимо рассматривать в рамках универсальной бифуркационной теории пространственно-временного динамического хаоса нелинейных систем, даже если инновационная модель формируемая в государстве (иногда с непредсказуемым результатом) кажется случайной. Движение от порядка к хаосу и обратно является сущностью инновационного развития, какие бы его проявления мы ни рассматривали. А учитывая, что общей закономерностью развития является его циклический характер, связанный с чередованием спадов и подъемов экономической активности, то хаос при переходе общества на инновационный путь развития, в случае стратегического управления, необходимо рассматривать как другую закономерную форму порядка: в формируемой инновационной системе за порядком (стабильностью) в обычном его понимании с неизбежностью следует хаос, а за хаосом – порядок. Говоря о формировании системы государственной политики стратегического управления и обеспечении инновационной безопасности, следует понимать, что соотношение уровней хаоса и организо-

ванности является константой, то есть, если по одним параметрам растет уровень организованности, то по другим в той же мере должен нарастать хаос [9, с. 3–19; 10], что, безусловно, требует учета в комплексе тактики и стратегии управления.

Беларусь пока не является лидером в сфере цифровой трансформации, что подтверждают международные рейтинги. Например, в Индексе мобильной связи GSMA* – 2018 (GSMA Mobile Connectivity Index) показатель Беларуси составил 66,4 из 100 возможных. Невысокие показатели Беларуси получила при оценке на белорусском рынке стоимости смартфонов, уровня налогообложения, оценке онлайн-безопасности и в некоторых других сферах. Если обратиться к Глобальному индексу инноваций, то в 2019 г. Беларусь заняла в нем 72-е место. Место нашей страны в Глобальном индексе финтех – 2020 (степень развитости финтех-рынка) – 59-е из 65 стран.

Развитие информационных технологий предоставляет новые возможности для организации функционирования государственного аппарата. Область государственного управления становится одной из наиболее приоритетных сфер информатизации, представители ее в решающей степени должны превосходить по уровню информированности, точности, полноте доступа к источникам информации. Индекс развития электронного правительства ООН – это комплексный показатель, который оценивает готовность и возможности национальных государственных структур в использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для предоставления гражданам государственных услуг. Беларусь в 2018 г. перешла в список стран с высоким EGDI, заняв 38-ю строку. Это можно объяснить реализацией Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития на период до 2030 г., включая ряд инициатив, связанных с развитием ИКТ в различных секторах экономики.

Интересен опыт по цифровизации сектора государственных услуг такой страны, как Эстония, которая смогла построить наиболее развитую на сегодняшний день систему электронного правительства. Эстония первой в мире смогла перейти к выборам в парламент через Интернет, организовала первую в мире электронную переписку

населения и первой в мире предложила иностранцам получить ее цифровое гражданство. Небольшая и не самая богатая страна с населением в полтора миллиона человек на пути создания цифрового государства обогнала многих мировых технологических лидеров, которые тратят на это сотни миллионов долларов [11]. Успех Эстонии стал возможен благодаря опоре на продуманную государственную политику в области инновационного развития, собственную стратегию цифровой трансформации, тактику внедрения информационно-коммуникативных технологий, реализованную органами госуправления, несмотря на неудачи и недостатки, собственное программное обеспечение, собственные технологические решения. А не копирование и заимствование у других государств или покупку известных брендов и приспособление этих продуктов к старым структурам. Цифровой механизм сразу разрабатывался с мыслью о будущем, где не будет бумаг и печатей. Одновременно разрабатывался механизм защиты от киберугроз, начиная от незаконного проникновения в систему цифрового государства и до комплекса мероприятий по противодействию, выявлению и пресечению киберпреступлений различного характера. Такая работа с учетом появления новых вызовов ведется постоянно.

Китайская Народная Республика также с опорой на собственные силы создает новую систему науки и внедрения технологий (инновационную систему), адекватную экономике и закономерностям НТР, повышающую отдачу научно-исследовательских учреждений и активность научно-технических работников [12, с. 152]. Это означает, что Китай вступил в эпоху полномасштабных инноваций. Предполагается, что к окончанию 2022 г. научно-технический потенциал Китая составит 28,46 % от общемирового потенциала, инновационное развитие страны поднимется на новый уровень, страна займет место первой в мире инновационной державы. Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что политика государства направлена на то, что «социалистическая система сосредоточена на крупных событиях и является важным инструментом нашего успеха». Формирование и реализация стратегии инновационного развития представляет собой не только важный путь

развития науки и техники в Китае, но и способ продвижения инноваций и развития в будущем.

Эта деятельность потребовала от высшего руководства страны усилий по обеспечению инновационной безопасности в системе национальной безопасности. Под инновационной безопасностью здесь понимается прежде всего стратегия обеспечения инвестиций в инновации [13], борьба с коррупцией, широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизни Китая, построение на их базе не только новых производственных и экономических отношений, но и передовой системы государственного управления, его цифровая трансформация для достижения поставленных правящей партией стратегических целей по созданию модели инновационной системы, позволяющей достичь опережающего развития [14]. Важная роль отводится также мерам по обеспечению в этих условиях инновационного развития политической стабильности государства. Действуют несколько общегосударственных программ по ее обеспечению, в том числе по противодействию враждебному цифровому переформатированию сознания граждан страны.

Анализ показывает, что существенной частью цифровой трансформации являются процессы внедрения Электронного правительства – это взаимодействие государства с гражданами или бизнесом посредством информационных технологий, например, электронные услуги, цифровые подписи, электронный документооборот. Эксперты различают электронное правительство (e-government) и электронное управление (e-governance). В модели «электронное правительство» выделяются четыре четко выраженные сферы взаимоотношений: между государственными службами и гражданами (G2C – government-to-citizen), государством и частными компаниями (G2B – government-to-business), государственными организациями и их сотрудниками (G2E – government-to-employee) и между различными государственными органами и уровнями государственного управления (G2G – government-to-government). Развитие электронного правительства определяется количественными показателями: сколько человек имеет доступ к интернету, сколько

электронных услуг предоставлено, сколько ведомств внедрило электронный документооборот. Электронное управление определяется качественными показателями: вовлеченностью граждан, открытостью правительства, уровнем развития электронной демократии.

Органы государственной власти, используя информационные формы и методы управления, безусловно повышают эффективность своей деятельности, расширяют свои управленческие возможности, становясь более открытыми в нашем обществе. Государственное управление становится по сути электронной инфраструктурой государства. Это способствует повышению информационной открытости и публичности процедур разработки и принятия государственных решений, реализации прав граждан на доступ к информации.

Развитие всегда сопровождается появлением новых вызовов, рисков и угроз. Рассматривая систему «инновационное развитие – инновационная безопасность» выделим некоторые: неурегулированность многих правовых аспектов цифровизации, «цифровое неравенство» на всех уровнях развития общества: цивилизационном, региональном, национальном, электоральном, вызовы государственному и муниципальному управлению, экономические угрозы цифровизации, киберпреступность и кибертерроризм, ведущаяся против нашего государства виртуальная кибервойна и многие другие.

Заключение

Таким образом цифровая трансформация в сфере государственного управления в системе «инновационное развитие – инновационная безопасность» требует комплексного и системного подхода к вопросам ее внедрения в управленческие процессы. Необходимы обязательные этапы исследования на политическом, стратегическом и тактическом уровнях, прогнозирование и эксперименты в сочетании с глубоким анализом последствий, проблем и рисков, возникающих с использованием возможностей такого мощного драйвера государственно-общественного развития, как информационно-коммуникативные и инновационные технологии во всех сферах жизнедеятельности государства и общества.

В целях защиты национальных интересов усилия Совета Министров Республики Беларусь как центрального органа государственного управления [15, с. 42] и Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь как структуры, координирующей деятельность государственных органов по разработке основных направлений стратегии обеспечения национальной безопасности и обеспечивающей деятельность межведомственных комиссий при Совете Безопасности, в системе «инновационное развитие – инновационная безопасность» необходимо направлять на совместное рассмотрение указанных выше вопросов, широкое привлечение экспертного сообщества для оценивания как планируемых мероприятий, так и итоговых их результатов.

Важнейшим фактором реализации изложенных подходов станет принятие новой редакции Концепции национальной безопасности Всебелорусским народным собранием. Проходящее в настоящее время широкое обсуждение всеми ветвями власти и обществом предложений изменений (в т. ч. указанных в работе) в Концепции национальной безопасности позволяет системно подойти к выработке эффективной политики инновационного развития и инновационной безопасности государства.

Решение задачи стратегического управления системой развития и безопасности является весьма актуальным для Республики Беларусь, ставшей на путь самостоятельного государственного строительства. Достижения во всех областях жизни во многом определяются активной государственной поддержкой инновационной деятельности, в первую очередь процесса дигитализации государства, общества, экономики, проведением эффективной инновационной политики, созданием уникальной ин-

новационной системы. Государство на всех этапах оказывает поддержку высокотехнологичному бизнесу, и желало бы постоянного увеличения им вложений в НИОКР, проявления инициативы в создании инноваций. Одновременно государство обеспечивает безопасность инновационного развития на всех этапах инновационного цикла и должно прогнозировать, и принимать меры по исключению негативных последствий внедрения инноваций, в особенности в социально-политической сфере.

Инновации преобразуют общественные сферы и институты государства, ведут к изменениям в общественных отношениях. Инновационное развитие и в первую очередь процессы цифровой трансформации и модернизации привели к обновлению и созданию целого ряда новых социальных институтов, переменам в общественном поведении и идеологии посредством внедрения новых ценностей, и приоритетов. Исследование показывает, что необходимо заблаговременно готовиться к переменам. Политика руководства страны будет успешной, если в названных сферах она станет основываться на научном анализе целостной системы «инновационного развития и инновационной безопасности», прогнозе и постоянном мониторинге происходящих явлений, критериев и показателей в обоих этих плоскостях. Кроме того, для принятия высшим руководством государства решений в стратегическом управлении, целесообразно на основе применения цифровых технологий разыгрывать возможные сценарии развития событий, что позволит заблаговременно и прогностически выделять аспекты, требующие внимания по обеспечению национальной безопасности и соблюдению национальных интересов всеми ветвями власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клаузевиц, К. фон. О войне – Военная мысль [Электронный ресурс] / К. фон Клаузевиц // Воен. лит. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/index.html>.
2. Ansoff, I. Corporate Strategy [Электронный ресурс] / I. Ansoff. – Режим доступа: <https://www.worldcat.org/title/corporate-strategy-an-analytic-approach-to-business-policy-for-growth-and-expansion/oclc/355364>.
3. О'Шонесси, Дж. Принципы организации управления фирмой [Электронный ресурс] / Дж. О'Шонесси. – М. : Прогресс, 1979. – Режим доступа: <https://pandia.ru/text/77/161/15086.php>.

4. Стратегія развіцця інфарматызацыі в Рэспубліцы Беларусь на 2016–2022 годы [Электронны ресурс] : утв. на засяданні Прэзідіума Савета Міністраў Респ. Беларусь 03.11.2015, № 26. – Режим доступу: <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiya-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody>. – Дата доступу: 07.10.2020.
5. Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 235 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600235>. – Дата доступа: 07.10.2020.
6. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь № 8. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716>. – Дата доступа: 10.01.2022.
7. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 сент. 2021 г., № 348. – Режим доступа: <https://president.gov.by/bucket/assets/uploads/documents/2021/348uk.pdf>. – Дата доступа: 27.10.2021.
8. Бровка, Г. М. Процессы и технологии политики обеспечения инновационной безопасности государства. / Г. М. Бровка. – Минск : БНТУ, 2020. – 316 с.
9. Азроянц, Э. А. Будущее: эволюционные и эсхатологические альтернативы / Э. А. Азроянц // Полигнозис. – 2002. – № 4. – С. 3–19.
10. Сакович, В. А. Некоторые аспекты государственной политики стратегического управления инновационным развитием / В. А. Сакович, Г. М. Бровка // Проблемы упр. – 2021. – № 4. – С. 113–121.
11. Будущее: дигитальная Эстония, как небольшой стране удалось стать цифровым государством [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/future/32168-digital-estoniya-kak-nebolshoy-strane-udalos-stat-cifrovym-gosudarstvom>.
12. Ланьдэлун, А. Эволюция стратегии инновационного развития Китая / А. Ланьдэлун // Устойчивое развитие экономики: междунар. и нац. аспекты. – 2019. – № 4. – С. 151–153.
13. Сюй, Ч. Инновационный вариант развития экономики Китая / Ч. Сюй, А. С. Трошин // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 31–35.
14. Цао, Я. Стратегические ориентиры инновационного развития Китая / Я. Цао, Ц. Сюй // Евраз. Науч. Об-ние. – 2019. – № 9-2 (55). – С. 158–160.
15. Конституция Республики Беларусь. – Минск : НЦПИ, 2022. – 78 с.

REFERENCES

1. Klauzievic, K. von. O wojnie – Wojennaja mysl' [Elektronnyj riesurs] / K. von. Klauzievic // Wojen. lit. – Riezhim dostupa: <http://militera.lib.ru/science/classwitz/index.html>.
2. Ansoff, I. Corporate Strategy [Elektronnyj riesurs] / I. Ansoff. – Riezhim dostupa: <https://www.worldcat.org/title/corporate-strategy-an-analytic-approach-to-business-policy-for-growth-and-expansion/oclc/355364>.
3. O'Shonessi, Dzh. Principy upravlenija firmoj [Elektronnyj riesurs] / Dzh. O'Shonessi. – M., Progress, 1979. – Riezhim dostupa: <https://pandia.ru/text/77/161/15086.php>.
4. Stratigija razvitija informatizacii v Riepublikie Bielarus' na 2016–2022 gody [Elektronnyj riesurs] : utv. na zasiedanii Priezidiuma Sovieta Ministrov Rieesp. Bielarus' 03.11.2015, № 26. – Riezhim dostupa: <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiya-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody>. – Дата доступу: 07.10.2020.
5. Ob utvierzhdenii Gosudarstvennoj programmy razvitija cifrovoj ekonomiki i informacionnogo obshchestva na 2016–2020 gody [Elektronnyj riesurs] : postanovlenie Sovieta Ministrov Rieesp. Bielarus', 23 marta 2016 g., № 235 // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Rieesp. Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600235>. – Дата доступу: 07.10.2020.
6. O razvitii cifrovoj ekonomiki [Elektronnyj riesurs] : Diekriet Priezidenta Rieesp. Bielarus' № 8. – Riezhim dostupa: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716>. – Дата доступу: 10.01.2022.

7. O Gosudarstvennoj programmie innovacionnogo rasvitija Rjespubliki Bielarus' na 2021–2025 gody : Ukaz Prizsidienta Rjesp. Bielarus', 15 sient. 2021 g., № 348. – Riezhim dostupa: <https://president.gov.by/bucket/assets/uploads/documents/2021/348uk.pdf>. – Data dostupa: 27.10.2021.

8. Brovka, G. M. Processy i tiekhnologii politiki obiespiechienija innovacionnoj biezopasnosti gosudarstva / G. M. Brovka. – Minsk : BNTU, 2020. – 316 s.

9. Azrojanc, E. A. Budushchieje: evoliucionnyje i eskhatologichieskije al'ternativy / E. A. Azrojanc // Polignozis. – 2002. – № 4. – S. 3 – 19.

10. Sakovich, V. A. Niekotoryje aspiekty gosudarstvennoj politiki strategichieskogo upravlienija innovacionnim razvitijem / V. A. Sakovich, G. M. Brovka // Problemy upr. – 2021. – № 4. – S. 113–121.

11. Budushchieje: digital'naja Estonija, kak niebol'shoj strane udalos' stat' cifrovym gosudarstvom [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://vc.ru/future/32168-digital-estoniya-kak-nebolshoy-strane-udalos-stat-cifrovym-gosudarstvom>.

12. Lan'delun, A. Evoliucija strategii innovacionnogo razvitija Kitaja / A. Lan'delun // Ustojchivoje pazvitije ekonomiki: miezhdunar. i nac. aspict. – 2019. – № 4. – S. 151–153.

13. Siuj, Ch. Innovacionnij variant razvitija ekonomiki Kitaja / Ch. Siuj, A. S. Troshin // Innovacii i investicii. – 2021. – № 3. – S. 31–35.

14. Cao, Ya. Strategichieskije orijentiry innovacionnogo razvitija Kitaja / Ya. Cao, C. Siuj // Jvraz. Nauch. Ob-nie. – 2019. – № 9-2(55). – S. 158–160.

15. Konstitucija Rjespubliki Bielarus. – Minsk : NCPI, 2022. – 78 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 19.07.2022

УДК 321.01 (323.174)

Дина Владимировна Белявцева¹, Даниил Александрович Пономарев²

¹канд. полит. наук, доц., доц. каф. политологии

Белорусского государственного университета

²студент 4 курса юридического факультета

Белорусского государственного университета

Dzina Bialiautsava¹, Daniil Ponomarev²

¹PhD in Political Science, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Political Science

at the Belarusian State University

²Student of the 4 Year of Study of Law Faculty of the Belarusian State University

e-mail: ¹belyavtseva@mail.ru; ²hram-hramo@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ ПОДДЕРЖАНИЯ БАЛАНСА ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Выделены основные элементы механизма поддержания баланса интересов центра и регионов в федеративном государстве (нормативно-правовой и политической), дается их характеристика. Политические аспекты взаимоотношений между властями различных уровней исследуются через анализ реализации центрального и регионального интересов на примере Смоленской области. Определяется характер и природа центрального и регионального интересов как инструмента политических отношений. Выделяются основные параметры потенциала региона (ресурсы и возможности региональных элит, особенности политического пространства региона, его геополитического и социально-экономического положения), модели поддержания баланса «центр – регион». Анализируются формы взаимодействия между центром и Смоленской областью. Делаются выводы об отсутствии на современном этапе разнообразия форм сотрудничества на уровне элит и доминировании нормативно-правовых элементов механизма поддержания баланса интересов центра и региона. Модель политических отношений центр – Смоленская область определяется как «сильный центр – слабый регион».

Ключевые слова: государственное строительство, территориальная целостность, баланс отношений «центр – регион», центральный интерес, региональный интерес, региональная элита.

Mechanisms for Supporting the Balance of the Center and the Regions in the Russian Federation

The article highlights the main elements of the mechanism for maintaining the balance of interests of the center and the regions in a federal state (regulatory and political), their characteristics are given. The political aspects of the relationship between the authorities of various levels are investigated through the analysis of the implementation of central and regional interests on the example of the Smolensk region. The nature and nature of central and regional interests as an instrument of political relations is determined. The main parameters of the region's potential are highlighted (resources and capabilities of regional elites, features of the political space of the region, its geopolitical and socio-economic situation), models for maintaining the center – region balance. The forms of interaction between the center and the Smolensk region are analyzed. Conclusions are drawn about the absence at the present stage of a variety of forms of cooperation at the elite level and the dominance of regulatory and legal elements of the mechanism for maintaining a balance of interests of the center and the region. The center – Smolensk Region – model of political relations is defined as «a strong center – a weak region».

Key words: state-building, territorial integrity, balance of center-region relations, central interest, regional interest, regional elite.

Введение

Необходимость обеспечения баланса в отношениях между центром и регионами, управляемости территорией государства, его целостности и устойчивого развития является важным направлением государственного строительства. В современном государстве проблема повышения эффективности государственного управления и ре-

гиональной политики стоит еще более остро. Национальные и местные конфликты, региональный сепаратизм и вопросы перераспределения полномочий между центром и регионами никуда не исчезли – напротив, в связи с новым технологическим прорывом человечества в области политической и массовой коммуникации они еще более обострились. Механизмы взаимодействия

центральных и региональных органов власти в современном государстве включают как нормативно-правовые, так и политические аспекты. Нормативно-правовые аспекты определяют субъекты взаимодействия, разделение полномочий и предметов ведения между органами власти разных уровней. Политические аспекты понимаются как совместные действия государственных властных структур уровня центра и регионов по решению вопросов совместного ведения, основанных на принципах добровольности, законности, сохранения самостоятельности региональной власти. В этой связи актуальность приобретает выявление таких инструментов обеспечения вертикального взаимодействия, как интересы властей различного уровня. Общетеоретические проблемы взаимодействия центра и регионов в России, странах ЕС и США (разделение полномочий, модели взаимодействия, правосубъектность) являются предметом рассмотрения как зарубежных авторов (М. Китинг, С. Роккан, Д. Элейзер и др.), так и исследователей постсоветского пространства, в т. ч. белорусских (И. М. Бусыгина, Г. А. Василевич, В. Н. Ватыль, А. В. Дахин, Н. Ю. Лапина, В. Е. Чиркин, Н. Н. Судакова, Р. Ф. Туровский, В. С. Фатеев и др.). Политические аспекты взаимодействия центра и регионов на примере отдельных субъектов Российской Федерации представлены в трудах О. Б. Ангаповой, А. Н. Горской, О. В. Гончаренко, В. С. Федоляк, О. В. Цветковой и др. В данной статье мы выявим особенности и формы реализации центрального и регионального интереса для поддержания баланса отношений между центром и регионами на примере Смоленской области Российской Федерации.

Основная часть

Баланс отношений между двумя основными уровнями власти – общенациональным и региональным – демонстрирует степень автономии субъектов, их политико-ресурсную базу и одновременно уровень децентрализации государства. Можно сказать, что он динамичен и основан на определенном компромиссе в условиях наличия различных интересов центра и регионов.

Определим, что такое центральный и региональный интересы. Российский исследователь Р. Ф. Туровский отмечает ключе-

вое качество центрального интереса. Сущность интереса центра определяется идеологией государства, традициями, общенациональными приоритетами и необходимостью государственной стабильности [1, с. 85–88]. Тем не менее важнейшей задачей центра является также признание того факта, что многие политические решения в государстве нельзя принимать без учета мнения регионов. В исследовательской литературе изучение интересов центральных или федеральных властей осуществляется в рамках понятия «национальные интересы». Присутствует точка зрения о недостаточном уровне разработки последнего в российской общественно-политической мысли [2, с. 380]. Обратимся к доктринальным документам. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации национальные интересы определяются как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасном и устойчивом развитии» [3]. Их количество составляет восемь. В данной статье под центральным интересом понимаются объективно значимые потребности государства, общества и личности, важнейшими из которых являются обеспечение суверенитета, территориальной целостности, устойчивого развития и повышения качества жизни и благосостояния граждан.

В рамках изучения баланса отношений «центр – регионы» регион определяется как система обеспечения регионального интереса [4, с. 158]. Остановившись на понятии регионального интереса как ключевом со стороны региона факторе в балансе отношений «центр – регионы», следует отметить характеристику его уровня (потенциала). Уровень или потенциал региональных интересов зависит от таких параметров, как качественные (региональная идентичность и геополитическая роль территории), количественные (экономическое и демографическое значение региона) и физико-географические показатели [1, с. 89–91]. Также отдельно стоит отметить, что регионы в федеративном государстве заинтересованы в существовании сильной центральной власти, наделенной широкими полномочиями для защиты и обеспечения общих интересов. В то же время они нацелены на сохранение своей самостоятельности и права решать не только второстепенные вопросы жизни сво-

его населения и утраты своей самостоятельности. Данные положения являются неотъемлемой частью и в некотором смысле сущностью региональных интересов как баланса центростремительных и центробежных сил региона.

Актуализация регионального интереса зависит от уровня регионализма, активности или пассивности региональной политической культуры с одной стороны и активности или пассивности региональной политической элиты с другой стороны. Как отмечает Р. Ф. Туровский, содержание регионального интереса составляет, прежде всего, интерес региона к политической автономии [1, с. 91–92]. Таким образом, под региональным интересом мы будем понимать совокупность значимых потребностей территориального сообщества, региональных элит и органов власти, определяющих направленность деятельности по обеспечению различных форм политической самостоятельности от центральной власти с целью устойчивого развития и повышения качества жизни и благосостояния граждан при сохранении суверенитета и целостности государства.

В российской исследовательской литературе выделяются различные модели баланса отношений «центр – регионы». Наиболее устойчивыми, по мнению Р. Ф. Туровского, являются следующие: «слабый регион – сильный центр» и «сильный регион – слабый центр» [5, с. 59]. Формирование модели определяется не только качественными, количественными и физико-географическими показателями региона, но и институционализацией региональной элиты и ее умением вести диалог с федеральным центром. В частности, Н. Ю. Лапина подчеркивает, что, несмотря на политику рецентрализации, которая могла породить мнение, что регионы отныне будут управляться из Москвы, региональные элиты в новой ситуации проявили большую устойчивость [6, с. 85]. Движение в сторону модели «сильный регион – слабый центр» предполагает высокий уровень влияния элиты на сообщество региона, эффективное функционирование в политическом пространстве региона.

Положение регионов с точки зрения ресурсов и возможностей реализации регионального интереса в России существен-

но отличается. В частности, выделяют три модели регионов: «национальные республики», «депрессивные регионы» и «модернизированные регионы». «Модернизированные регионы» отдельные авторы определяют как инновационные [7]. Для «национальной республики» характерно ограниченное влияние федерального центра, а региональные элиты могут сосредоточить в своих руках мощные экономические ресурсы. В них важен этнополитический фактор, который способствует формированию региональной идентичности и консолидирует территориальное сообщество вокруг региональной элиты. За счет этого региональная власть получает легитимность в глазах собственного населения. Часть республик обладает экономической самостоятельностью с развитой добывающей промышленностью, часть является дотационной. В связи с этим федеральный центр вынужден проводить гибкую политику [4, с. 160–161].

К «депрессивным регионам» относятся аграрные и агропромышленные регионы России, элиты которых всецело зависят от федерального центра, т. к. получают от него денежные субсидии и дотации. Для «модернизированных регионов», в свою очередь, характерен высокий уровень сотрудничества федеральных и региональных элит. Они представлены развитыми промышленными регионами, которые ведут конструктивное сотрудничество с федеральным центром: инвестируют в местную промышленность и способствуют развитию всей экономики России. Для России насущной необходимостью является широкая правящая коалиция федеральных и региональных элит, наиболее успешной моделью для которой может быть практика взаимодействия с «модернизированными регионами» [4, с. 159–161].

Анализируя механизмы взаимодействия властей различного уровня в государстве, необходимо подчеркнуть, что возможности для реализации центрального и регионального интересов в существенной степени зависят и от соотношения вопросов совместного и исключительного ведения между центром и регионами. Так, по мнению Н. Н. Судаковой, равновесие между центром и регионами, поддерживающее всю систему, состоит в том, чтобы центру была предоставлена наиболее существенная часть законодательной, а регионам – администра-

тивной компетенции [8, с. 313]. Оптимальным решением является передача управленческих полномочий на тот уровень, на котором они могут осуществляться наиболее эффективно.

К предметам совместного ведения чаще всего относят вопросы собственности, природопользования и т. д. При этом за регионами может быть закреплено право предметов ведения, если они не отнесены к ведению центра либо к совместному. Например, границы между регионами могут быть изменены с их взаимного согласия. Это может обеспечить оптимальное решение возникающих вопросов с учетом региональных особенностей и разгрузить центр [9, с. 87]. Иными словами, обеспечить баланс интересов центра и регионов при сохранении целостности государства.

Обратимся к практике взаимодействия между центром и Смоленской областью. Данный регион является сопредельной территорией с Республикой Беларусь. Как отмечают исследователи, приграничный статус создает дополнительные условия Смоленскому региону для взаимодействия и развития своего потенциала [10, с. 238–239], а также для давления на центральную элиту.

Так, например, на границе Смоленской области и Республики Беларусь действует единая система управления инфраструктурой государственной границы Российской Федерации, включающая органы пограничного, таможенного, иммиграционного, санитарно-карантинного, ветеринарного, карантинного фитосанитарного контроля, другие федеральные государственные контрольные органы, обеспечивающие работу пункта пропуска.

В рамках приграничного статуса Смоленской областной Думой в соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2017 г. №179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» 5 октября 2017 г. был принят областной закон «О регулировании отдельных вопросов в сфере приграничного сотрудничества в Смоленской области», разъясняющий распределение полномочий между областными органами власти в сфере приграничного сотрудничества. Кроме того, в настоящее время на большей части территории «новых» границ России применяется упрощенный порядок их пересечения, а на некоторых участках функционирует систе-

ма видеонаблюдения за состоянием подъездной дороги [11, с. 77].

Говоря о влиянии Смоленской области в контексте политических инструментов взаимодействия с центром, следует обратиться к фактору региональных элит. Исследователями высказывается позиция о наличии дистанции между центром и региональным сообществом по вопросу формирования региональной власти. По мнению О. В. Гончаренко, конфликт населения области с центром особенно ярко прослеживается на практике выборов глав субъектов Российской Федерации [12, с. 290–292]. Так, Всероссийской политической партии «Единая Россия», чьи кандидаты в абсолютном большинстве случаев побеждают на выборах, удается набрать в лучшем случае половину голосов избирателей в Смоленской области. В этой связи многократные эксперименты перестановок центром кадров на должности главы администрации Смоленской области закончились в 2012 г. выходом «Единой России» из гонки за регион. В 2015 г. центр поддержал кандидатуру А. В. Островского от партии ЛДПР на выборах главы субъекта Российской Федерации [13]. Личность губернатора и работа администрации Смоленской области зачастую подвергаются негативным оценкам со стороны экспертного сообщества. В частности доктор политических наук Д. Н. Нечаев отмечает, что у региона «нет никакой четко выработанной стратегии развития» [14]. Анализируя положение действующего губернатора на данный момент и сам факт того, что уже десять лет А. В. Островский не покидает свой пост, следует прийти к выводу о том, что, в условиях противоречивости региона этот кандидат оказывается достаточно удобным и для элиты Смоленщины, и для центра.

Противоречивость региона выражается в том, что на протяжении почти всего постсоветского периода в Смоленской области существовал определенный конфликт местных элит по нескольким линиям: область – город, область – центр, область – парламент, область – бизнес и т. д. Смена шести губернаторов обусловила частые корректировки в расстановке внутрирегиональных сил, которые могли выступить агентами развития межрегиональных связей и приграничного сотрудничества [10, с. 242].

Практика предпочтения со стороны центра не политических, а управленческих характеристик у руководителя региона в Смоленской области стала эффективной. «Губернаторы-варяги» не удерживались на долгий срок. Политика центра изменилась и перешла в полярное значение. Как уже отмечалось, это выразилось в поддержке Президентом Российской Федерации В. В. Путиным выдвижения кандидатуры А. В. Островского на выборах главы администрации Смоленской области в 2015 г., а также в утверждении его членом президиума Государственного совета Российской Федерации в 2017 г. [15]. Таким образом, найден баланс интересов региональных и федеральных элит. Отношения Смоленской области и федерального центра стабилизировались. В условиях политики рецентрализации центр кардинально сменил тактику: сохраняя доминирующее положение в системе «центр – регионы», в то же время прислушивался к региону и учитывал мнение региональных элит. Политика центра в отношении Смоленской области стала более гибкой и стратегически дальновидной.

В рамках федерального общественно-го проекта «Национальный рейтинг», чьим оператором является Центр Информационных Коммуникаций «Рейтинг», 29 июня 2022 г. были опубликованы последние результаты «Национального Рейтинга Губернаторов (май–июнь, 2022)», по результатам которого губернатор А. В. Островский «занял» 77-е место. В декабре 2021 г. руководитель области занимал 61 позицию [16].

Критика экспертного сообщества и недоверие населения к действующей региональной власти является в значительной степени проекцией финансового и социально-экономического развития Смоленской области, которая относится к дотационным регионам. Несмотря на значительное финансирование, она сравнительно уступает многим своим «конкурентам» в очереди за бюджетным ассигнованием. Дотации из федерального бюджета в 2018 г. для нее были относительно небольшими, особенно в сравнении с перечислениями, к примеру, Республике Дагестан или Республике Саха. Смоленский регион по уровню инвестиций центра стоит в последней, четвертой категории, и в сравнении с первой – самой щедрой – получает весьма скромное финанси-

рование. Область длительное время считается второстепенной для федерального центра. Однако, по мнению А. Н. Горской, это не вполне оправданно в контексте исторических и геополитических условий [10, с. 239].

Согласно Закону от 6 декабря 2021 г. № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» Смоленская область получит всего 3 698 416 000 руб. при общем объеме бюджетных ассигнований на исполнение публичных нормативных обязательств на 2022 г. в сумме 880 387 181 400 руб. [17].

Сложившаяся социально-экономическая ситуация осознается региональной властью. В Стратегии социально-экономического развития Смоленской области до 2030 г., разработанной в 2018 г., она определена как регион, который «не входит в число регионов – полюсов роста российской экономики с высоким индексом конкурентоспособности» [18, с. 14]. В области предприняты усилия по формированию благоприятного бизнес-климата. Улучшились позиции в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации (31-е место в 2016–2017 гг.), по уровню содействия развитию конкуренции (15-е место – в 2016 г., 16-е место – в 2017 г.), экологическому рейтингу субъектов Российской Федерации (17-е место) [19, с. 14]. Тем не менее преодолеть статус «депрессивного региона» Смоленской области не удастся. Стратегия социально-экономического развития Смоленской области до 2030 г. разработана в соответствии с целями и задачами федерального центра и региона и, по сути, является формой реализации вопросов совместного ведения.

Исследуя фактор влияния федерального центра на Смоленскую область, необходимо вернуться к ее потенциалу как приграничного региона, поскольку именно это положение позволяет региональной власти укрепить свое положение как в регионе, так и в отношениях с федеральными властями. Смоленская область получила статус приграничного региона после распада Советского Союза. Обустройство «новых» границ, в свою очередь, потребовало значительных материальных, финансовых и трудовых ресурсов для создания приграничной инфраструктуры [11, с. 77]. Такое положение способствовало расширению и укрепле-

нию личных связей региональной элиты, а также открыло широкие возможности для региона в сфере международного сотрудничества, торговли и туризма.

Активизация приграничного взаимодействия началась только в XXI в. В 2004–2020 гг. администрацией Смоленской области были заключены соглашения о сотрудничестве в различных областях с Правительством Республики Беларусь и всеми областными исполнительными комитетами Республики Беларусь. Смоленской областной Думой заключены соглашения с Брестским и Могилевским областными Советами депутатов. Большинство из этих соглашений не сопровождались конкретными программами и планами. Разработан и реализуется План мероприятий к Соглашению между Администрацией Смоленской области (Российская Федерация) и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической и социально-культурной областях, утвержденный 18 июля 2019 г. [19]. С 2006 г. ведется работа по заключению договоров и соглашений между муниципальными образованияами Смоленской области и приграничными городами и районами Республики Беларусь.

Договоры и соглашения, заключенные от лица Смоленской области, не только соответствуют Конституции Российской Федерации, но также отражают интересы федерального центра в налаживании и укреплении связей России и Беларуси: любые проекты международного соглашения подлежат согласованию с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти в порядке, установленном федеральным законодательством. В случае возникновения разногласий с федеральными органами исполнительной власти в отношении проекта международного соглашения применяются согласительные процедуры в соответствии с законодательством Российской Федерации [20].

Регионом также заключено соглашение между Правительством Москвы и Администрацией Смоленской области о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, которое расширяет взаимодействие двух субъектов по ряду вопросов, в т. ч. предполагает создание межрегиональных и межотраслевых структур,

затрагивая и деятельность федеральных органов власти [21].

Для характеристики качественных и количественных показателей потенциала Смоленской области важно уточнить, что в регионе по состоянию на начало 2018 г. проживало 949,3 тыс. человек. Область в целом мононациональна: русские составляют более 94 % населения [18, с. 10].

В 2019 г. произошло изменение в статусе региона. В соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации 13 февраля 2019 г. № 207-р в редакции от 25.06.2022 г. Смоленская область определена как приграничная геостратегическая территория Российской Федерации [22]. В данную группу включены территории, граничащие со странами Евразийского экономического союза, что позволяет прогнозировать усиление внимания центра к региону и активизацию его сотрудничества с Республикой Беларусь.

Заключение

На основе выше изложенного можно сделать следующие выводы.

Центральный и региональный интересы во взаимоотношениях Смоленской области и федерального центра характеризуются объективной природой и необходимостью реализации как общественно значимые для государства, общества и личности.

Модель политических отношений центр – Смоленская область может быть охарактеризована как «сильный центр – слабый регион». Внимание федерального центра к Смоленской области не является приоритетным: разнообразия форм сотрудничества с федеральным центром на уровне элит не проявляется. Регион не создает препятствий федеральному центру, но в то же самое время и не вовлечен в тесное с ним взаимодействие. На современном этапе во взаимодействии центра и Смоленской области больше доминируют нормативно-правовые ресурсы, нежели политические. Федеральная власть, найдя устойчивый баланс в отношениях с проблемным регионом, не ставит себе задачу ни в корне переломить ситуацию, ни сблизиться с региональной элитой.

Смоленская область определена как приграничный геостратегический регион. У нее существуют нереализованные направ-

ления развития: международное сотрудничество, в т. ч. и с Республикой Беларусь, туризм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Туровский, Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений : монография / Р. Ф. Туровский. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 399 с.
2. Радиков, И. В. Стратегия национальной безопасности России – 2021: преемственность и развитие / И. В. Радиков // ПОЛИТЭКС. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 371–386.
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 2 июля 2021 г., № 400. // Президент России. Официальный портал. – Режим доступа: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>. – Дата доступа: 23.04.2022.
4. Григорьев, Н. А. Современный этап эволюции системы отношений «Центр – регионы» / Н. А. Григорьев // Вестн. Север.-Вост. федер. ун-та. – 2014. – Т. 11, № 2. – С. 157–165.
5. Туровский, Р. Ф. Баланс отношений «центр – регионы» как основа территориально-государственного строительства / Р. Ф. Туровский // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2003. – № 12. – С. 54–65.
6. Лапина, Н. Ю. «Центр – регионы» в постсоветской России: история, механизмы взаимодействия, сценарии будущего / Н. Ю. Лапина // ПОЛИТЭКС. – 2008. – Т. 2, № 2. – С. 85–97.
7. Цветкова, О. В. Моделирование современных межрегиональных (трансграничных) отношений в политическом пространстве Российской Федерации / О. В. Цветкова // Вестн. Рос. нации. – 2016. – № 6. – С. 161–173.
8. Судакова, Н. Н. Институт разграничения полномочий между федеральным центром и субъектами в рамках выстраивания вертикали власти в России / Н. Н. Судакова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 4 (1). – С. 312–315.
9. Федоляк, В. С. Хозяйственная самостоятельность регионов в системе федеративных отношений / В. С. Федоляк // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. – 2012. – № 3-1. – С. 83–89.
10. Горская, А. Н. Влияние представителей правящей элиты Смоленской области на динамику отношений региона с Республикой Беларусь в рамках трансграничного сотрудничества / А. Н. Горская // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. – 2019. – Т. 19, вып. 2. – С. 238–243.
11. Ангапова, О. Б. Классификация приграничных регионов Российской Федерации / О. Б. Ангапова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2014. – № 2. – С. 76–80.
12. Гончаренко, О. В. Кадровая политика Центра как инструмент управления региональными элитами / О. В. Гончаренко // Pro Nunc: Соврем. полит. процессы. – 2008. – Т. 8, № 1. – С. 287–294.
13. Путин принял досрочную отставку губернатора Смоленской области [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/1976035/amp> – Дата доступа: 23.04.2022.
14. Нечаев, Д. Н. Национальный рейтинг губернаторов [Электронный ресурс] / Д. Н. Нечаев // Центр Информационных Коммуникаций «Рейтинг». – Режим доступа: <https://russia-rating.ru/%d0%bd%d0%b5%d1%87%d0%b0%d0%b5%d0%b2%d0%b4%d0%bd>. – Дата доступа: 25.06.2022.
15. О президиуме Государственного совета Российской Федерации [Электронный ресурс] : распоряжение Президента Рос. Федерации, 26 мая 2017 г., №179-рп // Президент России. Официальный портал. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41945>. – Дата доступа: 24.07.2022.
16. Национальный рейтинг [Электронный ресурс] // Центр Информационных Коммуникаций «Рейтинг». – Режим доступа: <https://russia-rating.ru/info/20635.html>. – Дата доступа: 30.06.2022.
17. О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов [Электронный ресурс] : Федер. закон, 6 дек. 2021 г., № 390-ФЗ // Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647. – Дата доступа: 11.06.2022.

18. Стратегия социально-экономического развития Смоленской области до 2030 года. – Смоленск, 2018. – 190 с.

19. Реестр действующих международных соглашений Смоленской области [Электронный ресурс] // Администрация Смоленской области. Официальный портал органов власти. – Режим доступа: <https://ums.admin-smolensk.ru/dokumenty/mezhdunarodnye-soglasheniya>. – Дата доступа: 23.06.2022.

20. О договорах и соглашениях, заключаемых от имени Смоленской области [Электронный ресурс] : Закон Смолен. обл., 10 июня 2003 г., № 24-з // Электрон. фонд правовых и норматив.-техн. док. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/939001839>. – Дата доступа: 12.04.2022.

21. О торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве [Электронный ресурс] : соглашение между Правительством Москвы и Администрацией Смоленской области, 02.09.2016, № 77-903 // Электрон. фонд правовых и норматив.-техн. док. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/456015342>. – Дата доступа: 05.04.2022.

22. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 13 февр. 2019 г., № 207-р // КонсультантПлюс. Россия. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/495a69096417b9505307de3bc0b5676189b5b1aa/. – Дата доступа: 23.06.2022.

REFERENCES

1. Turovskij, R. F. Centr i riegiony: problemy politichieskikh otnoshenij : monografija / R. F. Turovskij. – M. : Izd. dom GY VShE, 2006. – 399 s.

2. Radikov, I. V. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Fiedieracii – 2021: prijemstviennost' i razvitije / I. V. Radikov // POLITEKS. – 2021. – Т. 17, № 4. – S. 371–386.

3. O strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Fiedieracii [Elektronnyj riesurs] : Ukaz Priezidenta Ros. Fiedieracii, 2 ijulia 2021 g., № 400 // Priezident Rossii. Oficial'nyj portal. – Riezhim dostupa: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>. – Дата dostupa: 23.04.2022.

4. Grigor'jev, N. A. Sovriemiennyj etap evolucii sistiemy otnoshenij «Centr – riegiony» // Viestn. Siev.-Vostoch. fiedier. un-ta. – 2014. – Т. 11, № 2. – S. 157–165.

5. Turovskij, R. F. Balans otnoshenij «centr – riegiony» kak osnova territorial'no-gosudarstviennogo stroitel'stva / R. F. Turovskij // Mirovaja ekonomika i miezhdunar. otnosheniya. – 2003. – № 12. – S. 54–65.

6. Lapina, N. Yu. «Centr – riegiony» v postsovietskoj Rossii: istorija, miekhanizmy vzaimodiejstvija, scenarii budushchiego / N. Yu. Lapina // POLITEKS. – 2008. – Т. 2, № 2. – S. 85–97.

7. Cvietkova, O. V. Modelirovanije sovriemiennykh miezhriegional'nykh (transgranichnykh) otnoshenij v politichieskom prostpanstvie Rossijskoj Fiedieracii / O. V. Cvietkova // Viestn. Ros. nacii. – 2016. – № 6. – S. 161–173.

8. Sudakova, N. N. Institut razgranichenija polnomochij miezhdu fiedieral'nym centrom i subjektami v ramkakh vystraivaniya viertikali vlasti v Rossii / N. N. Sudakova // Viestn. Nizhegorod. un-ta im. N. I. Lobachievskogo. – 2011. – № 4 (1). – S. 312–315.

9. Fiedoliak, V. S. Khozajstvieniaja samostojatel'nost' riegionov v sistiemie fiedierativnykh otnoshenij / V. S. Fiedoliak // Izv. Tul. gos. un-ta. Ekon. i jurid. nauki. – 2012. – № 3-1. – S. 83–89.

10. Gorskaja, A. N. Vlijanije predstaviteliej praviashchiej elity Smolienskoj oblasti na dinamiku otnoshenij riegiona s Riespublikoj Bielarus' v ramkakh transgranichnogo sotrudnichiestva / A. N. Gorskaja // Izv. Sarat. un-ta. Sier. Sociologija. Politologija. – 2019. – Т. 19, vyp. 2. – S. 238–243.

11. Angapova, O. B. Klassifikacija prigranichnykh riegionov Rossijskoj Fiedieracii / O. B. Angapova // Viestn. Buriat. gos. un-ta. – 2014. – № 2. – S. 76–80.

12. Goncharienko, O. V. Kadrovaja politika Centra kak instrument upravlienija riegional'nymi elitami / O. V. Goncharienko // Pro Nunc: Sovriem. polit. processy. – 2008. – Т. 8, № 1. – S. 287–294.

13. Putin prinial dosrochnuju otstavku gubernatora Smolienskoj oblasti [Elektronnyj riesurs] // TASS. – Riezhim dostupa: <https://tass.ru/politika/1976035/amp>. – Дата dostupa: 23.04.2022.

14. Niechajev, D. N. Nacional'nyj rejting gubernatorov [Elektronnyj riesurs] / D. N. Niechajev // Centr informacionnykh kommunikacij «Rejting». – Riezhim dostupa: <https://russia-rating.ru/%d0%bd%d0%b5%d1%87%d0%b0%d0%b5%d0%b2-%d0%b4%d0%bd>. – Дата dostupa: 25.06.2022.

15. O priezidiumie Gosudarstviennogo sovieta Rossijskoj Fiedieracii [Elektronnyj riesurs] : rasporiasheniye Priezidenta Ros. Fiedieracii, 26 maja 2017 g., №179-rp // Priezident Rossii. Oficial'nyj portal. – Riezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41945>. – Data dostupa: 24.07.2022.

16. Nacional'nyj rejting [Elektronnyj riesurs] // Centr informacionnykh kommunikacij «Rejting». – Riezhim dostupa: <https://russia-rating.ru/info/20635.html>. – Data dostupa: 30.06.2022.

17. O fiedieral'nom biudzhete na 2022 god i na planovyj pierod 2023 i 2024 godov [Elektronnyj riesurs] : Fiedier. zakon, 6 diek. 2021 g., № 390-FZ // Konsul'tant Plus. – Riezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647. – Data dostupa: 11.06.2022.

18. Strategija social'no-ekonomichieskogo razvitija Smolienskoj oblasti do 2030 goda. – Smoliensk, 2018. – 190 s.

19. Riejeestr diejstujushchikh miezhdunarodnykh soglashenij Smolienskoj oblasti [Elektronnyj riesurs] // Administracija Smolienskoj oblasti. Oficial'nyj portal organov vlasti. – Riezhim dostupa: <https://ums.admin-smolensk.ru/dokumenty/mezhdunarodnye-soglasheniya>. – Data dostupa: 23.06.2022.

20. O dogovorakh i soglashenijakh, zakliuchajemykh ot imieni Smolienskoj oblasti [Elektronnyj riesurs] : Zakon Smolien. obl., 10 i'ijunia 2003 g., № 24-z // Elektron. fond pravovykh i normativ.-tiekh. dok. – Riezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/456015342>. – Data dostupa: 12.04.2022.

21. O torгово-ekonomichieskom, nauchno-tiekhnichieskom i kul'turnom sotrudnichiestvie [Elektronnyj riesurs] : soglasheniye miezhdy Pravitel'stvom Moskvy i Administraciej Smolienskoj oblasti, 02.09.2016, № 77-903 // Elektron. fond pravovykh i normativ.-tiekh. dok. – Riezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/456015342>. – Data dostupa: 05.04.2022.

22. Ob utvierzhdienii Strategii prostranstviennogo razvitija Rossijskoj Fiedieracii na pierod do 2025 goda [Elektronnyj riesurs] : rasporiayheniye Pravitel'stva Ros. Fiedieracii, 13 fev. 2019 g., № 207-r // Konsul'tantPlus. Rossija. – Riezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/495a69096417b9505307de3bc0b5676189b5b1aa/. – Data dostupa: 23.06.2022.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 29.09.2022

УДК 323.22

Дмитрий Викторович Драгун
преподаватель-стажер каф. политологии
Белорусского государственного университета

Dmitry Dragun
Lecturer-Trainee of the Department of Political Science
of the Belarusian State University
e-mail: dragun.dim@yandex.ru

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Сформулированы авторские дефиниции терминов «религиозно-политический экстремизм», «исламизм» и «радикальный исламизм», показано их соотношение, описаны основные идеологемы радикального исламизма. Раскрыты основы «киберджихада» как информационно-мобилизационной деятельности радикальных исламистов в сети Интернет.

Ключевые слова: исламизм, радикальный исламизм, экстремизм, религиозно-политический экстремизм, «киберджихад».

Radical Islamism in the Discourse of Modern Political Knowledge

The article formulates the author's definitions of the terms «religious-political extremism», «islamism» and «radical Islamism», shows their relationship, describes the main ideologemes of radical islamism. The foundations of «cyberjihad» as an information and mobilization activity of radical islamists on the Internet are revealed.

Key words: islamism, radical islamism, extremism, religious and political extremism, «cyberjihad».

Введение

В условиях мировой политической и социально-экономической турбулентности исследование радикального исламизма приобретает особую теоретическую и практическую значимость. Согласно Глобальному индексу терроризма, составленному международными экспертами под эгидой Института экономики и мира, в 2022 г. число террористических атак в мире увеличилось до 5 226, при этом ответственность за 14 из 20-ти наиболее смертоносных из них взяли на себя радикальные исламистские организации и движения [1].

Проблема реагирования на угрозы со стороны радикального исламизма актуальна и для нашей страны. Часть 3 ст. 16 Конституции Республики Беларусь гласит: «Запрещается деятельность религиозных организаций, их органов и представителей, которая направлена против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя и гражданского согласия либо сопряжена с нарушением прав и свобод граждан, а также препятствует исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей или наносит вред их здоровью и нравственности» [2]. Согласно дейст-

вующей Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, «проявления социально-политического, религиозного, этнического экстремизма и расовой вражды» относятся к числу основных угроз национальной безопасности Республики Беларусь [3].

Указанные вопросы также широко дискутируются в белорусском академическом сообществе. Так, 27 января 2022 г. в Минске состоялась Республиканская межведомственная научно-практическая конференция «Концептуальные подходы в сфере национальной безопасности: тенденции и параметры трансформации», организованная Государственным секретариатом Совета Безопасности Республики Беларусь и Академией управления при Президенте Республики Беларусь. В рамках данной конференции высказывалось предложение о введении в новую редакцию Концепции национальной безопасности Республики Беларусь термина «религиозная безопасность» [4, с. 270–273].

Отечественная и зарубежная наука в последние годы уделяет пристальное внимание различным аспектам радикального исламизма как формы религиозно-полити-

ческого экстремизма. Существенный вклад в разработку данной темы внесли западные ученые Г. Е. фон Грюненбаум, Ж. Кепель, Д. Корбин, В. Маделунг, А. Мерари, Т. Осман, Д. Пайпс, О. Руа, М. Сейджмен, П. Хайне, А. Халид, С. Хантингтон, М. Г. С. Ходжсон, М. Юргенсмейер и др. Ряд аспектов данной проблематики получил отражение в трудах таких белорусских, украинских, российских ученых и аналитиков, как Ю. А. Антонова, Д. К. Безнюк, Э. А. Васильева, Г. А. Городенцев, Л. Е. Гринин, И. П. Добавев, А. А. Игнатенко, А. Е. Игнатович, З. И. Левин, А. В. Малашенко, М. Ф. Муртазин, Д. А. Нечитайло, Е. В. Пинюгина, Р. С. Тамаев и др.

Несмотря на значительный объем публикаций по заявленной теме, остается широкий спектр вопросов, требующих дополнительных исследовательских усилий именно с политологических позиций.

Цель статьи – раскрыть особенности радикального исламизма в дискурсе современного политического знания.

Основная часть

Изучение политических аспектов радикального исламизма осуществляется в дискурсе современного научного знания о радикализме и экстремизме, культивируемого на междисциплинарной основе в рамках ряда дисциплин, таких как политология, социология, экономика, педагогика, социальная психология и т. д. При этом сложилось значительное количество подходов к определению сущности и типологизации экстремизма [5, с. 4–6; 6, с. 56–57].

С точки зрения автора, в современном политическом процессе следует отметить тенденцию к конвергенции религиозного и политического типов экстремизма. Социально-экономические и политические проблемы, не подвергающиеся действительному, оперативному и конструктивному управленческому воздействию со стороны государства, провоцируют недовольство отдельных групп людей сложившейся ситуацией и (в условиях высокой религиозности населения) канализируются в форме религиозно мотивированных идей и социальных практик, легитимирующих применение противоправного насилия для коренного преобразования политической системы – религиозно-политического экстремизма.

На современном этапе развития социума широкий размах обретают тенденции популяризации и радикализации ислама и дальнейшего его становления в качестве религиозно-политической идеологии. В условиях глобального кризиса идеологий левого спектра ислам приобретает статус радикальной антисистемной эгалитарной идеологии, выражающей недовольство людей капиталистической организацией социума посредством обращения к религиозной традиции [7, с. 43].

По мнению ряда исследователей, в исламском вероучении наличествуют эндогенные факторы радикализации. Иджтихад, понимаемый как нормотворчество на основе Корана и Сунны, не имеет жесткой и единственно верной регламентации данными источниками мусульманского права, являясь результатом их богословской интерпретации. Поэтому каждый мусульманин обладает правом относиться критически к подобным суждениям, какой бы прогрессивный и рациональный заряд они ни несли. В подобных условиях имманентно предполагаемые сомнения в истинности иджтихада могут быть разрешены в рамках институтов ислама единственным способом: обратившись к непререкаемым первоисточникам – Корану и практике функционирования уммы времен пророка Мухаммада и праведных халифов [8, с. 14–15].

В свете вышеизложенного следует разделять употребляемые в данном исследовании термины «ислам», обозначающий одну из мировых авраамических религий, и «исламизм» как «политический ислам».

Термин «исламизм» попал в фокус внимания, стал общеупотребимым компонентом современного политического дискурса после Исламской революции в Иране 1978–1979 гг. и обозначает политические движения, которые отстаивают реисламизацию мусульманского населения как в ареалах их преимущественного распространения, так и в миноритарных сообществах.

В дискурсе современного политического знания сложился ряд концептуальных подходов к осмыслению термина «исламизм». В рамках данного исследования остановимся на рассмотрении некоторых из них. Российский исламовед А. А. Игнатенко под исламизмом понимает «идеологию и практическую деятельность, ориентирован-

ные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны)» [8, с. 40]. В такой трактовке исламизм наделяется функцией политической идеологии, отстаивающей распространение норм шариата во всех сферах жизнедеятельности обществ, где в том или ином виде представлены мусульмане.

По убеждению российского исламоведца З. И. Левина, исламизм есть «глобальный геоцентрический проект с идеей провиденциальной избранности мусульман и спасения человечества от разрушительных последствий секуляризма, национализма, глобализации» [9, с. 157]. Такая интерпретация подчеркивает эгалитарный характер исламизма и его направленность на репрезентацию интересов наименее защищенных слоев мусульманских сообществ, реализация которых возможна лишь путем выстраивания четких оппозиций между праведностью уммы и греховностью европейского глобального проекта.

Немецкий исследователь П. Хайне отмечает тенденцию к реисламизации мусульманских обществ, которая выражается в конвергенции ислама в ответ на общемировые глобализационные процессы. Наибольшим потенциалом, по его мнению, в этом ключе обладает политическое измерение ислама – исламизм. Этот термин в трактовке П. Хайне можно рассматривать в двух ипостасях: как совокупность разнородных политических идей, основанных на трудах исламских богословов, ученых и политических деятелей различных временных периодов, и как основанная на исламском знании модернистская идеология антикапиталистической направленности [10].

Во французском научном дискурсе исламизм понимается как транснациональные идеи политизированного ислама. По мнению французского политолога О. Руа, исламизм – это «современное направление исламского фундаментализма, нацеленного на создание подлинного исламского общества не только через внедрение норм шариата, но и политическим путем создания ислам-

ского государства» [11, с. 58]. Сходные идеи высказывает и французский политолог Ж. Кепель: он определяет исламизм как совокупность идей, сформулированных в исламском дискурсе в ответ на популяризацию западных концептов демократии, прав и свобод граждан [12, с. 339–350].

Таким образом, под исламизмом, по нашему мнению, понимается совокупность идей и социальных практик, выработанных в рамках мусульманского дискурса в качестве реакции на постхристианское и/или секулярное влияние западной цивилизации.

В целях проведения настоящего исследования представляется необходимым разделять термины «исламизм» и «радикальный исламизм». Являясь частью исламизма, радикальный исламизм, по нашему мнению, представляет собой комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение насилия для коренного преобразования политической системы исходя из специфической интерпретации требований нормативного наследия ислама.

Радикальный исламизм является сравнительно молодым течением религиозно-политического экстремизма, возникшим в конце XIX – начале XX в. в качестве идейно-политической реакции на интервенцию европейских государств в ближневосточный регион. По нашему мнению, в современном политическом процессе генетической основой и идейным ядром радикального исламизма следует считать салафизм, сторонники которого полагают, что правоверный мусульманин во всех своих действиях должен руководствоваться только теми предписаниями, которые созданы в период жизни пророка Мухаммада.

С политологической точки зрения основные идеологемы радикального исламизма лежат в плоскости такфира и джихада. В салафитской традиции такфиру подлежат все, кто имеет извращенное миропредставление, отличное от салафитской интерпретации нормативных положений ислама: атеисты, последователи политеистических и иных авраамических религий, а также последователи иных течений ислама. Джихад в рамках радикального ислама рассматривается исключительно как военные действия в «дар аль-харб» против кяфилов, главными среди которых выступают США и Израиль [13, с. 106–107].

При этом под влиянием современной технологической революции, неотъемлемым элементом которой выступает сеть Интернет [14, с. 37], происходит интеграция неконвенциональных практик политической протестной киберактивности в сложившийся инструментарий джихада при сохранении «классической» направленности борьбы, что позволяет говорить о трансформации данного концепта. Пропагандистскую и информационно-мобилизационную деятельность радикальных исламистов в сети Интернет следует рассматривать как проявление политической протестной киберактивности в форме киберэкстремизма. Подобная деятельность, воспринимаемая в исламистском дискурсе как священная война в киберпространстве с использованием новейших информационно-коммуникационных технологий, терминологически обозначается как «киберджихад» [15, с. 50]. Важная особенность «киберджихада» состоит в его сетевом характере и децентрализованной структуре террористических групп. Подобная структура, предполагающая отсутствие четко выстроенной властной иерархии, вызывает трудности для выявления и пресечения противоправной экстремистской деятельности.

Феномен «киберджихада» носит комплексный характер, включающий в себя технологический и технический аспекты.

Технологический аспект охватывает способы информационно-психологического воздействия на реципиентов, в качестве которых выступает прежде всего молодежь, что связано с низкой критической составляющей сознания данной возрастной группы. Также в процессе подготовки учитываются «поколенческие» различия в мышлении реципиентов, что проявляется в стилизации медийной продукции в виде видеоклипов, для которых характерна «быстрая смена кадров, необычные ракурсы съемки, яркая картинка и т. д.» [16]. Подобный подход позволяет осуществлять информационное воздействие в т. ч. и на подсознательном уровне реципиента, конструируя образ радикального исламизма как грозного и непобедимого.

Дополнительное усиление воздействия осуществляется джихадистами посредством невербальной коммуникации: оптико-кинестическую (жесты, мимика, пантоми-

мика), пара- и экстралингвистическую (диапазон и тональность голоса, паузы, плач, смех, темп речи) организацию пространства и времени коммуникативного процесса и визуальный контакт [17, с. 33], что способствует трансляции заложенного информационного сообщения в подсознание объекта.

Технический аспект связан с налаживанием коммуникационной инфраструктуры в рамках организации. В данной сфере основные усилия радикальных исламистов направлены на разработку или адаптацию программ по анонимизации своего пребывания в Сети. В частности, активно используются системы прокси-серверов, позволяющие устанавливать анонимное сетевое соединение, защищенное от прослушивания (например, Tor), иные анонимайзеры и VPN-сервисы [18, с. 96]. Среди собственных разработок «киберджихадистов» значится мессенджер CCS, предоставляющий инструментарий для анонимного обмена информацией. Кроме того, активно используется функционал так называемого «даркнета». Еще одним перспективным каналом связи являются сетевые компьютерные игры, функционал которых позволяет координировать действия джихадистов, устанавливать контакт между различными ячейками и репетировать возможные террористические акты на виртуальных моделях.

Заключение

В результате проведенного исследования раскрыты понятие, сущность, основные идеологемы радикального исламизма. Отмечается отсутствие единого концептуального подхода к осмыслению терминов «исламизм» и «радикальный исламизм» в условиях популяризации и радикализации ислама и дальнейшего его становления в качестве религиозно-политической идеологии.

Под исламизмом нами предложено понимать совокупность идей и социальных практик, выработанных в рамках мусульманского дискурса в качестве реакции на постхристианское и/или секулярное влияние западной цивилизации, а под радикальным исламизмом – комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение насилия для коренного преобразования политической системы исходя из специфической интерпретации требований нормативного наследия ислама.

В качестве генетической основы и идейного ядра радикального исламизма предложено считать салафизм, имеющий идеологическое выражение в такфире и джихаде.

Раскрыты основы «киберджихада» как информационно-мобилизационной деятельности радикальных исламистов в сети Интернет, выступающего в качестве проявления киберэкстремизма как одной из неконвенциональных форм политической протестной киберактивности. Важная осо-

бенность «киберджихада» состоит в его сетевом характере и децентрализованной структуре террористических групп. Феномен «киберджихада» носит комплексный характер, включающий в себя технологический аспект, проявляющийся в способах информационно-психологического воздействия на реципиентов, в качестве которых выступает прежде всего молодежь, и технический аспект, связанный с налаживанием коммуникационной инфраструктуры в рамках организации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. 2022 global terrorism index. Measuring the impact of terrorism [Electronic resource] // Relief-Web. – 2022. – Mode of access: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2022>. – Date of access: 28.09.2022.
2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь. – 2014. – Режим доступа: <http://kgb.by/ru/ukaz575>. – Дата доступа: 28.09.2022.
4. Концептуальные подходы в сфере национальной безопасности: тенденции и параметры трансформации : материалы Респ. межведомств. науч.-практ. конф., Минск, 27 янв. 2022 г. / науч. ред.: О. Н. Солдатова, А. И. Гордейчик, Н. М. Юрашевич. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2022. – 320 с.
5. Драгун, Д. В. К вопросу о дефиниции терминов «радикализм» и «экстремизм» / Д. В. Драгун // Социально-гуманитарные знания : материалы XVIII Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов, Минск, 30 нояб. 2021 г. / редкол.: И. В. Титович (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2021 – С. 3–7.
6. Драгун, Д. В. Радикализм и экстремизм в современном политическом процессе / Д. В. Драгун // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. науки : сб. науч. ст. – Минск : РИВШ, 2021. – Вып. 21, ч. 1 : Полит. науки. – С. 54–61.
7. Селезнев, И. А. Феномен радикального политического ислама в делинквентной среде в современных странах Европы и России / И. А. Селезнев // Вестн. экон. безопасности. – 2015. – № 6. – С. 43–45.
8. Игнатенко, А. А. Ислам и политика : сб. ст. / А. А. Игнатенко. – М. : Ин-т религии и политики, 2004. – 256 с.
9. Левин, З. Проблема мультикультурализма и конфликтный потенциал диаспоры / З. Левин // Россия и мусульм. мир. – 2014. – № 10. – С. 150–158.
10. Heine, P. Islamismus – Ein ideologiegeschichtlicher Überblick [Elektronische ressource] / P. Heine // Bundesministerium des Innern. – 2003. – Zugriffsmodus: <https://publikationen.unituebingen.de/xmlui/bitstream/handle/10900/62842/Islamismus.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Zugriffsdatum: 29.09.2022.
11. Roy, O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah / O. Roy. – New York : Columbia University Press, 2006. – 343 p.
12. Кепель, Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма / Ж. Кепель ; пер. с фр. В. Ф. Денисова. – М. : Ладомир, 2004. – 468 с.
13. Драгун, Д. В. Радикальный исламизм в международном политическом процессе [Электронный ресурс] / Д. В. Драгун // Актуальные проблемы теории политики: мировое и национально-государственное измерения : материалы круглого стола каф. политологии Бело-

рус. гос. ун-та, Минск, 31 марта 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. А. Антанович (гл. ред.), С. В. Решетников, С. Г. Паречина. – Минск : БГУ, 2022. – 140 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

14. Драгун, Д. В. Политическая протестная киберактивность: понятие, формы и механизмы противодействия / Д. В. Драгун // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. науки : сб. науч. ст. – Минск : РИВШ, 2021. – Вып. 20, ч. 1 : Полит. науки. – С. 35–42.

15. Сурма, И. В. Виртуальные войны за реальное геополитическое пространство: этиология джихада и киберджихада / И. В. Сурма // Roczn. Bezpieczeństwa Międzynar. – 2016. – Т. 10, № 2. – S. 41–50.

16. Willams, L. Islamic State propaganda and the mainstream media [Electronic resource] / L. Willams // Lowy Institute. – 2016. – Mode of access: https://www.files.ethz.ch/isn/196198/islamic-state-propaganda-western-media_0.pdf. – Date of access: 29.09.2022.

17. Жаворонкова, Т. В. Использование сети Интернет террористическими и экстремистскими организациями / Т. В. Жаворонкова // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2015. – № 3. – С. 30–36.

18. Ammar, J. When Jihadi Ideology Meets Social Media / J. Ammar, S. Xu. – New York : Palgrave Macmillan Cham, 2018. – 147 p.

REFERENCES

1. 2022 global terrorism index. Measuring the impact of terrorism [Electronic resource] // Relief-Web. – 2022. – Mode of access: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2022>. – Date of access: 28.09.2022.

2. Konstitucija Rjespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : s izm. i dop., priniatymi na riesp. riefierendumakh 24 nojab. 1996 g., 17 okt. 2004 g. i 27 fievr. 2022 g. // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rjespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2022.

2. Ob utvierzhdienii Koncepicii nacional'noj bieзопасnosti Rjespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : Ukaz Priezidenta Rjesp. Bielarus', 9 nojab. 2010 g., № 575 : v ried. Ukaza Priezidenta Rjesp. Bielarus' ot 24.01.2014 g. // Kom. gos. bieзопасnosti Rjesp. Bielarus'. – 2014. – Riezhim dostupa: <http://kgb.by/ru/ukaz575>. – Data dostupa: 28.09.2022.

4. Konceptual'nyje podkhody v sfierie nacional'noj bieзопасnosti: tendencii i parametry transformacii : materialy Rjesp. miezhviedomstv. nauch.-prakt. konf., Minsk, 27 janv. 2022 g. / nauch. ried.: O. N. Soldatova, A. I. Gordiejchik, N. M. Yurashevich. – Minsk : Akad. upr. pri Priezidentie Rjesp. Bielarus', 2022. – 320 s.

5. Dragun, D. V. K voprosu o diefnicii tierminov «radikalizm» i «ekstriemizm» / D. V. Dragun // Social'no-gumanitarnyje znaniya : materialy XVIII Rjesp. nauch. konf. molodykh uchionyh i aspirantov, Minsk, 30 nojab. 2021 g. / riedkol.: I. V. Titovich (pried.) [i dr.]. – Minsk : RIVSh, 2021. – S. 3–7.

6. Dragun, D. V. Radikalizm i ekstriemizm v sovriemiennom politichieskom processie / D. V. Dragun // Nauch. tr. Rjesp. in-ta vyssh. shk. Filos.-gumanitar. nauki : sb. nauch. st. – Minsk : RIVSh, 2021. – Vyp. 21, ch. 1 : Polit. nauki. – S. 54–61.

7. Sieliezniov, I. A. Fienomien radikal'nogo politichieskogo islama v dielinkvientnoj sriedie v sovriemiennykh stranakh Jevropy i Rossii / I. A. Sielieznioiv // Viestn. ekon. bieзопасnosti. – 2015. – № 6. – S. 43–45.

8. Ignatienko, A. A. Islam i politika : sb. st. / A. A. Ignatienko. – M. : In-t rieligii i politiki, 2004. – 256 s.

9. Lievin, Z. Problema mul'tikul'turalizma i konfliktnyj potencial diaspory / Z. Lievin // Rossija i musul'm. mir. – 2014. – № 10. – S. 150–158.

10. Heine, P. Islamismus – Ein ideologiegeschichtlicher Überblick [Elektronische ressource] / P. Heine // Bundesministerium des Innern. – 2003. – Zugriffsmodus: <https://publikationen.unituebingen.de/xmlui/bitstream/handle/10900/62842/Islamismus.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Zugriffsdatum: 29.09.2022.

11. Roy, O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah / O. Roy. – New York : Columbia University Press, 2006. – 343 p.

12. Kiepiel', Zh. Dzhikhad: ekspansija i zakat islamizma / Zh. Kiepiel' ; pier. s fr. V. F. Dienisova. – M. : Ladomir, 2004. – 468 s.

13. Dragun, D. V. Radikal'nyj islamizm v miezhdunarodnom politichieskom processie [Elektronnyj riesurs] / D.V. Dragun // Aktual'nyje problimy teorii politiki: mirovoje i nacional'no-gosudarstvennoje izmierienija : materialy kruglogo stola kaf. politologii Bielorus. gos. un-ta, Minsk, 31 marta 2022 g. / Bielorus. gos. un-t ; riedkol.: N. A. Antanovich (gl. ried.), S. V. Rieshetnikov, S. G. Pariechina. – Minsk : BGU, 2022. – 140 s. – 1 eliektron. opt. disk (SD-ROM).

14. Dragun, D. V. Politichieskaja protiestnaja kibieraktivnost': poniatije, formy i miekhanizmy protivodiejstvija / D. V. Dragun // Nauch. tr. Rieszp. in-ta vyssh. shk. Filos.-gumanitar. nauki : sb. nauch. st. – Minsk : RIVSh, 2021. – Vyp. 20, ch. 1 : Polit. nauki. – S. 35–42.

15. Surma, I. V. Virtual'nyje vojny za rieval'noje gieopolitichieskoje prostranstvo: etiologija dzhikhada i kibierdzhikhada / I. V. Surma // Roczn. Bezpieczeństwa Międzynar. – 2016. – T. 10, № 2. – S. 41–50.

16. Willams, L. Islamic State propaganda and the mainstream media [Electronic resource] / L. Willams // Lowy Institute. – 2016. – Mode of access: https://www.files.ethz.ch/isn/196198/islamic-state-propaganda-western-media_0.pdf. – Date of access: 29.09.2022.

17. Zhavoronkova, T. V. Ispol'zovanie sieti Internet tierroristichieskimi i ekstriemistskimi organizacijami / T. V. Zhavoronkova // Viestn. Orenburg. gos. un-ta. – 2015. – № 3. – S. 30–36.

18. Ammar, J. When Jihadi Ideology Meets Social Media / J. Ammar, S. Xu. – New York : Palgrave Macmillan Cham, 2018. – 147 p.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 10.10.2022

УДК 327

Цзян Юймэн*аспирант 2-го года обучения каф. международных отношений
Белорусского государственного университета***Jiang Yumeng***2-nd Year Post-Graduate Student of the Department of International Relations at the
Belarusian State University**e-mail: 1344607729@qq.com*

МИРОТВОРЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ ООН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ

Рассматривается процесс формирования позиции КНР по отношению к участию в урегулировании конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке под эгидой ООН. Особое внимание уделено анализу трансформации внешнеполитических подходов официального Пекина к миротворческой деятельности ООН в период и после окончания холодной войны. Исследованы мотивы голосования Китая в Совете Безопасности ООН по урегулированию конфликтов на Ближнем Востоке в 1970–1980-е гг. после принятия КНР в члены организации (1971 г.).

Ключевые слова: *Китай, ООН, Ближний Восток, конфликты, урегулирование, миротворческие операции, внешняя политика.*

UN Peacekeeping Operations In China's Foreign Policy

The process of forming the position of the PRC in relation to participation in the settlement of conflict situations in the Middle East under the auspices of the UN is considered. Particular attention is paid to the analysis of the transformation of official Beijing's foreign policy approaches to UN peacekeeping during and after the end of the Cold War. The motives of China's voting in the Security Council on the settlement of conflicts in the Middle East in the 1970–1980s after the admission of the PRC to the organization (1971) are studied.

Key words: *China, UN, Middle East, conflicts, settlement, peacekeeping operations, foreign policy.*

Введение

В последние десятилетия Китай заметно изменил свое отношение к миротворческим операциям, проводимым под эгидой ООН. Начав с отрицания законности этой деятельности, Пекин стал крупнейшим спонсором международных усилий по принуждению к миру. Некоторые китайские исследователи убеждены, что на формирование позиции Китая в сфере миротворчества ранее влиял фактор исторической памяти. «В новейшей истории, – писал китайский ученый Сюй Ичжун, – особенно в 1920–1930-х гг., когда полевые командиры при поддержке разных зарубежных стран воевали друг с другом, Китай стал объектом многочисленных иностранных интервенций, которые привели к длительной гражданской войне с большим количеством жертв, стремительному обнищанию населения и отсутствию центрального правитель-

ства. Такие воспоминания стали частью коллективной памяти Китая. Это в значительной степени объясняет решимость Китая поддерживать невмешательство во внутренние дела других государств как основополагающий принцип Организации Объединенных Наций» [8, с. 21].

Подход Пекина к участию в миротворческой деятельности ООН изменился в 1981 г., когда Китай начал голосовать в Совете Безопасности ООН за продление мандатов проводившихся операций ООН и начал платить взносы в бюджет операций по поддержанию мира. Однако наиболее очевидной эволюция позиции Китая в отношении миротворческой деятельности ООН стала только после окончания холодной войны, когда Китай начал принимать активное участие в развертывании и осуществлении миротворческой деятельности. Видение Пекином урегулирования конфликтов в Персидском заливе (1990–1991 гг.) и Сомали, оказало существенное влияние на уточнение позиций Китая в этом вопросе.

Цель статьи – исследовать особенности подходов Китая к миротворческим операциям ООН после того, как в 1971 г. Китай

Научный руководитель – Виктор Геннадьевич Шадурский, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

восстановил свои законные права и статус в этой международной организации.

Основная часть

После принятия КНР в ООН (1971 г.) можно наблюдать серьезную эволюцию политики Пекина в отношении ООН в целом и миротворческой деятельности в частности. Мы можем выделить в этой эволюции три этапа, каждый из которых имеет свои особенности.

Первый этап. В 1971 г. позиция Китая в отношении миротворческих операций в ООН характеризовалась, как отмечает китайский исследователь Чжэнь Цзянь, «тремья нет»: не предоставлять контингент в распоряжение Совета безопасности ООН, не брать на себя финансовые обязательства перед Советом Безопасности ООН, не участвовать в голосовании Совета Безопасности по миротворческим операциям [7, с. 15].

В своих выступлениях в Совете Безопасности ООН китайские представители неоднократно подчеркивали, что Операции ООН по поддержанию мира являются инструментом неокOLONиалистской политики сверхдержав и, следовательно, лишены беспристрастности и легитимности. Показательным в этом отношении является заявление в Совете Безопасности ООН главы МИД КНР Цянь Цичэня 25 октября 1973 г. Во время обсуждения вопроса о формировании Вторых Чрезвычайных сил Организации Объединенных Наций на Ближнем Востоке он, в частности, отметил: «Китай всегда выступал против направления т. н. “сил в поддержку мира”. Такая практика может лишь открыть путь для дальнейшего международного вмешательства и установления контроля сверхдержав, которые действовали бы закулисно» [3, с. 117].

Среди причин критикуемой позиции Китайской Народной Республики ученые называли следующие.

1. Наличие определенных политических предрассудков, сформировавшихся на основе оценки негативного опыта взаимодействия Китая с миротворческими силами ООН в 1950 г. во время Корейской войны 1950–1953 гг. Как отметил российский исследователь И. А. Зародов, «союз добровольцев Китая (по сути, контингент Народно-освободительной армии Китая) встал на сторону северной коалиции против сил

«юга», представленных войсками южной части Корейского полуострова, США, Великобритании и ряда других стран, которые действовали в составе миротворческих сил ООН [2, с. 259].

2. Доминирование идеологических догм, которые, в частности, обосновывали антигегемонистский политический курс Китая на международной арене. В Пекине считали, что миротворчество представляет собой инструмент «силовой политики сверхдержав», который используется в качестве оправдания для легитимации вмешательства сверхдержав во внутренние дела малых государств.

3. Прагматизм китайской политики. По мнению М. Тейлора Фравела, несмотря на риторику, политика неучастия в ОПМ ООН положительно влияла на внутреннюю стабильность во время культурной революции и динамику отношений в рамках стратегического треугольника «Китай – США – СССР» [14, с. 1104].

После того как Китай восстановил свое законное место в ООН, он практически не поддерживал миротворческие операции организации, воздерживался от голосования. Можно сказать, что на фоне холодной войны из-за отсутствия единения Китая с международным сообществом он проявлял сопротивление и осторожность в отношении миротворческих операций ООН.

Второй этап. Характерными чертами политики Китая в ООН в области миротворческой деятельности в конце 1980 – начале 1990-х гг. были, на наш взгляд, следующие.

1. В отличие от 1970-х гг. Китай регулярно платил взносы в бюджет ООН на операции по поддержанию мира, участвовал во всех голосованиях в Совете Безопасности ООН по вопросам поддержания мира.

2. Критика Китаем операций ООН по поддержанию мира носила ограниченный характер по сравнению с предыдущим десятилетием. Китай выступал только против тех операций ООН по поддержанию мира, чей мандат выходил за рамки традиционной модели поддержания мира и предусматривал применение силы на основе гл. 7 Устава ООН. В выступлениях представителей Китая в Совете Безопасности ООН неоднократно отмечалось, что только традицион-

ные принципы являются предпосылкой для запуска миротворческой операции ООН.

3. Постепенно принципы вышеупомянутой оппозиции ООН сместились от установок социалистической идеологии к национальным интересам, что было связано, как отметил американский ученый М. Тейлор Фравел, с эволюцией «цели внешней политики Китая от революционных к более реалистичным и прагматичным – таким, как защита внутренних усилий по модернизации» [14, с. 1115]. Следует отметить, что впервые термин «национальные интересы», заменивший термин «интересы пролетариата», был использован на XII съезде КПК в 1982 г. [4].

4. Китай выражал несогласие с решениями, предложенными в Совете Безопасности, не отказываясь от голосования, как было в 1971–1980 гг., а воздерживаясь при голосовании. Такой подход Пекина доминировал в отношении решений Совета Безопасности ООН в целом.

5. Китай участвовал в принятии решений по операциям по поддержанию мира, но одновременно избегал брать на себя серьезные обязательства по участию в операциях по поддержанию мира. Китай направлял лишь небольшие контингенты в состав сил ООН, ограничиваясь участием в миссиях по наблюдению [7, с. 15], а также направлял за рубеж специалистов в области материально-технического обеспечения, инжиниринга и строительства.

6. Пекин постоянно акцентировал внимание на необходимости соблюдения целей и принципов Устава ООН, настаивая, что именно ООН, а не несколько стран должны играть ведущую роль в операциях по поддержанию мира.

7. Китай ратовал за укрепление сотрудничества ООН с региональными организациями при условии, что это гарантирует ведущую роль ООН и недопущение любых попыток проведения военных операций региональными организациями без предварительного согласия Совета Безопасности ООН. В качестве примера можно привести позицию Китая относительно военного вмешательства НАТО в конфликт в Косово в 1999 г., которое, по мнению официального Пекина, было проявлением негативного и неприемлемого с точки зрения Китая под-

хода игнорировать ООН или целенаправленно ослаблять ее позиции.

Китай сопротивлялся поддержке, оказываемой ООН странам, которые не признали КНР и поддерживали официальные отношения с Тайванем. Наиболее показательным примером в этом отношении может служить позиция Китая в отношении запуска ООН миротворческого процесса в Гватемале. ООН предполагало направить туда 155 военных наблюдателей для проверки Соглашения об окончательном прекращении огня, подписанного 4 декабря 1996 г. в Осло между правительством Гватемалы и блоком «Национальное революционное единство Гватемалы» [8]. Китай при голосовании в Совете Безопасности ООН применил вето. Его представитель Цинь Хуасунь аргументировал это тем, что правительство Гватемалы, пригласив представителей Тайваня на церемонию подписания гватемальского мирного соглашения, вмешалось во внутренние дела Китая и поставило под угрозу его суверенитет и территориальную целостность. Как отмечалось в заявлении, «в мире есть только один Китай, и правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь китайский народ», а вопрос Тайваня «полностью относится к внутренним делам Китая» и исключает любое вмешательство извне [11, с. 123].

Кризис в Персидском заливе 1990–1991 гг. и международный поиск путей его урегулирования оказали существенное влияние на позицию Китая в миротворческой деятельности ООН. 25 августа 1990 г. в своем выступлении на заседании Совета Безопасности ООН официальный представитель Китая при ООН Ли Даюй высказал обеспокоенность Китая развитием негативных тенденций в процессе урегулирования кризиса. При этом он подчеркнул, что «Китай считает участие великих держав не способствующим урегулированию этого конфликта» [7, с. 15]. Во время обсуждения проекта резолюции глава МИД Китая Цянь Цичэнь заявил, что ООН не только обеспечивает международную безопасность, но и «несет ответственность за историю. Организация должна действовать осторожно и избегать безрассудных решений по таким серьезным вопросам, как предоставление любому из ее

государств-членов права на военные действия против другого государства-члена» [7, с. 18]. Китай воздержался от голосования по этой резолюции, содержание которой, как отмечалось, противоречило принципиальной и последовательной позиции КНР по урегулированию конфликтов политическими средствами, поскольку в ее тексте содержались положения о необходимости «использовать все необходимые средства», что, согласно официальному Пекину, «фактически означало разрешение на ведение военных действий» [7, с. 20].

Китайская делегация также высказала оговорку во время принятия Советом Безопасности ООН резолюции (1991), которая требовала от Ирака немедленно прекратить репрессии против гражданского населения, включая курдов в северном Иракском Курдистане, и гарантировала помощь международных гуманитарных организаций всем, кто в ней нуждается. Китай, разделяя озабоченность мирового сообщества ситуацией в Ираке и ростом массовых потоков беженцев, воздержался от голосования по вышеупомянутой резолюции. Позицию Китая выразил ее представитель Ли Даюй в своем выступлении 5 апреля 1991 г. в Совете Безопасности: «Эта проблема чрезвычайно сложна в связи с тем, что этот вопрос касается внутренних дел страны». Он подчеркнул при этом, что в соответствии с п. 7 ст. 2 Устава ООН Совет Безопасности не должен рассматривать или осуществлять действия по вопросам, связанным с внутренними компетенциями любого государства [7, с. 22]. Можно сделать вывод о том, что для Китая было важно отстаивание такого принципа, как невмешательство во внутренние дела суверенных государств.

В апреле 1992 г. Китай проголосовал за начало операции ООН в Сомали, целью которой было наблюдение за соблюдением соглашения о прекращении огня между конфликтующими сторонами [7, с. 18], и поддержал резолюцию от 28 августа 1992 г., которая позволила увеличить численность находящегося там персонала [5, с. 89]. Конкретно эта позиция Китая не противоречила его общему подходу к миротворческим силам ООН, поскольку операция ООН в Сомали на начальном этапе своих функций в целом вписывалась в рамки традиционной модели поддержания мира. Что касается ситуации в

области безопасности в Сомали, а также в связи с систематической критикой Совета Безопасности ООН, 3 декабря 1992 г. на рассмотрение международной организации был внесен проект резолюции, которая уполномочила Генерального секретаря и государства-члены «принять все необходимые меры» для обеспечения доставки гуманитарной помощи в Сомали [5, с. 87]. Представитель Китая в Совете Безопасности ООН Ли Даюй заявил, что, несмотря на то, что оптимальным способом разрешения сомалийского кризиса является диалог и консультации, с учетом долгосрочного характера ситуации хаоса, который объясняется отсутствием правительства в Сомали на данный момент, КНР поддерживает предложение, чтобы ООН в порядке исключения приняла быстрые и решительные меры по урегулированию сомалийского кризиса» [5, с. 89].

В дальнейшем китайские представители неоднократно обосновывали свою позицию в поддержку резолюций Совета Безопасности на применение принудительных мер по урегулированию ситуации в Сомали «отсутствием эффективного правительства» [2, с. 259].

Позиция Китая осталась неизменной при рассмотрении 26 марта 1993 г. вопроса об осуществлении второй операции ООН в Сомали, которая была начата на основе Гл. 7 Устава ООН и по сути представляла собой не что иное, как операцию принуждения к миру. В то же время было отмечено: «Как мы понимаем, эта санкция должна основываться на потребностях уникальной ситуации в Сомали и не должна быть прецедентом для операций Организации Объединенных Наций по достижению основополагающего мира» [7, с. 15].

Анализ выступлений китайских представителей дает основания сделать следующие выводы: Китай рассматривал эскалацию кризиса в Сомали как процесс углубления эрозии суверенитета в этой стране и рассматривал действия мирового сообщества (по крайней мере, концептуально) как действия, которые должны быть направлены на восстановление суверенитета и стабильности в этой стране.

Таким образом, можно констатировать, что после крушения биполярной системы международных отношений Китай в

целом остался привержен традиционной модели Организации Объединенных Наций по поддержанию мира, которая была сформирована во время холодной войны и основывалась на таких принципах, как невмешательство во внутренние дела государства, в котором проводится операция ООН; нейтралитет и беспристрастность; предварительное согласие конфликтующих сторон на размещение контингента ООН; неприменение силы (последнее может быть использовано только в целях самообороны).

Третий этап. С 2003 г. начинается новый этап эволюции китайской политики в области миротворческой деятельности, который отмечен увеличением масштабов участия Китая в миротворческой деятельности ООН, что нашло свое проявление, прежде всего, в значительном увеличении числа китайских миротворцев в ООН и изменении в структуре миротворческого контингента. Так, если в декабре 2002 г. численность китайских миротворцев составляла 123 человека, в т. ч. 52 наблюдателя, 69 полицейских и только два военнослужащих, то в декабре 2003 г. их численность увеличилась почти в три раза и составила 358 человек, из которых 289 (82,73 %) были военными [1].

В последующие годы наблюдался устойчивый рост численности китайских миротворцев (по состоянию на 31 августа 2017 г. эта цифра составляла 2 654 человека); также наблюдалась тенденция к увеличению среди них доли военных (по состоянию на 31 августа 2017 г. – 2 417 человек, что составляет 91,07 % от их общей численности) [10, с. 1093]. Сейчас Китай направляет больше миротворцев в миссии ООН, чем любой другой постоянный член Совета Безопасности ООН или страна – член НАТО. При этом Пекин активно лоббирует назначение своих граждан на должности в Секретариате ООН и на командные должности в миссиях на местах. Так, в сентябре 2007 г. генерал-майор НОАК Чжао Цзинминь стал первым китайским офицером, назначенным командующим миротворческой операцией ООН – Миссией ООН по проведению референдума в Западной Сахаре. В январе 2011 г. генерал-майор НОАК Чао Лю занимал пост Командующего Организацией Объединенных Наций за мир на Кипре. В Китае создано три центра для подготовки

миротворцев, которые готовят как китайский, так и международный персонал. Кроме того, в 2017 г. Китай (10,25 %) вышел на второе после США (28,47 %) место среди государств – членов ООН по объему взносов на финансирование операций по поддержанию мира [13].

Столь существенная трансформация политики КНР в области миротворческой деятельности ООН была вызвана изменениями в ее внешнеполитической стратегии. Председатель КНР Ху Цзиньтао в 2003 г. предложил курс на усиление международного статуса Китая, укрепление его имиджа как «великого ответственного государства», что требовало принятия на себя большей ответственности в области поддержания международного мира и безопасности.

Фундаментальное изменение подходов Китая к участию в ООН поставило ряд закономерных вопросов, а именно: какую роль играют миротворческие операции ООН во внешнеполитической стратегии Китая? Какие факторы повлияли на эволюцию позиции Пекина?

Можно констатировать, что активное участие Пекина после 2003 г. в миротворческой деятельности ООН свидетельствовало о повышении важности этого направления во внешнеполитической стратегии Китая. Участие в ОПМ ООН, как отметил Тьерри Тарди, помимо идеалистических и материальных мотивов, «во многом означает демонстрацию силы – жесткой и мягкой. Поддерживая и укрепляя мир, государства могут за сравнительно низкую цену продвигать свои конкретные интересы и официальные намерения» [9, с. 99].

Участие Китая в миротворческих операциях ООН определяется следующими обстоятельствами.

1. Это является одним из важных путей реализации такой приоритетной внешнеполитической цели, как создание имиджа Китая на мировой арене в качестве крупного глобального игрока, готового и способного взять на себя ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Как отметил начальник Генерального штаба НОАК Чен Бинде (2007–2012), «Китай считает участие в международных миротворческих миссиях важным для выполнения своего долга ответственного госу-

дарства и обеспечения мира во всем мире» [5, с. 102].

2. Участие в миротворческих операциях ООН подтверждает, что модернизация вооруженных сил КНР по своей сути имеет оборонительный характер и является веским аргументом в пользу концепции «мирного роста», пропагандируемой китайским руководством.

3. Участие в миротворческих операциях ООН дает Пекину возможность продемонстрировать солидарность с развивающимися странами, которые являются основными реципиентами миротворческих операций ООН, представить свое участие в миротворческой деятельности ООН как развитие отношений Юг – Юг. В частности, Китай принял участие в операциях ООН в таких африканских странах, как Либерия, Западная Республика Конго, Судан, а также в Западной Сахаре, что объективно создает основу для расширения китайского влияния в Африке;

4. Опыт участия в миротворческих контингентах ООН китайских вооруженных сил, по мнению некоторых авторов, создает условия не только для налаживания сотрудничества с военными других стран, но и для развития способности эффективно реагировать на возможный потенциальный внутренний кризис [14, р. 1121].

Миротворчество дает Пекину возможность сформировать предпосылки для продвижения экономических и политических интересов Китая в определенных странах и регионах мира. Прежде всего это касается континента Африка, на территории которого проходит большинство операций по поддержанию мира под эгидой ООН. Активность ООН на африканском континенте, как убежден Китай, должна содействовать укреплению мира и стабильности.

В развитие своих подходов КНР направляет наибольшее количество контингентов для обеспечения строительных, инженерных, транспортных и медицинских потребностей среди всех стран – участниц ООН. За последние 30 лет китайские миротворцы построили и отремонтировали более 170 тыс. километров дорог, более 300 мостов, обезвредили более 140 тыс. различных типов боеприпасов, перевезли более 1,2 млн т грузов на расстояние общей протяженно-

стью 13 млн км и вылечили 246 тыс. пациентов [1].

Другой логичный вопрос, возникший в связи с изменением политики Пекина, заключается в том, будет ли деятельность КНР в области поддержания международного мира и безопасности направлена на сохранение и укрепление установленных правил. По мнению некоторых политологов, в частности Чжао Лэя, в китайской стратегической культуре уже наблюдается тенденция к серьезным изменениям «от пассивного соблюдения международных норм до их активного формирования», что находит свое проявление и в сфере поддержания мира, особенно в связи с тем, что Китай отвергает либеральную модель мира [12, с. 81].

По мнению исследователей, характерной чертой миротворческой практики Китая в ООН является гибкий подход к проблеме государственного суверенитета и к ООН как организации. Пан Чжуньин убежден, что китайское понимание принципов «невмешательства» «претерпевает глубокие изменения» и «движется к «новой парадигме», которая касается одобрения международного вмешательства во внутренние дела государств в ответ на гуманитарные кризисы [6, с. 239]. В качестве аргумента в пользу этой точки зрения приводятся следующие факты: за последнее десятилетие Совет Безопасности организовал более десяти миссий, в рамках мандата которых необходимо было принять все необходимые меры, включая применение силы для защиты населения, подвергающегося угрозе физического насилия, и почти во всех случаях Китай проголосовал положительно.

Заключение

Позиция КНР в отношении миротворческой деятельности ООН эволюционировала от чисто негативной в период 1971–1980 гг. до ограниченного участия в период 1981–2003 гг. и активного участия в миротворческой практике ООН в XXI в. Эти изменения были вызваны значительными изменениями в китайской внешней политике и политике безопасности, а также развитием теории и практики миротворческой деятельности ООН в постбиполярный период. Политику Китая в ООН в этой области характеризует гибкость и прагматизм. Выработку китайской позиции по той или иной

миссии ООН, в частности, определяет действие целого комплекса факторов, среди которых можно выделить следующие: идея многополярного мира, видение сильной ООН как главного инструмента обеспечения международного мира и безопасности, стремление Китая представлять себя в качестве ответственного глобального государства, «мирный рост», который не несет угрозы мировому порядку. Также присутствует осознание репутационных и политиче-

ских выгод от участия в ООН, защита интересов Китая за рубежом, политика единого Китая, место страны в масштабе внешнеполитических приоритетов КНР, учет опыта миротворческой практики ООН. В частности, осознание необходимости и целесообразности в определенных обстоятельствах применения инструментов принуждения к миру во время осуществления миротворческих операций ООН.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белая книга «30 лет участия китайской армии в миротворческих операциях ООН» [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета Китайской Народной Республики. – Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm>. – Дата доступа: 02.04.2022. (на кит. яз.).
2. Зародов, И. А. Китай в миротворческой деятельности ООН / И. А. Зародов // Вестн. МГИМО Ун-та. – 2011. – № 6 (21). – С. 259–263.
3. Ли, Тинкан. Совет Безопасности санкционирует применение силы: исследование политики и тактики Китая / Тинкан Ли // Междунар. полит. исслед. – 2019. – № 2. – С. 115–142.
4. Памятные вещи Коммунистической партии Китая. 1982 г. [Электронный ресурс] // Новости Коммунистической партии Китая. – Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64164/4416121.html>. – Дата доступа: 25.04.2022 (на кит. яз.).
5. Пан, Чжуньин. Изменение отношения Китая к миротворческой деятельности ООН / Чжуньин Пан // Миротворчество внутри страны. – 2005. – Т. 12, № 1. – С. 87–104.
6. Пан, Чжуньин. Вопрос Китая о невмешательстве в дела Китая / Чжуньин Пан // Глобал. ответственность по защите. – 2009. – № 1. – С. 239–243.
7. Сунь, Дэган. Концепция и практика участия Китая в миротворческих операциях ООН на Ближнем Востоке после реформ и открытости / Дэган Сунь, Чжан Шуай // Arab World Studies. – 2018. – № 5. – С. 14–28.
8. Сюй, Ичжуан. Участие Китая в ОПНО ООН: Политика и перспектива / Ичжуан Сюй // Миротворческая деятельность ООН: Роль Китая и Дании ; Л. Одгаард (ред.). – Копенгаген : Королев. колледж обороны Дании, 2015. – С. 21–27.
9. Тарди, Т. Миротворческие операции: хрупкий консенсус : пер. с англ. / Т. Тарди // SIPRI 2011. Вооружение, разоружение и международная безопасность : ежегодник / междунар. ин-т исслед. проблем мира ; Укр. центр экон. и полит. исслед. им. Разумкова ; редкол. укр.: Л. Шангина (гл. ред.) [и др.]. – Киев : Заповіт, 2012. – С. 92–116.
10. Фут, Р. «Делаем кое-что» в эпоху Си Цзиньпина. Организация Объединенных Наций как место выбора Китая / Р. Фут // Междунар. отношения. – 2014. – Т. 90, № 5. – С. 1093–1094.
11. Цинь, Хуасунь. Мемуары послов: представление Китая в ООН / Хуасунь Цинь. – М. : Синьхуа Пресс, 2010. – 267 с.
12. Чжао, Лэй. Отношение Китая к миротворческим операциям ООН / Лэй Чжао // Дипломат. обзор. – 2006. – № 2. – С. 80–86.
13. Is China contributing to the United Nations' mission? [Electronic resource]. – Mode of access: <https://chinapower.csis.org/china-un-mission/>. – Date of access: 22.04.2022.
14. Taylor Fravel, M. China's attitude towards the U.N. peacekeeping operations since 1989 / M. Taylor Fravel // Asian Survey. – November 1996. – Vol. 36. – P. 1102–1121.

REFERENCES

1. Bielaja kniga «30 liet uchasija kitajskoj armii v mirotvorchieskikh opieracijakh OON» [Elektronnyj riesurs] // Press-kanceliarija Gossovieta Kitajskoj Narodnoj Riespubliki. – Riezhim

dostupa: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm>. – Data dostupa: 02.04.2022. (na kit. jaz.).

2. Zarodov, I. A. Kitaj v mirotvorchieskoj diejatiel'nosti OON / I. A. Zarodov // *Viestn. MGIMO Un-ta*. – 2011. – № 6 (21). – S. 259–263.

3. Li, Tinkan. Soviet Biezopasnosti sankcionirujet primienienije sily: issliedovanie politiki i taktiki Kitaja / Tinkan Li // *Miezhdunar. polit. isslied.* – 2019. – № 2. – S. 115–142.

4. Pamiatnyje veshchi Kommunistichieskoj partii Kitaja. 1982 g. [Elektronnyj riesurs] // *Novosti Kommunistichieskoj partii Kitaja*. 1982. – Riezhim dostupa: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64164/4416121.html>. – Data dostupa: 25.04.2022 (na kit. jaz.).

5. Pan, Chzhunin. Izmienienije otnoshenija Kitaja k mirotvorchieskoj diejatiel'nosti OON / Pan Chzhunin // *Mirotvorchiestvo vnutri strany*. – 2005. – T. 12, № 1. – S. 87–104.

6. Pan, Chzhunin. Vopros Kitaja o nievmieshatiel'stvie v diela Kitaja / Chzhunin Pan // *Global. otvietstviennost' po zashchite*. – 2009. – № 1. – S. 239–243.

7. Sun', Degan. Konceptcija i praktika uchastija Kitaja v mirotvorchieskikh opieracijakh OON na Blizhnem Vostokie poslie rieform i otkrytosti / Degan Sun', Chzhan Shuaj // *Arab World Studies*. – 2018. – № 5. – S. 14–28.

8. Siuj, Ichzhuan. Uchastije Kitaja v OPNO OON: Politika i pierspiektiva / Siuj Ichzhuan / *Mirotvorchieskaja diejatiel'nost' OON: Rol' Kitaja i Danii* / L. Odgaard (ried.). – Kopingagien : Koroliev. kolliedzh oborony Danii, 2015. – S. 21–27.

9. Tardi, T. Mirotvorchieskije opieracii: khрупkij konsensus : pier. s angl. / T. Tardi // *SIPRI 2011: Vooruzhenije, razoruzhenije i miezhdunarodnaja biezopasnost' : jezhegodnik / miezhdunar. in-t isslied. problem mira ; Ukr. centr ekon. i polit. isslied. im. Razumkova ; riedkol. ukr.: L. Shangina (gl. ried.) [i dr.]*. – Kijev : Zapovit, 2012. – S. 92–116.

10. Fut, R. «Dielajem koje-chto» v epokhu Si Czin'pina. Organizacija Objedinionnykh Nacij kak miesto vybora Kitaja / R. Fut // *Miezhdunar. otnoshenija*. – 2014. – T. 90, № 5. – S. 1093–1094.

11. Cin', Khuasun'. Miemuary poslov: predstavlenie Kitaja v OON / Cin' Khuasun'. – M. : Sin'khua Press, 2010. – 267 s.

12. Chzhao, Lej. Otnoshenije Kitaja k mirotvorchieskim opieracijam OON / Lej Chzhao // *Diplomat. obzor*. – 2006. – № 2. – S. 80–86.

13. Is China contributing to the United Nations' mission? [Electronic resource]. – Mode of access: <https://chinapower.csis.org/china-un-mission/>. – Date of access: 22.04.2022.

14. Taylor Fravel, M. China's attitude towards the U.N. peacekeeping operations since 1989 / M. Taylor Fravel // *Asian Survey*. – November 1996. – Vol. 36. – P. 1102–1121.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 26.05.2022

САЦЫЯЛОГІЯ

УДК 316 752-056.24(476) + 364.65-056.24(476)

Валерий Леонидович Ананьев

канд. социол. наук, науч. сотрудник Центра социологических и политических исследований
Белорусского государственного университета

Valery Ananiev

PhD in Sociology, Researcher at the Center for Sociological and Political Studies
of the Belarusian State University

e-mail: ananiev@bsu.by

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЫХ ИНВАЛИДОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ИХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

На основе данных социологических исследований анализируются проблемы формирования ценностных установок молодых инвалидов Республики Беларусь, рассматриваемые как один из основных факторов их реальной социальной интеграции. Предметом исследования является специфика формирования ценностных установок молодых инвалидов Республики Беларусь и их влияние на социальное поведение. Объект исследования – молодые инвалиды с нормальным (сохранным) интеллектом. Обоснованы практические потребности в изучении ценностных установок молодых инвалидов с целью повышения эффективности реабилитационной работы с ними. На примере ценностей «семья» и «работа» выделены основные факторы, влияющие на формирование ценностных установок молодых инвалидов. Обоснована необходимость научного анализа социальной интеграции как базовой ценности инвалидов. Сделаны выводы о специфике формирования ценностных установок молодых инвалидов. Статья может использоваться в научно-исследовательской работе ученых-социологов и представителей других направлений науки, а также в практической деятельности работников образования и специалистов по социальной реабилитации инвалидов.

Ключевые слова: социальные ценности, инвалиды, ценностные установки, социальная интеграция.

Value Attitudes of Young Disabled People as a Factor in the Formation of Their Social Rehabilitation Strategy

Based on the data of sociological research, the problems of the formation of value attitudes of young disabled people of the Republic of Belarus are analyzed, which are considered as one of the main factors of their real social integration. The subject of the study is the specifics of the formation of value attitudes of young disabled people of the Republic of Belarus and their impact on social behavior. The object of the study is young disabled people with normal (preserved) intelligence. The introduction substantiates the practical needs for studying the value attitudes of young disabled people in order to increase the effectiveness of rehabilitation work with them. In the main part, using the example of two values «family» and «work», the main factors influencing the formation of value attitudes of young disabled people are highlighted. The necessity of scientific analysis of social integration as a basic value of disabled people is substantiated. In conclusion, conclusions are drawn about the specifics of the formation of value attitudes of young disabled people. The article can be used in the research work of sociologists and representatives of other fields of science, as well as in the practical activities of educators and specialists in the social rehabilitation of disabled people.

Key words: social values, disabled people, values, social integration.

Введение

Система ценностей является важнейшим компонентом как индивидуального, так и общественного сознания, оказывающим существенное воздействие на социальные, экономические и политические процессы, определяя сущностные характеристики как общества в целом, так и его отдельных социальных групп.

Как предмет социологического исследования проблемы инвалидов относятся к категории малоизученных. В частности, нам не известны факты проведения белорусскими социологами специальных исследований, посвященных изучению ценностных ориентаций и ценностных установок данной социальной группы. Белорусские и зарубежные социологи изучают жизненные проблемы инвалидов, соотносящиеся с та-

кими базовыми ценностями, как «работа», «семья» и «образование». Однако эти проблемы исследуются прежде всего как компоненты социальной реабилитации инвалидов, основной целью анализа в этом случае является прежде всего поиск практических путей их решения.

Устойчивая тенденция увеличения числа инвалидов в нашей стране (около 5 % населения) априори является основным фактором, актуализирующим необходимость и важность анализа жизненных проблем людей с инвалидностью, в т. ч. и их ценностных установок. Присоединение Республики Беларусь к Конвенции ООН о правах инвалидов влечет за собой изменения в законодательстве в направлении внедрения в социальную практику нашего общества положительного опыта западных стран в социальной помощи инвалидам. Однако можно утверждать, что указанные нововведения будут адекватно восприняты далеко не всеми представителями исследуемой социальной группы, что неизбежно потребует определенных изменений в социальной политике государства в отношении инвалидов, направленных прежде всего на корректировку их социального поведения и формирования у них адекватной самооценки своей социальной позиции и комплекса социальных притязаний. В этой связи изучение ценностных ориентаций и установок людей, имеющих инвалидность, приобретает особое значение.

Предметом исследования в статье является специфика формирования ценностных установок молодых инвалидов Республики Беларусь и их влияние на социальное поведение исследуемой социальной группы.

Объект исследования – молодые инвалиды с нормальным (сохранным) интеллектом.

Эмпирической базой при подготовке статьи стали исследования Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета 2000–2019 гг., посвященные изучению жизненных проблем белорусских инвалидов различных категорий. Целью исследований являлось определение особенностей процесса социальной реабилитации инвалидов в Республике Беларусь и их ценностных ориентаций (исследование 2019 г.) [1].

Практическая цель статьи – разработка научных и практических рекомендаций по совершенствованию механизма социальной реабилитации инвалидов в Республике Беларусь.

Основная часть

Многолетний опыт наших исследований указывает на ряд методологических особенностей социологического анализа проблем инвалидов как социальной группы населения, требующих специфических решений. Прежде всего это связано с основным системообразующим признаком – инвалидностью. Существует много видов нарушений здоровья и причин инвалидности, которые могут являться основанием для выделения отдельных групп инвалидов. Для каждой из этих групп многие жизненные проблемы имеют особенности их решения.

По данным наших исследований, в белорусском обществе в отношении инвалида сложился стойкий социальный стереотип, характеризующий его как человека, не способного быть равным членом общества, а потому нуждающегося в постоянной помощи государства и общества. Данные исследований указывают на наличие двух групп инвалидов с противоположным типом социального поведения. Первую группу составляют лица с инвалидностью, желающие реально быть равными членами общества: получить образование, найти работу, создать семью; вторую – инвалиды, требующие признания равенства со всеми членами общества, но при этом фактически являющиеся социальными изживенцами. В первую группу входят прежде всего работающие и учащиеся инвалиды, во вторую – лица, просящие милостыню, порой фактически ведущие асоциальный образ жизни. [1, с. 141–163].

Для дальнейшего анализа ценностных ориентаций и установок инвалидов приведем некоторые результаты ранее опубликованного [2] разведывательного исследования «Актуальные проблемы молодых инвалидов Республики Беларусь», проведенного в 2019 г. с нашим участием, объектом которого были молодые граждане страны в возрасте от 14 лет до 31 года, имеющие инвалидность. Указанное исследование было проведено в двух возрастных группах по 110 человек в каждой. Первую группу со-

ставили школьники с инвалидностью в возрасте 14 лет и старше, вторую – студенты вузов, а также работающие и не работающие молодые люди в возрасте до 31 года. Сбор информации осуществлялся двумя методами: *групповой анкетный опрос* (школьники и студенты) и *интервью «лицом к лицу»* по месту жительства респондентов (работающих и не работающих). Работающую и не работающую молодежь с инвалидностью для проведения интервью отбирали мето-

дом «снежного кома», т. е. к беседе привлекали «знакомых знакомых интервьюера», с которыми он лично ранее в контакте не был.

Приведенные в таблице данные (индексные веса) были рассчитаны по специальной методике [3, с. 103–105]. В частности, были выведены «индексы значимости», весовые значения которых располагаются в интервале от -1 (совсем неважно) до $+1$ (очень важно).

Таблица. – Распределение ответов на вопрос: «Пожалуйста, ответьте, насколько важно в Вашей жизни следующее», индексные веса [1, с. 118]

Ценностные предпочтения	Молодые инвалиды	Школьники-инвалиды
Работа	0,93	0,61
Семья	0,71	0,78
Друзья и знакомые	0,54	0,52
Образование	0,18	0,67
Здоровье	0,79	0,84
Досуг	0,36	0,26
Политика	-0,18	-0,02
Безопасность	0,54	0,51
Религия	0,07	0,10

Приведенные в таблице данные в большинстве случаев указывают на невысокую степень расхождения в уровне оценок в двух группах молодежи. Респонденты отметили такие очень важные для себя базовые ценности, как «работа» (85,7 %), «семья» (78,7 %), «здоровье» (57,1 %) и «безопасность» (57,1 %).

Приоритетными для школьников-инвалидов являются те же базовые ценности, несколько отличается только степень их значимости: «здоровье», «семья», «работа». Вполне естественным для данной социальной группы является высокая значимость образования (как очень важное для себя его отметило 64,9 % школьников-инвалидов) [1, с. 119–120].

Вместе с тем следует обратить внимание на отношение участников опроса к такой сфере, как «политика». Здесь оценки в обеих группах респондентов, приведенные в индексных весах, отрицательные. Как очень важную для себя эту ценность отметило 14,3 % молодых инвалидов и 18,9 % школьников-инвалидов [1, с. 120]. Это означает то, что данная сфера жизнедеятельности для значительной части молодых людей с инвалидностью не является важной в их жизни.

Таким образом, приведенные выше результаты указывают на то, что для молодых инвалидов основные базовые ценности имеют достаточно высокую значимость. Учитывая то обстоятельство, что большинство из них: «семья», «работа», «образование», «друзья и знакомые», «досуг» – по сути являются компонентами социальной интеграции инвалида, мы предлагаем рассматривать социальную интеграцию инвалидов как *базовую ценность*, являющуюся специфической для данной социальной группы. Проще говоря, ее суть заключается в выражении: «Стать равным членом общества». Социологическое изучение этой проблемы, на наш взгляд, требует применения специального анализа. К примеру, на вопрос «Хотите ли Вы быть равным членом общества?» с высокой долей вероятности положительно ответит большинство инвалидов. Вместе с тем, с точки зрения конкретного инвалида, содержание социальной интеграции может рассматриваться, по крайней мере в двух противоположных вариантах. С одной стороны, быть равным – быть как все, стараться максимально «вписаться» в общество, не только знать свои права, но и иметь при этом определенные обязанности, сводя к минимуму свои социальные запросы в связи со своим особым положением.

С другой стороны, для значительной части инвалидов быть равными – значит требовать от общества безусловного признания своих особенностей и на этом основании постоянной помощи при отсутствии каких-либо обязанностей и социальной ответственности.

Высокая значимость социальной интеграции для инвалидов в определенной степени является обоснованием отстаиваемого в настоящее время инвалидами тезиса о том, что любой инвалид должен признаваться обществом как равный его член. Однако однозначно согласиться с этим утверждением проблематично. С одной стороны, инвалиды имеют ряд специфических проблем, решение которых не зависит от них, главной из которых является нежелание нашего общества принять инвалида как равного. С другой стороны, как показывают научные исследования, в т. ч. и выполненные нами, в среде инвалидов достаточно широко распространены иждивенческие настроения, выраженные в их реальном социальном поведении, в общем характеризующиеся как требование особого к себе отношения. Таким образом, ценностную установку на социальную интеграцию в отношении значительной части инвалидов, по нашему мнению, следует воспринимать исключительно как *декларацию о намерениях*.

Ценностные установки являются побудительным мотивом к определенным действиям человека по их практической реализации. В этой связи основной задачей изучения социальной интеграции как базовой ценности инвалидов является выяснение условий жизнедеятельности и выявление факторов их социального поведения, побуждающих инвалида к определенным действиям, направленным на достижение реальной социальной интеграции, т. е. выяснить, при каких условиях социальная интеграция из ценности-цели превращается в ценность-действие.

Наши рассуждения о социальной интеграции инвалидов как ценности следует рассматривать, прежде всего, как постановку проблемы для будущих исследований. Аргументом практического характера в пользу необходимости указанной нами проблемы является то обстоятельство, что понимание содержания ценностных установок на социализацию конкретного инвалида

дает возможность правильного построения алгоритма проводимой с ним социальной работы.

Отмеченная выше специфика инвалидов как социальной группы обуславливает ряд проблемных ситуаций, связанных с практической реализацией ряда их ценностных установок. Прежде всего необходимо отметить такой фактор, как наличие в ряде случаев противоречия между ценностными установками инвалида и практической возможностью их реализации, связанной с особенностями его психофизического развития (далее – ОПФР). В качестве примера рассмотрим две базовые ценности – «семья» и «работа».

1. «Семья». Из нашего анализа целесообразно исключить ситуацию, когда инвалид не планирует создание собственной семьи: проживание инвалида в родительской семье, или в семье родственников, или одинокое проживание, что является реальной социальной перспективой прежде всего для ментальных инвалидов, а также для инвалидов иных категорий, не имеющих целей создания собственной семьи. Однако с высокой долей вероятности можно предположить, что даже в этих условиях семья как ценность-цель может оставаться значимой для них.

Согласно ст. 59 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, «семья – это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства или усыновления». Как социальный институт семья выполняет ряд функций, основными из них являются репродуктивная, воспитательная и хозяйственно-экономическая. Еще одной важной функцией семьи является функция эмоционального и духовного общения.

Исходя из приведенной нами дефиниции, в основе семьи лежат прежде всего элементы, имеющие юридическое определение (родство, свойство, брак) и, следовательно, определенным образом защищенные законодательством и государством. Вместе с тем в настоящее время в нашем обществе и за рубежом распространена коабитация – сожительство, «гражданский брак», т. е. фактическое создание семьи без государственной регистрации брака и

вследствие этого не защищенной государством, но при этом во многих случаях фактически выполняющей все ее функции. Учитывая то, что в среде инвалидов коабитация имеет достаточно широкое распространение, необходимо проанализировать оба отмеченных явления.

На формирование ценностных установок инвалидов на создания семьи существенное влияние оказывает ряд социальных и медицинских факторов.

Отмеченный выше социальный стереотип инвалида автоматически «отправляет» его в группу аутсайдеров среди претендентов на создание семьи с обычным (нормотипичным) партнером. Выходом из этой ситуации может быть создание семьи с партнером-инвалидом. Специфической проблемой для такой семьи может стать трансляция на семейные отношения социального иждивенчества инвалидов. Это относится прежде всего к группе инвалидов, в отношении которых отмеченный выше социальный стереотип полностью применим. Однако в семье оба партнера фактически находятся в равных условиях: оба инвалиды, следовательно, объект приложения своих «иждивенческих усилий» в виде переадресации выполнения семейных обязанностей отсутствует. Конкретным проявлением этого может стать проблема распределения обязанностей партнеров в семье. Впрочем, нельзя не учитывать и факта фактического затруднения или полной невозможности выполнения одним из партнеров каких-либо обязанностей в семье. Выходом из ситуации может быть создание т. н. «сопровождаемой семьи», для нормального функционирования которой требуется, возможно, постоянная помощь третьих лиц, чаще всего родственников. Вместе с тем полноценной такую семью назвать трудно, т. к. в случае прекращения такой помощи она может фактически прекратить свое существование.

Следующей проблемой для инвалида может стать невозможность создания полноценной семьи по причине его фактической недееспособности. Практическим выходом из этой ситуации является «латентная семья» – семья на основе сожительства. Сегодня во многих странах в рамках программ деинституционализации лиц с ментальной инвалидностью развивается сеть учреждений сопровождаемого проживания

лиц указанной категории. Организация совместного проживания инвалидов в этих учреждениях, по сути, может являться семейной коабитацией. В остальных случаях причиной семейной коабитации инвалидов во многом являются те же причины, по которым подобные «семьи» создаются обычными людьми.

Итак, мы вынуждены констатировать достаточно неприятный факт: для человека с инвалидностью одиночество является вполне реальной социальной перспективой. Одним из способов его преодоления могла бы стать возможность усыновления одиноким инвалидом ребенка. Однако в нашей социальной практике по понятным причинам такое явление практически отсутствует. Вместе с тем для женщин с инвалидностью не существует практически никаких, кроме медицинских, запретов материнства. Следовательно, рождение внебрачного ребенка для них является не только реальным способом преодоления социального одиночества, но прежде всего способом самоутверждения в обществе. Кроме того, ребенок для мамы-инвалида во многих случаях становится гарантированным помощником в жизни.

Еще одной специфической проблемой семей лиц с инвалидностью является реализация одной из основных функций семьи – репродуктивной. Практически эта проблема имеет два варианта. Первый – бесплодие супруги (супруга), или медицинские противопоказания беременности жены. Второй – высокая, а в ряде случаев стопроцентная вероятность наследования будущим ребенком заболевания, являющегося причиной инвалидности. Нередки случаи, когда женщины, опасаясь родить ребенка-инвалида, добровольно отказываются от материнства. С другой стороны, женщины, зная о возможности появления у них ребенка с тяжелыми нарушениями здоровья, осознанно идут на риск и становятся матерями, что, по сути, фактически является «осознанным воспроизводством инвалидов», порождающим проблемы не только для самой семьи, но и для общества в целом.

Однозначного пути решения этой проблемы не существует: нельзя законодательно или иным способом запретить рожать детей семьям, в которых велик риск рождения ребенка-инвалида, но и поощрять деторождение в этом случае также не следует. Наша

рекомендация определенно будет критиковаться современными правозащитниками, аргументом которых будет тезис о наличии у каждой семьи права иметь детей. Однако при таком подходе без ответа остается вопрос, как «оградить» общество от дополнительных социально-экономических проблем, связанных с «осознанным воспроизводством инвалидов». По нашему мнению, единственно возможный способ решения указанной проблемы – социальная работа с инвалидами, целью которой является разъяснение социальных последствий и проблем, связанных с рождением у них ребенка-инвалида.

Вместе с тем описанные выше особенности и проблемы инвалидов в ряде случаев не являются препятствием для создания «типичных семей», по сути представляющих собой обычные семьи, где все проблемы решаются как в обычной семье. Проблемы, связанные с инвалидностью, решаются самими членами семьи, инвалидность члена семьи не является значимой проблемой как для других ее членов, так и для окружающих. Важным условием успешной жизнедеятельности такой семьи, на наш взгляд, являются не только взаимные чувства и взаимоуважение ее членов, но прежде всего адекватная самооценка и уровень притязаний проживающего в ней человека с инвалидностью.

2. «Работа». Трудовая деятельность инвалида может выполнять три функции: экономическую, социально-коммуникативную и лечебную.

Экономическая функция. Труд – целесообразная, сознательная деятельность человека, направленная на удовлетворение его материальных и нематериальных потребностей, что в значительной степени призвано стимулировать социальную активность инвалида.

Социально-коммуникативная функция трудовой занятости является специфической для работников с инвалидностью. Иметь работу для них означает не только получать дополнительные доходы, но прежде всего ощущать себя личностью, полезной для общества, иметь постоянную социальную коммуникацию.

Лечебная функция трудовой деятельности (трудотерапия) представляет собой реабилитационное мероприятие, целью ко-

торого является вовлечение инвалида в повседневную деятельность посредством работы. Кроме того, посредством трудотерапии развиваются моторные, когнитивные и поведенческие аспекты жизнедеятельности организма инвалида. При этом получение инвалидом экономического вознаграждения за свой труд не является главной целью трудотерапии.

Учитывая относительно невысокий уровень пенсий, прежде всего социальных, которые выплачиваются инвалидам, не имеющих трудового стажа, желание работать имеет достаточно большое число инвалидов, в т. ч. и пенсионного возраста. Вместе с тем значительная часть инвалидов ведет замкнутый, малоподвижный образ жизни, испытывая недостаток социальной коммуникации. Таким образом, экономическая и социально-коммуникативная функция работы являются определяющими факторами высокой принципиальной значимости трудовой деятельности для инвалидов.

Однако практическая реализация инвалидом целевой установки на работу не всегда приводит к его трудоустройству. Все факторы, определяющие возможность работы, можно объединить в две группы: объективные (не зависящие от самого инвалида) и субъективные (во многом зависящие от его социального поведения).

Основной объективной проблемой трудоустройства инвалида является состояние его здоровья. Со времени существования СССР в социальной практике нашей страны сохранилось деление инвалидов на три группы, причем до настоящего времени существуют т. н. «рабочая» и «нерабочая» (запрещена любая трудовая деятельность) группы инвалидности. Однако нельзя утверждать о существовании людей, состояние здоровья которых не позволяет им заниматься абсолютно никакой трудовой деятельностью, что доказывает пример английского физика-теоретика Стивена Хокинга, который по принятой у нас классификации имел бы первую «нерабочую» группу инвалидности. Еще одним объективным фактором, определяющим возможность трудоустройства инвалида, является наличие у него соответствующего образования или возможность его получения.

Отдельным объективным фактором, влияющим на формирование его ценност-

ных установок на получение работы, является отмеченный выше социальный стереотип в отношении лиц с инвалидностью. Следствием указанного стереотипа нередко является ситуация, когда молодому инвалиду с высокой мотивацией к трудовой деятельности, имеющему соответствующее профессиональное образование, работодатель отказывается в приеме на работу исключительно по причине наличия у него инвалидности. Подобные действия работодателя в отношении работника-инвалида могут привести как минимум к нанесению морального вреда инвалиду или как максимум к утрате его ценностных установок на трудовую деятельность.

Подробный анализ причины существования негативного социального стереотипа в отношении инвалидов не является предметом данной статьи. Однако здесь необходимо отметить одну из них – социальное поведение инвалида.

Выше нами описана ситуация, связанная с отказом в трудоустройстве человеку с инвалидностью, с высоким уровнем мотивации к трудовой деятельности, для которого работа является реальной целью его жизни. Получение таким инвалидом рабочего места приводит к положительному социальному эффекту как для него самого, так и для общества в целом. Здесь также следует отметить, что добросовестные работники-инвалиды являются не только положительным примером для своих «коллег по инвалидности», но и в определенном смысле «разрушителями» указанного выше социального стереотипа.

Другим примером социального поведения инвалида является ситуация, когда он, заявляя о своем большом желании работать, тем не менее под разными предлогами (чаще всего объективно не обоснованными) отказывается от выполнения предложенной ему работы. Основных возможных причин данной ситуации, на наш взгляд, две. Первая – завышенная самооценка своих возможностей и, как следствие, завышенный уровень притязаний. Вторая – отсутствие большого желания работать вследствие наличия гарантированного дохода в виде пенсии по инвалидности или помощи от родственников, знакомых и других доходов. В данном случае мы имеем дело с типичным социальным иждивенцем, для которого

работа фактически не является реальной ценностью. Социальное поведение подобных представителей сообщества инвалидов укрепляет указанный социальный стереотип в отношении всей социальной группы.

Трудотерапия как вид трудовой деятельности имеет свою специфику влияния на формирование ценностных установок инвалидов. Прежде всего необходимо отметить, что в большинстве случаев к ней привлекаются лица с тяжелыми нарушениями здоровья, вовлечение которых в обычную трудовую деятельность весьма проблематично. Кроме того, пациентами трудотерапии является определенная группа инвалидов с нарушениями интеллекта, ценностные установки которых нельзя анализировать в их классическом понимании. Учитывая основные цели трудотерапии, ее ценность как «работы», по нашему мнению, тесно связана с ценностью «здоровье» – трудовой деятельностью как способом укрепления здоровья. Следовательно, целью работы специалиста-реабилитолога должно стать формирование у конкретного инвалида ценностных установок на трудовую деятельность в форме трудотерапии как одного из важных способов укрепления его здоровья.

Заключение

Проведенный выше анализ указывает на то, что основным признаком исследуемой социальной группы, связанный с состоянием здоровья (инвалидность), не оказывает существенного влияния на формирование базовых ценностных установок большинства ее членов. Вместе с тем серьезной проблемой для инвалидов в ряде случаев является их практическая реализация, связанная с особенностями их здоровья.

Важно отметить, что основные базовые ценности, по сути, являются компонентами социальной интеграции инвалидов. Их высокая значимость для молодых инвалидов позволяет рассматривать социальную интеграцию инвалидов как специфическую ценность, характерную для данной социальной группы, требующую, по нашему мнению, научного анализа.

Значительное влияние на ценностные установки инвалидов оказывают имеющиеся иждивенческие настроения людей с инвалидностью. Конкретной формой их выражения может являться своеобразный ком-

плекс «претензий к обществу» по поводу невозможности реализации тех или иных его притязаний на фоне фактически абсолютной пассивности самого инвалида – отсутствии каких-либо действий по их практической реализации. Фактором, усиливающим социальное иждивенчество среди инвалидов, является широко транслируемый в социальную практику нашего общества зарубежный опыт социальной инклюзии, в основе которого лежит так называемая кон-

цепция социальной толерантности к инвалидам, предполагающая прежде всего безусловное расширение их прав.

Правильное понимание содержания ценностных установок на социализацию конкретного инвалида дает возможность построения адекватного алгоритма проводимой с ним реабилитационной работы, значительно повышающего ее результат как для него самого, так и для общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы современного белорусского общества 2017–2022 гг.: социологический аспект / Д. Г. Ротман [и др.] ; под общ. ред. Д. М. Булышко, Д. Г. Ротмана, В. В. Правдивца. – Минск : БГУ, 2021. – 199 с.
2. Стратегические приоритеты государственной молодежной политики в Республике Беларусь до 2030 г. / Л. С. Кожуховская [и др.] ; под общ. ред. Л. С. Кожуховской. – Минск : РИВШ, 2020. – 248 с.
3. Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. Г. Ротмана, В. В. Правдивца. – Минск : БГУ, 2007. – 139 с.

REFERENCE

1. Aktual'nyje problemy sovremennogo bielorussskogo obshchestva 2017–2022 gg.: sociologichieskij aspіekt / D. G. Rotman [i dr.] ; pod obshch. ried. D. M. Bulynko, D. G. Rotmana, V. V. Pravdivca. – Minsk : BGU, 2021. – 199 s.
2. Strategichieskije prioritety gosudarstviennoj molodiozhnoj politiki v Riespublikie Belarus' do 2030 g. / L. S. Kozhukhovskaja [i dr.] ; pod obshch. ried. L. S. Kozhukhovskoj. – Minsk : RIVSH, 2020. – 248 s.
3. Mietody sociologichieskogo izuchienija osobiennostiej funkcionirovanija politichieskogo polia / D. G. Rotman [i dr.] ; pod ried. D. G. Rotmana, V. V. Pravdivca. – Minsk : BGU, 2007. – 139 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 19.09.2022

УДК 316.334

Анна Ігорэўна Деніска*науч. сотрудник отдела экономической социологии Института социологии
Национальной академии наук Беларуси***Anna Deniskina***Research Fellow of the Department of Economic Sociology of the Institute of Sociology
of the National Academy of Sciences of Belarus**e-mail: annademih@gmail.com*

АДАПТАЦІЯ РАБОТНИКОВ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ К ЦИФРОВИЗАЦИИ РЫНКА ТРУДА В БЕЛАРУСИ: СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Проведен анализ процесса адаптации работников старшего поколения к цифровизации рынка труда. На основе эмпирических данных определены ключевые факторы, являющиеся катализаторами и барьерами обозначенных процессов, а также связанные с этими процессами социальные риски. Исследована роль цифровых профессиональных компетенций как фактора успешной адаптации работников к новым требованиям цифровой экономики.

Ключевые слова: *экономическая социология, цифровизация, цифровые компетенции, профессиональные компетенции, рынок труда.*

Adaptation of Older Workers to Digitalization Labor Market in Belarus: Social Risks and Opportunities to Overcome Them

The article is aimed to analyze the adaptation of older workers to the digitalization of the labor market. Based on empirical data, important factors that are catalysts and barriers to dangerous processes, as well as those associated with countless social risk processes are identified. The article concludes with analysis of the role of the digital professional competencies as a factor in the successful adaptation of employees to the new requirements of the digital economy.

Key words: *economic sociology, digitalization, digital competencies, professional competencies, labor market.*

Введение

Под воздействием цифровых инноваций, внедряемых в мировую экономику, рынок труда претерпевает постоянные изменения, меняется его архитектура. Возникает дефицит кадров, обладающих новыми востребованными компетенциями. Цифровые профессиональные навыки становятся основополагающими для большой категории работников, уже не являясь дополнительными, дающими преимущества, а переходя в категорию базовых, необходимых для продолжения своей профессиональной деятельности. Поскольку часть процессов с внедрением цифровых технологий была и будет автоматизирована, важную роль играет подготовка и переподготовка уже имеющихся кадров в соответствии с требованиями новой цифровой экономики. Будущее рынка труда будут определять не только технологии, но и профессиональный потенциал работников, который теперь уже напрямую зависит от умения быстрой адаптации к изменяющимся условиям посредством приоб-

ретения и внедрения в свою профессиональную деятельность цифровых навыков. Компетентные работники выступают в качестве актива, который позволяет государству быть конкурентоспособным на общемировом рынке труда. Для реализации данной стратегии устойчивого развития необходимо обеспечить усовершенствование навыков всех категорий работников посредством адаптации системы образования под новые запросы.

Основная часть

По статистике, в Республике Беларусь возрастная структура рынка труда имеет следующий вид: 17,5 % работников составляют лица до 29 лет; 28,8 % – от 30 до 39 лет включительно; 25 % – от 40 до 49 лет; значительную часть работников составляют лица старше 50 лет, их доля в общей численности работников на 2021 г. – 28,7 % [1, с. 62].

Отметим, что основным показателем целесообразности использования данной возрастной типологии выступает степень

внедрения цифровых технологий в основные сферы жизнедеятельности людей. Так, те, чей возраст превышает 50 лет, столкнулись с широкомасштабным внедрением в первую очередь компьютеров, а затем уже и иных технологических новинок в повседневную жизнь в возрасте 30 лет и старше. Те, кому от 40 до 49 лет, имели возможность пользоваться цифровыми гаджетами примерно с 20 лет. Работники в возрастном диапазоне от 30 до 39 лет соприкасаются с цифрой уже с 10 лет, что позволяет им в силу возраста быстрее адаптироваться к столь быстрому внедрению технологических новинок.

В связи с этим особую актуальность приобретает необходимость создания максимально комфортных условий для адаптации работников старшего поколения к цифровизации рынка труда. Работники, которые могут комбинировать навыки, имеют преимущества в цифровой экономике. На стороне старшего поколения опыт, который нарабатывался годами и является профессиональным капиталом, однако отсутствие цифровых профессиональных компетенций может ограничить трудовую реализацию как работника, так и организации и отрасли в целом.

Для минимизации негативных последствий нехватки компетентных кадров ввиду недостаточной степени обладания цифровыми профессиональными навыками у значительной части работников (практически треть) необходимо обратиться к социологическим исследованиям, позволяющим увидеть ключевые факторы, являющиеся катализаторами и барьерами обозначенных процессов.

В данной статье проведен анализ эмпирических данных республиканского социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в сентябре 2021 г.

В ходе исследования методом анкетирования было опрошено 1 507 респондентов, выборка репрезентативна для населения Республики Беларусь (максимальная погрешность при уровне значимости 0,05 не превышает 2,6 %).

Поскольку одним из необходимых условий для изменений, вызванных цифровизацией, является наличие, качество и доступность цифрового оборудования на рабочих местах, актуализируется необходимость, в случае, когда речь идет о работниках старше 50 лет, своевременного переобучения, которое позволило бы им не только приобрести, но и активно внедрять цифровые навыки в рабочий процесс.

Согласно данным исследования, среди работников старшей возрастной группы 16,6 % отметили, что на рабочем месте за последние год-два были внедрены цифровые технологии, это может быть оборудование, использующее цифровые технологии или новые программные комплексы. Еще 19,1 % указали, что внедрение происходило в период от 3 до 5 лет назад. Примерно 2/5 отметили, что никаких изменений не произошло, затруднились ответить 22,6 %.

В целом указали на тот факт, что рабочее место так или иначе связано с цифровыми технологиями (чаще всего цифровые технологии являются вспомогательным инструментом в рабочем процессе) 45,1 % опрошенных (здесь и далее за 100 % принимается все работающее население в возрасте 50 лет и старше).

Опрос показал, что распределение работников по сферам деятельности имеет неравномерную наполняемость (рисунок 1).

Для многих возрастных сотрудников стимулом для приобретения цифровых навыков является не только желание продолжить свою трудовую деятельность, но и то, насколько рабочее место связано с технологиями.

Обеспечение рабочих мест цифровыми технологиями заметно отличается по сферам профессиональной деятельности, как и наполненность этих сфер работниками возрастной категории 50+. Степень вовлеченности работников в цифровую профессиональную среду в пяти основных сферах деятельности, в которых занято не менее 10 % от всех работников, представлена в таблице 1.

Рисунок 1. – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Укажите, пожалуйста, сферу Вашей профессиональной деятельности», %

Таблица 1. – Степень вовлеченности работников в цифровую профессиональную среду в пяти основных сферах деятельности, %

	Наука и образование	Промышленность	Строительство	Бытовое обслуживание и общественное питание	Торговля
Достаточно тесно: практически весь процесс построен на цифровых технологиях	7,3	8,3	3,2	7,1	8,7
Цифровые технологии присутствуют в рабочем процессе, являясь вспомогательным инструментом	26,8	16,7	19,4	7,1	43,5
Цифровые технологии присутствуют в минимальном объеме, не играют существенной роли	31,7	16,7	6,5	10,7	17,4
В целом рабочий процесс связан с цифровыми технологиями	65,8	41,7	29,1	24,9	69,6
В целом рабочий процесс не связан с цифровыми технологиями	34,1	58,3	71,0	75,0	30,4

Социальные последствия невозможности полноценного внедрения инноваций из-за пробела в навыках работников могут привести к тому, что по некоторым отраслям наша продукция или услуги окажутся аутсайдерами на мировом рынке, что скажется на конкурентоспособности страны в целом. Это подтверждает значимость своевременного включения трети (!) рабочей силы в цифровые процессы.

Можно сказать, что цифровые компетенции становятся базовыми и уже заняли свою нишу в структуре конкурентных преимуществ, а обладание цифровыми компетенциями на рынке труда уже является востребованным капиталом работника и потенциалом страны, определяющим ее конкурентоспособность. В 2021 г. Беларусь заняла 62 место в рейтинге стран Global Innovation Index [2].

Важным условием успешной адаптации работников является готовность осваивать новые навыки или пройти полную переподготовку. Устранение разрыва в цифровых навыках работников разных возрастных групп является одной из ключевых задач для успешной реализации одной из целей Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 г. – повышение конкурентоспособности рабочей силы посредством разработки стимулов для подготовки и переподготовки кадров в течение всей трудовой жизни [3, с. 36].

О значимости переподготовки свидетельствуют также зарубежные исследования. Так, например, согласно данным опроса «Workforce of the future: The competing forces shaping 2030», проведенного PwC (PricewaterhouseCoopers – международная сеть компаний, предлагающих услуги в области консалтинга и аудита), 74 % опрошенных работников по всему миру готовы освоить новые навыки или пройти переподготовку, чтобы сохранить возможность трудоустройства в будущем [4].

Готовность переобучаться самостоятельно или прибегая к сторонней помощи тесно связана с умением быстро адаптироваться к происходящим изменениям в профессиональной среде. Для более детального понимания степени готовности к переобучению респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, умеете ли Вы быстро адаптироваться к изменениям в профессиональной сфере в условиях развития цифровых технологий?». Чуть более половины респондентов выразили уверенность в своем адаптационном потенциале, пятая часть

засомневалась в своем умении быстро адаптироваться, и почти треть оценивает свой адаптационный потенциал скорее отрицательно. Освоили за последнее время какие-либо цифровые программы, сервисы, оборудование для работы 29,4 % опрошенных; 23,0 % применяют полученные навыки на практике. Удалось освоить, но нет возможности практического применения новых компетенций у 6,4 % работников, еще 6,8 % отметили, что потребность в новых навыках имеет место, однако освоить их по каким-то причинам не удалось. Не освоили новые навыки по причине отсутствия необходимости 63,8 % опрошенных. Эта группа может стать наиболее уязвимой в социальном плане в случае внедрения новых технологий, поэтому важно понимать, во-первых, социальный портрет данной группы, во-вторых, сферу профессиональной деятельности и, в-третьих, мотивацию в случае обеспечения рабочего места технологическими и (или) техническими инновациями.

Социальный портрет данной группы: средний возраст ± 56 лет, в значительной мере (37,3 %) это работники со средним специальным образованием, а также примерно 1/5 часть – со средним общим и такая же часть – с высшим образованием, занимающие рабочие места в сфере промышленности, строительства, науки и образования, а также бытового обслуживания. Из них лишь 2 % планируют в будущем обновить свои знания и навыки; 35,6 % пока не планируют, но будут действовать по обстоятельствам, и 62,4 % не выразили готовности к освоению цифровых компетенций ни при каких обстоятельствах (рисунок 2).

Рисунок 2. – Социально-профессиональный портрет работников, которые не освоили за последнее время новые цифровые навыки

Таким образом, при приблизительном округлении можно сказать, что около 40 % работников в возрасте старше 50 лет могут в случае оснащения рабочих мест новым цифровым профессиональным обеспечением оказаться в заведомо социально уязвимом положении.

Определенно, цифровизация со временем приведет к высвобождению недостаточно компетентной части работников, и основным конкурентным преимуществом будет выступать интенсивность использования своих цифровых компетенций. Заметим, что для группы работников старшего возраста в целом характерны умеренно позитивные сдвиги, поскольку часть из них понимает, что освоение нового является тенденцией, следование которой уже не просто преимущество, а необходимость: обучение в течении всей жизни – общемировая тенденция, которая позволяет про-

фессиональным и карьерным траекториям развиваться нелинейно. Почти каждый шестой опрошенный планирует осваивать новое цифровое профессиональное оборудование, программы, сервисы для работы в ближайшие год-два. Примерно для 40 % вопрос остается открытым, и решение они будут принимать в зависимости от обстоятельств, что вселяет надежду и свидетельствует о невысоком уровне техностресса. В этом случае просматривается необходимость уточнения основных мотивов возможного переобучения. На первую позицию в рейтинге ответившие поставили желание быть конкурентоспособным на рынке труда; второе место, согласно оценкам, занимает профессиональная необходимость; на третьем месте – желание попробовать себя в чем-то новом и мобильность, каждый из этих вариантов выбрали около 1/5 ответивших (рисунок 3).

Рисунок 3. – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Отметьте, пожалуйста, каковы Ваши мотивы получения новых цифровых навыков в рамках Вашей профессиональной деятельности?», %

Обобщая, можно сказать, что суммарно позиции, обусловленные внешними факторами, набрали более 50 % голосов, личные мотивы – более 80 %. Это свидетельствует, что наибольшую эффективность и для работника, и для нанимателя принесет двустороннее сотрудничество по вопросам приобретения и внедрения в профессиональные практики цифровых навыков.

Важным индикатором является то, насколько работник в принципе понимает необходимость освоения новых компетенций. В данном исследовании мы видим, что позицию работников старшей возрастной группы по данному вопросу можно обозначить как «традиционную», поскольку они в качестве приоритетных компетенций выбирают позиции, характерные для «доцифрового» рынка труда и, несомненно, важные

для карьерного и профессионального роста, но в то же время третью позицию в рейтинге заняло умение быстрой адаптации к новым условиям (вместе со стрессоустойчивостью и умением решать задачи без посторонней помощи эти варианты набрали около 40 % голосов). Среди вариантов, находящихся на 4-ой позиции (набравшие чуть более 30 % голосов), находится свободное владение профессиональным техническим оборудованием и устройствами, использующими цифровые технологии – 31,9 % ре-

спондентов отметили данный навык. Однако не без сожаления можно отметить, что компетенции, наиболее востребованные на общемировом рынке труда, находятся на самых низких позициях в рейтинге (рисунок 4). Это свидетельствует о недостаточной информированности данной категории работников об изменениях на рынке труда в целом, о возникновении новых профессий, об актуализации не просто переобучения, а необходимости получения дополнительных знаний и навыков в смежных областях.

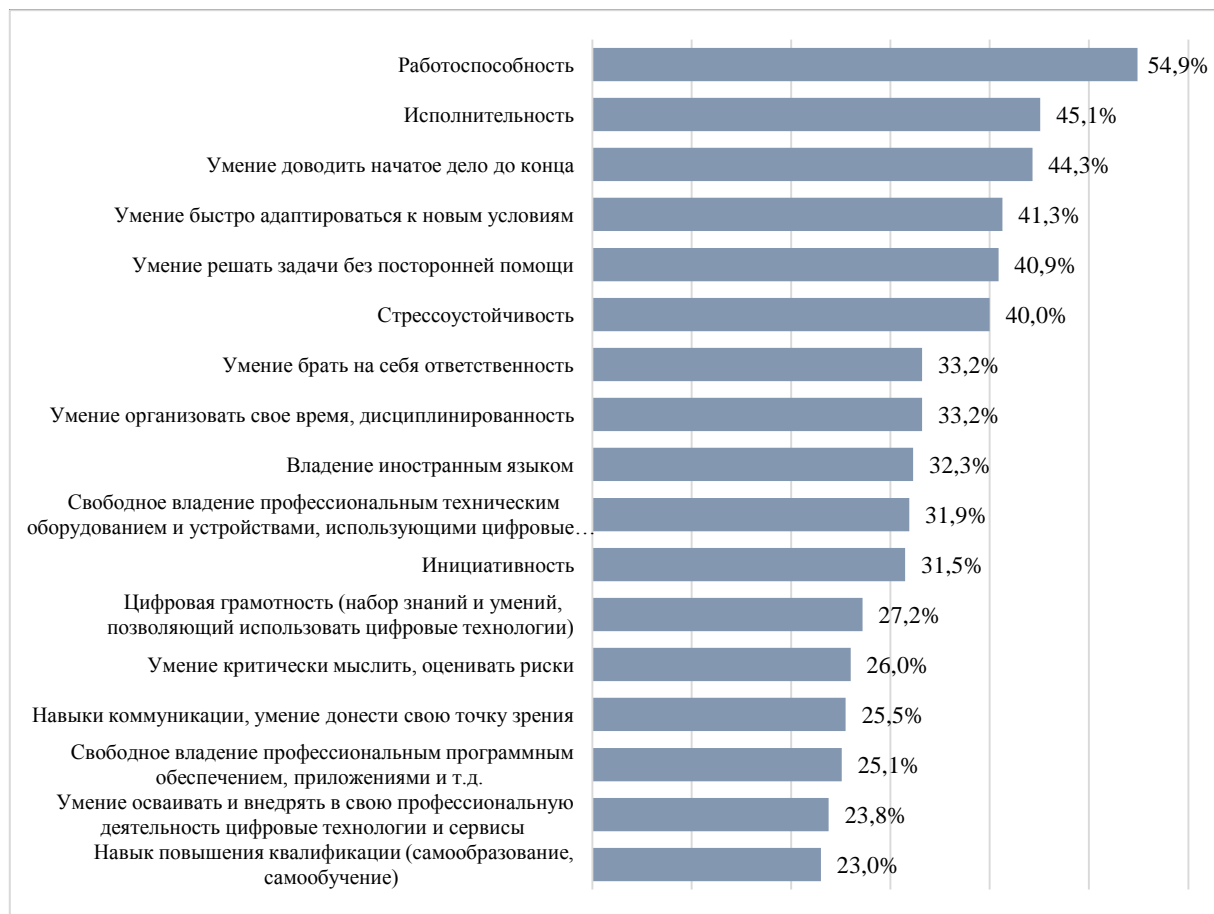

Рисунок 4. – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие из перечисленных навыков и качеств, на Ваш взгляд, сейчас востребованы для успешной профессиональной реализации?», %

Учитывая общемировую тенденцию старения населения, своевременная пере-квалификация пожилых граждан, получение ими дополнительных знаний, цифровых навыков позволит избежать безработицы и увеличения нагрузки на экономически активное население. Цифровые навыки, включаясь в структуру востребованных компетенций, балансируют между тем, могут ли они считаться преимуществом при трудоустройстве или окончательно занять нишу

базовых необходимых компетенций. Сейчас уже не представляется возможным стать успешным специалистом в ряде профессий, не обладая довольно широким спектром цифровых навыков и не занимаясь самообразованием. Из года в год перечень этих профессий только увеличивается. Именно поэтому очень важно уже сейчас на всех уровнях государственного планирования и управления предпринимать меры по переобучению работников, особенно старше-

го возраста, с учетом карты потенциально востребованных компетенций в различных отраслях в будущем. Обучение цифровым навыкам создаст дополнительные возможности для повышения уровня и качества жизни работающего населения. В поддерж-

ку данной гипотезы можно привести социологические данные, отражающие ряд профессиональных достижений работников с разным уровнем владения цифровыми компетенциями (рисунок 5).

Рисунок 5. – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Удалось ли Вам за последние два года:», %

Заключение

Цифровизация всех отраслей в целом и технологизация рабочего места в частности происходит неравномерно, однако данный процесс необратим, что влечет за собой как положительные эффекты, так и риски. Для минимизации негативных последствий цифровизации рынка труда и одновременного наращивания человеческого капитала в виде трудового актива, состоящего из компетентных профессионалов, отвечающих цифровым вызовам и новым требованиям постоянно меняющегося рынка труда, необходимо заранее позаботиться о наращивании цифровых навыков, профессионального потенциала большей части работников с учетом уже имеющихся у них навыков, мотивации, готовности к переобучению и внешних факторов: технического оснащения.

Одним из ключевых условий успешной социализации возрастных работников в цифровую профессиональную среду станет двустороннее сотрудничество: это, с одной стороны, действия государственных

органов по обеспечению включения в цифровые практики работающего населения, с другой стороны, это инициативность самих работников, стремление к получению новых знаний, обретению новых навыков. Это возможно при условии достаточной информированности о значимости новых компетенций и об ожидаемой возможной эффективности, в т. ч. экономической, от их приобретения и внедрения в повседневные профессиональные практики.

Такие согласованные действия позволят снизить количество работников, которые окажутся в социально неблагополучном положении, т. к. в скором времени не смогут конкурировать на рынке труда. Таким образом, в структуру востребованных компетенций для работников всех возрастов вошли цифровые компетенции, обладание которыми даст возможность избежать цифровой дискриминации в профессиональной сфере и без которых в дальнейшем не представляется возможным профессиональное развитие и достижение профессионального успеха.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2022. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2022.
2. Глобальный инновационный индекс – 2021 [Электронный ресурс] / Всемирная организация интеллектуальной собственности WIPO. – Режим доступа: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2021/. – Дата доступа: 01.10.2022.
3. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf>. – Дата доступа: 04.04.2021.
4. Workforce of the future. The competing forces shaping [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pwc.com/gx/en/services/people-organisation/publications/workforce-of-the-future.html>. – Дата доступа: 01.10.2022.

REFERENCES

1. Statistichieskij jezhagodnik Respubliki Bielarus', 2022. – Minsk : Nac. stat. kom. Rieszp. Bielarus', 2022.
2. Global'nyj innovacionnyj indeks – 2021 [Elektronnyj riesurs] / Vsiemirnaja organizacija intielliektual'noj sobstviennosti WIPO. – Riezhim dostupa: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2021/. – Data dostupa: 01.10.2022.
3. Nacional'naja strategija ustojchivogo razvitija Respubliki Bielarus' na pieriod do 2035 goda [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf>. – Data dostupa: 04.04.2021.
- 4 Workforce of the future. The competing forces shaping [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.pwc.com/gx/en/services/people-organisation/publications/workforce-of-the-future.html>. – Data dostupa: 01.10.2022.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 27.09.2022

УДК 316.334.2+004.89

Вадим Константинович Сузак

зав. сектором «Белорусско-Китайский исследовательский центр
“Один пояс – Один путь”» Центра системного анализа и стратегических исследований
Национальной академии наук Беларуси,
аспирант 5-го года обучения в форме соискательства Института социологии
Национальной академии наук Беларуси

Vadim Sugak

Head of Sector «Belarusian-Chinese Research Center “One Belt – One Road”»,
Center for System Analysis and Strategic Research of the National Academy of Sciences of Belarus,
5th year Postgraduate Student Postgraduate Student in the Application form of the Institute of Sociology
of the National Academy of Sciences of Belarus
e-mail: brainlevel@gmail.com

РОЛЬ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТОВ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: КЕЙС-МЕТОД

Предложен метод оценки социальных и экономических эффектов внедрения технологий искусственного интеллекта на основе авторской матрицы социально-экономических эффектов и модели анализа динамического взаимодействия социальной и экономической сфер. Данными для исследования являются кейсы производства и внедрения в различные отрасли товаров и услуг, созданных на базе искусственного интеллекта. Позитивные и негативные эффекты внедрения определяются и оцениваются экспертным образом. Приведенный в статье подход может быть использован как для развития теоретических методов исследований, так и для практического применения на этапе оценки роли и влияния цифровизации на социально-экономическую сферу, планирования стратегий и разработки предложений по использованию предпочтительных сценариев социально-экономического развития Беларуси исходя из ограничений ресурсов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социально-экономическое равновесие, социальные эффекты, матрица социально-экономических эффектов.

The Role of Artificial Intelligence and Implementation Effects in Social Sphere: Case Method

Based on the analysis of cases of implementation of artificial intelligence the author emphasizes the rigid connection and mutual influence of social and economic spheres. The author advocates the imperative of taking into account both areas during research, planning and implementation of the socio-economic development of Belarus in the process of digital transformation.

Key words: artificial intelligence, socio-economic balance, social effects, matrix of socio-economic effects.

Введение

В исследованиях белорусских ученых проблематике взаимодействия экономической и социальной сфер в процессе цифровизации пока уделяется недостаточно внимания. Авторы обосновывают необходимость внедрения цифровых технологий, характеризуют подобный успешный опыт отдельных компаний, проектов, регионов и, экстраполируя результаты, прогнозируют пользу в результате данных преобразований, часто опуская оценку негативных эффектов.

Научный руководитель – Олег Витальевич Кобяк, доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Ключевыми особенностями «Четвертой промышленной революции», описываемыми К. Швабом [1], Д. Ито, Д. Хоуи [2], Д. Хэскелом, С. Уэстлейком, Р. Курцвейлом и многими другими экспертами и учеными, считаются следующие: стирание разграничений между «физическими, цифровыми и биологическими сферами» жизнедеятельности людей [3]; беспрецедентно высокая скорость, широта, охват, непрерывность изменений во всех сферах человеческой жизни; способность новых технологий синтезировать все более передовые и эффективные технологии; общемировая ситуация, в которой драйверами развития человека, общества и организаций являются информация, передовые технологии и возможности коммуникаций; глобальный характер изменений; большая роль нематериальных активов в развитии организаций [4].

Согласно результатам международных крупнейших исследований World Economic Forum и Accenture [5], PWC [6], McKinsey [7], ЮНКТАД [9], наиболее перспективными технологиями, способными оказать существенное влияние на общество и компании в XXI в., являются *искусственный интеллект (ИИ), аналитика на основе больших данных, облачные технологии, роботы и дроны, беспилотный транспорт, интернет вещей, социальные медиа, платформы и 3D-печать*.

Сегодня идут дискуссии о месте искусственного интеллекта в социологии. Технологии, объединяющие в себе название «искусственный интеллект», несомненно, влияют и меняют жизнь людей, встраиваются в ежедневные социальные практики, формируют гибридный социальный мир. Все это предстоит изучить социальным наукам, которые не располагают собственными методологическими инструментами для анализа ИИ и социальной реальности, возникающей в результате его внедрения в повседневную жизнь общества.

При всех позитивных эффектах цифровизации в виде снижения себестоимости товаров и услуг, повышения доступности и качества обслуживания, увеличения конкурентоспособности, она приведет к целому ряду вызовов, в частности: к уменьшению роли традиционных институтов, к росту рисков в социальной сфере, а главное, к сложности и зачастую к отсутствию интерпретируемости принимаемых решений на основе ИИ. Цифровизации в социальной сфере посвящены ряд работ, в частности этим занимались российские исследователи Т. И. Худякова [9], А. С. Андрияшкина, Р. Ю. Ванцев [10], А. Х. Маликова [11], однако социальные эффекты, и в особенности негативные, рассматриваются в работе не у многих авторов, например, у И. Я. Богданова – с позиции управленческой концепции для обеспечения надежной социальной защиты в условиях цифровой экономики [12].

ИИ-технологии являются перспективными за счет возможностей повышать эффективность процессов планирования, прогнозирования и принятия управленческих решений, что позволяет справиться с задачей повышения эффективности принимаемых решений, качественно обрабатывая большие массивы данных, обеспечивая че-

ловека аналитически обоснованными рекомендациями, избегая феномена «группового мышления» и иных человеческих искажений в процессе принятия решений.

Уже сейчас технологии ИИ применяются в различных управленческих областях, характерных для сферы социального и публичного администрирования: вопросы управления персоналом, юридической поддержки организаций и граждан, аудита и оценки социальных и инвестиционных проектов. Эволюция развития областей применения технологий ИИ позволяет говорить, что данная технология будет применяться в государственном управлении для повышения качества управленческих решений, в процессе планирования и прогнозирования социально-экономического развития, выявления девиантных форм поведения общественных групп, мониторинга и контроля общественно-политической обстановки, анализа и оптимизации бюджетных ассигнований и в других сферах.

В связи с ростом потока информации и развитием новых технологий увеличивается давление на существующие механизмы принятия решений. Позитивные результаты внедрения технологических решений на базе ИИ актуализируют два направления научных исследований и обоснований вариантов развития в отношении технологий ИИ.

С одной стороны, использование ИИ в социальной сфере и системе государственного управления с целью повышения эффективности принимаемых решений в условиях «информационной асимметрии» и увеличивающейся роли и ответственности управленцев, лидеров и лиц, принимающих решения.

С другой стороны, регулирование технологий ИИ в общественно-политической, социально-экономической и духовной жизни государства, поскольку в результате непродуманной политики цифровизации и роботизации, а также акцента сугубо на экономическую парадигму развития может пострадать социальная сфера.

Социально-экономический баланс

Не только исследователи, но и управленцы пытаются выяснить, в какие именно проекты и инициативы вкладывать ресурсы, какие проекты больше всего смогут продемонстрировать не только финансовую ус-

тойчивость, экономическую выгоду, но и решение или, по крайней мере, снижение остроты имеющихся и появляющихся в связи с цифровизацией социальных проблем.

Детальный количественный и качественный анализ влияния развития технологий искусственного интеллекта одновременно на социальную и экономическую сферу дает возможность увидеть и подчеркнуть неразрывную связь и взаимовлияние указанных сфер, а также выдвигает императив учета обеих сфер на этапах исследования, планирования и осуществления социально-экономического развития в процессе цифровой трансформации.

Анализ многочисленных кейсов имплементации технологий ИИ из разных сфер жизни, а именно анализ и оценка количественных и качественных социальных и экономических эффектов, дали возможность провести соответствующие исследования и построить т. н. *матрицу социально-экономических эффектов внедрения технологий ИИ*, о которой пойдет речь ниже.

Под социальными эффектами в данном случае будем понимать результаты позитивного и/или негативного характера, во-первых, влияющие на социальную и/или экономическую сферу, что приводит к изменению моделей поведения отдельных лиц, сообществ и/или общества в целом, и, во-вторых, получаемые при реализации конкретных действий (в данном случае внедрения ИИ). В модели используются количественные показатели, оценивающие указанные социальные эффекты.

Социальный эффект выражается во влиянии, которое оказывает организованная деятельность на участников этой деятельности и опосредованно через них на все общество. Поскольку многие социальные процессы не удастся полностью формализовать, а социальные эффекты в денежной или другой натуральной форме невозможно измерить, многие социальные эффекты могут быть измерены с определенной степенью достоверности, что позволяет оценить полезность или, напротив, вред действий в социальной среде.

Заметим, что на основании вышеописанной матрицы при необходимости есть возможность построить модель анализа *динамического* взаимодействия социальной и экономической сфер в условиях внедрения

искусственного интеллекта, что позволит оперативно исследовать и количественно обосновать различные сценарии развития ИИ, разрабатывать планы и проводить регулирование ИИ в соответствии с целями социально-экономического развития государства.

Для создания вышеозначенных инструментов исследования необходимо подтверждение стоящих в фундаменте гипотез, которые сводятся к следующему.

1. «AI matters». Перефразировав знаменитую фразу «Institutions Matters», принадлежащую нобелевскому лауреату Дагласу Норту (теория институциональных изменений), можно сказать, что первейшая из задач состоит в том, чтобы показать, что ИИ, как и многие другие явления, также имеет существенное значение в социуме. Поэтому ИИ можно и нужно выделить как собственный, важный исследовательский объект, играющий немаловажную роль для развития государства.

2. ИИ – многоаспектный объект, и за счет своей многоаспектной и интегральной составляющей он сложен для понимания и, значит, требует глубоких исследований.

3. ИИ требует регулирования. Как важный объект, включенный сквозным образом во все отрасли и процессы народного хозяйства, ИИ не может не регулироваться со стороны государства. Более того, на практике чем либеральнее общество, тем скрупулезнее относятся регуляторы к возможностям и рискам ИИ.

4. Проактивное и квалифицированное регулирование ИИ – один из факторов устойчивого развития. Кейсы развития ИИ иллюстрируют тот факт, что квалифицированное, научно обоснованное, проактивное (т. е. основанное на будущих перспективах развития) регулирование ИИ с учетом вовлечения широкого круга стейкхолдеров должно стать основой устойчивого развития любого государства. Для анализа и детальной классификации кейсов предлагалось привести позитивные и негативные коэффициенты влияния инструментов искусственного интеллекта на различные социально-экономические сферы на основе уже имеющихся классификаторов, например Общегосударственного классификатора Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности» (ОКЭД).

Распределим ключевые показательные примеры использования инструментов ИИ по сферам экономической деятельности в соответствии с приведенной ниже матри-

цей социально-экономического взаимодействия сквозь призму внедрения инструментов ИИ (таблица 1).

Таблица 1. – Матрица социально-экономического взаимодействия

Вид деятельности (секция)	Экономическое влияние		Социальное влияние	
	позитивное	негативное	позитивное	негативное
.....	+	–	+	–

В качестве методики оценки определения позитивного и негативного влияния указанного кейса в определенном виде деятельности выберем экспертный подход, при котором эксперт для каждого случая указывает величину позитивного (негативного) влияния на соответствующую сферу. Для шкалы влияния выберем следующую квантификацию: 0 – нет влияния, 1 – влияние слабое, 2 – влияние умеренное, 3 – влияние сильное. При этом рекомендуемая оценка степени влияния методологически определялась на основании разработанной «Матрицы социальных результатов» следующим способом: если влияние технологии отражено критериями удовлетворения потребностей на уровне категории «Частные лица» (личность или частное лицо, которое рассматривается отдельно от сообщества), то индекс определяется равным единице; если на уровне второй группы «Семья и дети» – индекс равен двум; если на уровне группы «Местное население, сектор, общество» – индекс равен трем. Любое кейс-технологическое решение оценивалось как в позитивном, так и в негативном аспекте. Несомненно, временной горизонт оценки серьезным образом влияет на оценку. Поэтому в качестве временного периода для оценок экспертов выбрана среднесрочная перспектива – 5 лет.

Автором была проведена количественная оценка нескольких сотен кейсов степени влияния на социальную и экономическую сферы. Анализ матрицы кейсов дает основание полагать, что практически во всех случаях эффекты экономических кейсов и эффекты социальных кейсов проявляются одновременно, т. е. они неразрывны.

Важно отметить, что оценка влияния кейсов-технологических решений ограничена сферой применения, и для оценки уровня влияния кейса на все сферы необходимо

внести оценку уровня важности самой сферы относительно других сфер, т. е. определить долю сферы или, говоря математическим языком, нормировать показатели влияния.

По сути, в матрице происходит охват горизонтальных (в пределах вида деятельности) и вертикальных (между отраслями) оценок кейсов. Таким образом вертикальный анализ относительной доли распределения влияния между отраслями дает возможность увидеть относительный вклад кейсов не только в пределах конкретных видов деятельности, но и в целом, по всей социально-экономической сфере. В итоге выкристаллизовывается еще и т. н. межотраслевая матрица социально-экономического взаимодействия.

Указанная матрица содержит колонку, отражающую необходимые для внедрения технологий ИИ экономико-социальные ресурсы (вклад секции), которые могут заполняться исходя из разных методов оценки затрачиваемых средств. В конечном итоге, для исследования важно не количественные показатели, а доля тех или иных ресурсов, затрачиваемых на определенные секции (отрасли). Такой подход дает возможность использовать для оценки влияния разные распределения видов ресурсов: трудовые и кадровые, распределение бюджетов времени, инвестиционные, бюджетные ассигнования в сферы ИИ, индекс восприимчивости технологий соответствующих секторов, инфраструктурные вложения в ИИ по отраслям, распределение публикаций по ИИ-технологиям, распределение патентных исследований и диссертационных тезисов, относящихся к той или иной ИИ-отрасли, и даже медийные количественные упоминания определенных технологий в сфере искусственного интеллекта. Разные показатели могут быть в дальнейшем приведены к

некоему общему знаменателю, усреднены и могут говорить о фокусном тренде определенных ИИ-технологий. Приведенные варианты распределения ресурсов являются экзогенными (внешними) переменными модели.

Другим вариантом получения долей распределения важности вклада секторов является использование инвестиций по секторам за последний год либо суммарных инвестиций по секторам за последние 5 лет. Эти входящие извне в модель экзогенные переменные определяют коэффициенты

влияния отраслей и, следовательно, могут служить для расчета абсолютного эффекта каждого отдельно взятого кейса.

Если представить в общем случае эффекты от внедрения элементов искусственного интеллекта, то их можно разделить на позитивные и негативные, с одной стороны, и на социальные и экономические – с другой. Если рассмотреть матрицу ниже, то каждый из эффектов расположится в одном из ее секторов (таблица 2).

Таблица 2. – Матрица влияния внедрения элементов ИИ на социальные и экономические сферы

Эффекты внедрения ИИ	Социальные отрицательные эффекты	Социальные положительные эффекты
Экономические положительные эффекты	Сектор № 2	Сектор № 1
Экономические отрицательные эффекты	Сектор № 3	Сектор № 4

Сектор № 1: кейсы одновременно положительных социальных и экономических эффектов; очевидно, это наиболее привлекательный сектор.

Сектор № 3: менее привлекателен, однако это не означает, что решения о внедрении технологий этого сектора не принимаются, поскольку, во-первых, специалисты и чиновники-управленцы могут ошибаться в своих выводах, а во-вторых, случается намеренное использование не лучших практик, поскольку это приводит к достижению определенных показателей, например освоению бюджета. Это характерно как для коммерческого, так и для государственного сектора.

Секторы № 2 и № 4 являются самыми частыми для кейсов секторами. Это довольно очевидно, поскольку изменения в какой-либо сфере, социальной или экономической, как правило, влекут негативные (или побочные) эффекты в другой сфере.

Отметим, что выявление коэффициентов для матрицы с целью построения модели может производиться как извне (экспертным способом), так и машинным способом. Такой подход позволяет сделать модель динамической и показывать результаты работы в текущее время. В таком случае, не имея лага запаздывания, модель может успешно использоваться для оперативных аналитических исследований и управленческих задач.

Особенностями модели является использование приближенной к реальности диалектической идеи о невозможности достижения всех целей одновременно вследствие ограниченности ресурсов. Тем не менее при наличии целеполагания – вектора целевой функции – возможно достижение оптимальных, по Парето, решений. В связи с этим анализ модели дает понимание поиска компромиссных решений (trade-off) по определению социальных и экономических политик в зависимости от текущих приоритетов общества, будь то сохранение стабильности в социальной сфере или стимулирование экономического роста, невзирая на социальные последствия, развитие отдельных сфер (медицины, туризма или инновационных услуг), сохранение status-quo и другие цели.

Отличием подхода к построению используемой модели от существующих экономических моделей служит акцент в исследовании на неразрывную взаимосвязь социальных и экономических явлений, и, как следствие, рассмотрение динамики влияния развития ИИ одновременно на обе сферы, а не только исключительно на экономическую, либо социальную.

Вместе с тем в исследовании можно изучать как прогнозные, так и ретроспективные сценарии. Первые типы сценариев исходят из текущей ситуации и описывают возможные варианты будущего развития исходя из имеющихся ресурсов. Вторые –

описывают траекторию «назад к настоящему», отталкиваясь от предпочтительных (или нежелательных) картин будущего, ориентируясь на настоящее, определяют для текущего момента необходимые ресурсы и их оптимальное распределение.

Заключение

В результате классификации кейсов и проведенных подсчетов выяснилось, что показатель среднего экономического влияния от внедрения ИИ по шкале от 0 (min) до 3 (max) по отраслям составляет: позитивное – 1,36; негативное – 0,28. Среднее социальное влияние: позитивное – 1,23, негативное – 0,81. Заметим, что коэффициенты позитивных и негативных эффектов считаются независимо друг от друга, и в них эксперты уже закладывают различные риски.

Первичный анализ показывает, что экономическое позитивное влияние присутствует при внедрении кейсов ИИ в 85,2 % случаев, а экономическое негативное влияние – в 17 % случаев. Социальное же позитивное влияние присутствует при внедрении кейсов ИИ в 72 % случаев, а социальное негативное влияние – в 55 % случаев.

Заметно, что поскольку разработкой и внедрением технологий ИИ в настоящее время занимаются больше коммерческие компании, для которых основным показателем эффективности служит прибыль, положительные экономические эффекты от вне-

дрения ИИ в целом выявлены больше, чем социальные. При этом, как видим, более чем в половине случаев наблюдаются негативные социальные эффекты.

На основании результатов оценки полученной матрицы актуально построить математическую модель оценки степени влияния социально-экономических эффектов с рядом практических приложений:

1) построить сценарии оптимального использования имеющихся ресурсов в сфере технологий ИИ исходя из целевых вариантов развития социально-экономической жизни;

2) предложить рекомендации по использованию наиболее приемлемых сценариев развития социально-экономической сферы Республики Беларусь исходя из целевых ожиданий и имеющихся национальных стратегий и планов развития.

В целом приведенная в статье модель может быть применена в образовании (в учебном процессе, для глубокого понимания причинно-следственного и взаимного влияния различных экономических и социальных процессов), в научной сфере (в процессе построения сценариев развития социально-экономической сферы в условиях повышения роли цифровизации), в сфере государственного управления (для анализа планирования выделения и освоения ресурсов: бюджетных ассигнований, инфраструктурных и людских ресурсов).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М. : Эксмо, 2016. – 208 с.
2. Ито, Д. Сдвиг: как выжить в стремительном будущем / Д. Ито, Д. Хоуи. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 272 с.
3. Беляева, И. Ю. Тенденции развития корпоративного управления в цифровой эпохе / И. Ю. Беляева, Х. П. Харчилава, М. И. Никишова // Управление бизнесом в цифровой экономике : сб. тез. выступлений II междунар. конф., Санкт-Петербург, 21–22 марта 2019 г. ; под общ. ред. И. А. Аренкова, М. К. Ценжарик. – СПб., 2019. – С. 375–377.
4. Никишова, М. И. Роль совета директоров в цифровой трансформации бизнеса / М. И. Никишова // Экономика и упр. – 2018. – № 10 (156). – С. 80–87.
5. World Economic Forum In collaboration with Accenture. Digital Transformation Initiative [Электронный ресурс] // Официальный сайт Accenture. – 2017. – 71 с. – Режим доступа: https://www.accenture.com/t20170411T120304Z_w_/usen/_acnmedia/Accenture/Conversion-Assets/-WEF/PDF/Accenture-DTI-executive-summary.pdf. – Дата доступа: 14.01.2021.
6. Восемь ключевых технологий для бизнеса: как подготовиться к их воздействию [Электронный ресурс] // Официальный сайт PWC. – 2016. – 20 с. – Режим доступа: <https://www.pwc.ru/ru/assets/8-technologies.pdf>. – Дата доступа: 19.02.2021.
7. Цифровая Россия: новая реальность [Электронный ресурс] // Официальный сайт Глобального института McKinsey. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf>. – Дата доступа: 25.04.2021.

8. Доклад о цифровой экономике 2019 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЮНКТАД. – 2019. – 19 с. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf. – Дата доступа: 25.10.2021.

9. Худякова, Т. И. Цифровизация социальных услуг в России / Т. И. Худякова // Интеллектуальные системы управления в цифровой экономике : сб. материалов Форума молодых ученых ; под ред. О. Н. Пронской. – Курск, 2021. – С. 245–248.

10. Андрияшкина, А. С. Совершенствование предоставления гражданам мер социальной защиты в условиях цифровизации социальной сферы / А. С. Андрияшкина, Р. Ю. Ванцев // Цифровая парадигма развития общества: взгляд из будущего : сб. науч. тр. по итогам студ. науч.-практ. конф. ; редкол.: Н. С. Яшин [и др.]. – Саратов, 2019. – С. 85–87.

11. Маликова, А. Х. Цифровизация как мера по повышению эффективности предоставления социальных услуг / А. Х. Маликова // Актуальные проблемы развития правовой системы в цифровую эпоху : материалы Междунар. юрид. науч. симпозиума ; отв. ред. С. П. Бортников. – Самара, 2019. – С. 62–64.

12. Богданов, И. Я. Цифровая экономика и ее риски в социальной защите общества / И. Я. Богданов // ЦИТИСЭ. – 2019. – № 5 (22). – С. 7–14.

REFERENCES

1. Shvab, K. Chietviortaja promyshliennaja rievoliucija / K. Shvab. – M. : Eksmo, 2016. – 208 s.
2. Ito, D. Sdvig: kak vyzhit' v striemitel'nom budushchiiem / D. Ito, D. Houi. – M. : Mann, Ivanov i Ferber, 2018. – 272 s.
3. Bieliajeva, I. Yu. Tendencii razvitija korporativnogo upravlenija v cifrovoj epokhe / I. Yu. Bieliajeva, Kh. P. Kharchilava, M. I. Nikishova // Upravlienije biznesom v cifrovoj ekonomike : sb. tez. vystuplienij II miezhdunar. ronf., Sankt-Pietierburg, 21–22 marta 2019 g. ; pod obshch. ried. I. A. Arienkova, M. K. Cienzharik. – SPb., 2019. – S. 375–377.
4. Nikishova, M. I. Rol' sovieta diriektorov v cifrovoj transformacii biznesa / M. I. Nikishova // Ekonomika i upr. – 2018. – № 10 (156). – S. 80–87.
5. World Economic Forum In collaboration with Accenture. Digital Transformation Initiative [Elietronnyj riesurs] // Oficial'nyj sajt Accenture. – 2017. – 71 s. – Riezhim dostupa: https://www.accenture.com/t20170411T120304Z__w_/usen/_acnmedia/Accenture/Conversion-Assets/WEF/PDF/-Accenture-DTI-executive-summary.pdf. – Data dostupa: 14.01.2021.
6. Vosiem' kliuchievykh tiekhnologij dlja biznesa: kak podgotovit'sia k ikh vozdiejstviju [Elietronnyj riesurs] // Oficial'nyj sajt PWC. – 2016. – 20 s. – Rezhim dostupa: <https://www.pwc.ru/ru/assets/8-technologies.pdf>. – Data dostupa: 19.02.2021.
7. Cifrovaja Rossija: novaja rieval'nost' [Elietronnyj riesurs] // Oficial'nyj sajt Global'nogo instituta McKinsey. – Rezhim dostupa: <https://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf>. – Data dostupa: 25.04.2021.
8. Doklad o cifrovoj ekonomike 2019. [Elietronnyj riesurs] // Oficial'nyj sajt YuNKTAD. – 2019. – 19 s. – Rezhim dostupa: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf. – Data dostupa: 25.10.2021.
9. Khudiakova, T. I. Cifrovizacija social'nykh uslug v Rossii / T. I. Khudiakova // Intielliektual'-nyje sistiemy upravlienija v cifrovoj ekonomike : sb. materialov Foruma molodykh uchionykh ; pod ried. O. N. Pronskoj. – Kursk, 2021. – S. 245–248.
10. Andrijashkina, A. S. Soviershenstvovaniije priedostavlienija grazhdanam mier social'noj zashchity v uslovijakh cifrovizacii social'noj sfiry / A. S. Andrijashkina, R. Yu. Vancev // Cifrovaja paradigma razvitija obshchiestva: vzgliad iz budushchiego : sb. nauch. tr. po itogam studiench. nauch.-prakt. konf. ; riedkol.: N. S. Yashin [i dr.]. – Saratov, 2019. – S. 85–87.
11. Malikova, A. Kh. Cifrovizacija kak miera po povysheniju effiektivnosti priedostavlienija social'nykh uslug / A. Kh. Malikova // Aktual'nyje problimy razvitija pravovoj sistiemy v cifrovuju epokhu : materialy Miezhhdunar. jurid. nauch. simpoziuma ; отв. ried. S. P. Bortnikov. – Samara, 2019. – S. 62–64.
12. Bogdanov, I. Ya. Cifrovaja ekonomika i jejo riski v social'noj zashchitie obshchiestva / I. Ya. Bogdanov // CITISE. – 2019. – № 5 (22). – S. 7–14.

УДК 316.752-053.81«20»(476)

Николай Николаевич Сухотский

канд. социол. наук, гл. советник

*Белорусского института стратегических исследований***Nikolai Sukhotsky***Candidate of Sociological Sciences, Chief Advisor
of the Belarusian Institute of Strategic Research*e-mail: suhotstkiy@bisr.by

УСТАНОВКИ И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

Исследованы установки и ценности современной белорусской молодежи. Проведенные социологические исследования позволяют охарактеризовать социальное самочувствие молодежи, определить ее жизненные стратегии, карьерные ориентации, профессиональные и медийные предпочтения, особенности досуга и образа жизни, социального поведения в Интернете. Предлагается ряд актуальных принципов государственной молодежной политики по повышению эффективности работы с молодежью.

Ключевые слова: молодежь, опросы, установки, ценности, принципы, государственная молодежная политика, Интернет.

Attitudes and Values of Modern Belarusian Youth

The article examines the attitudes and values of modern Belarusian youth. The conducted sociological research allows us to characterize the social well-being of young people, to determine their life strategies, career orientations, professional and media preferences, features of leisure and lifestyle, and social behavior on the Internet. A number of topical principles of state youth policy are proposed to improve the efficiency of work with youth.

Key words: youth, surveys, attitudes, values, principles, state youth policy, Internet.

Введение

Будущее Беларуси напрямую зависит от созидательного потенциала подрастающего поколения при сохранении преемственности жизненных приоритетов и мировоззренческих установок белорусского общества. Молодежь – это активный и заметный социальный слой, от которого зависит экономическое, политическое, социокультурное, демографическое будущее страны. Так, по данным Национального статистического комитета, на 1 января 2022 г. в Беларуси проживало 1 663 261 человек в возрасте 14–30 лет – почти каждый шестой житель республики [1].

Социальная культура и образ мышления молодых граждан формируются под влиянием высококонкурентной и зачастую агрессивной информационной среды. Это создает риски размывания ценностной платформы юношей и девушек, снижает их восприимчивость к традиционным форматам государственной молодежной политики. В связи с этим видение и понимание основных смысложизненных ориентиров молодого поколения может стать основой для совершенствования работы государствен-

ных и общественных институтов, развития конструктивной и созидательной инициативы молодежи [2, с. 24].

В статье проанализированы установки, которые во многом определяют ценностные ориентиры и поведенческие стратегии молодых белорусов. Эмпирической базой являются результаты республиканских социологических исследований, проведенных по заказу Белорусского института стратегических исследований (БИСИ) информационно-аналитическим управлением Академии управления при Президенте Республики Беларусь 22–29 февраля 2020 г. среди населения в возрасте от 18 до 29 лет методом интервью «лицом к лицу» (объем выборки составил 1 590 респондентов) и Центром социально-гуманитарных исследований Белорусского государственного экономического университета 6–20 сентября 2021 г. среди молодежи в возрасте от 14 до 17 лет методом анкетирования (объем выборки – 2 034 респондента).

Социальный портрет молодежи 18–29 лет

По данным опроса, проведенного Академией управления в 2020 г., молодому поколению белорусов в целом свойственно позитивное социальное самочувствие: 83 % юношей и девушек в той или иной мере устраивает их жизнь (недовольных лишь 16 %). Также молодежь с оптимизмом смотрит в свое будущее: 58 % считают, что в течение ближайшего года их жизнь улучшится («пессимистов» только 5 %) [3].

Жизненные принципы молодежи все более отделяются от идеалов, сформированных в советский период, и включают в себя ценности индивидуализма, свойственные рыночной социально-экономической системе. Как отмечает белорусский социолог И. В. Лашук, в молодежной возрастной группе в большей степени активизировались материальные ценности, деловые качества и положение в обществе [4, с. 25]. «Мерилом» жизненного успеха у молодежи в первую очередь является финансовое благополучие: возможность покупать то, что хочется и нравится, распоряжаться собственным имуществом, свободно выбирать род занятий, место жительства и перемещения.

В качестве главного условия, определяющего выбор работы, молодые люди выдвигают величину заработной платы (79 %) и гораздо меньше внимания обращают на другие стороны – хорошие условия и режим труда (55 %). Следовательно, у нынешнего поколения молодежи сложилось восприятие действительности, которое культивирует ставку на успешность, достаток, высокий профессиональный и социальный статус.

Основными устремлениями белорусской молодежи остаются поддержание собственного здоровья (62 %) и крепкая семья (57 %). Решающими факторами для создания семьи являются романтические: любовь и ощущение счастья (68 %), а также возможность жить вместе с конкретным спутником (58 %). Реже молодые люди называют желание иметь детей (47 %), наличие собственного жилья (36 %), личный материальный достаток (19 %) или доход партнера (13 %), жить семьей «как все» (11 %) и др.

Показательно, что семейные установки в 2020 г. впервые с 2009 г. заняли второе место, уступив лидерство заботе о своем здоровье. Данный тренд на снижение прио-

ритета семейных ценностей неслучаен, что находит подтверждение следующими данными. Так, большинство (66 %) молодого населения Беларуси до 30 лет не являются родителями (в 2016 г. – около 60 %).

Представления молодежи о будущей семье существенно отличаются от выявленной демографической картины. Так, более половины молодых людей (55 %) хотели бы, чтобы в их семье было два ребенка. Одинаковое количество респондентов (по 16 %) высказывает стремление завести одного или троих детей.

Материально-бытовые обстоятельства являются основными причинами, способными повлиять на решение молодых граждан Беларуси отложить рождение ребенка. Так, низкий уровень семейного дохода и его снижение при появлении ребенка отметили около 50 %, отсутствие жилья – более 40 %. Заметно реже отмечаются другие обстоятельства: проблемы со здоровьем, моральная неготовность исполнять родительские обязанности, отсутствие достойного партнера (партнерши), взаимопонимания с супругом (супругой), конфликты в семье, недостаточная поддержка государством семей с детьми и др. В целом, чувствуя себя более свободными и гибкими, чем предыдущие поколения, молодые белорусы откладывают период взросления. Это ведет к отсрочке наиболее важных жизненных этапов: выбора профессии, выхода на работу, ухода от опеки родителей, создания семьи, рождения детей. Так, в сравнении с данными 2014 г. у молодежи заметно снизилось значение желаний иметь детей (с 59 до 47 %), особенно среди мужской части (с 64 до 41 %).

Молодые белорусы считают, что образовательно-профессиональные планы и прагматично-конкретные действия являются основными элементами, формирующими их будущее. Юноши и девушки выделяют добросовестную трудовую деятельность, предприимчивость и образованность как главные условия для успешной жизни в Беларуси. Так, чтобы гарантировать себе и своей семье обеспеченное будущее, по мнению молодежи, необходимо в первую очередь много и настойчиво работать (51 %). Реже молодые люди видят перспективы успешной жизни в предпринимательской инициативе (открытии своего дела, занятии бизнесом) – 41 %, образовании (получить

высшее образование, много учиться, постоянно повышать свою квалификацию) – 38 %, а также связях (иметь связи, чтобы получить хорошую работу) – 32 %.

В результате исследования выявлен достаточно высокий уровень вторичной занятости молодежи: 25 % молодых людей помимо основной работы имеет занятие, приносящее дополнительный доход. Однако чаще всего это случайные приработки и заработки (18 %).

От взрослой жизни белорусская молодежь ожидает не только материального достатка, но и самореализации. Непреодолимое желание доказать свою особенность объясняет рост интереса к индивидуальному предпринимательству, собственным проектам («открыть свое дело»), популярность блогерства, фрилансерства и др. Так, при возможности выбора начать свое дело предпочли бы 40 % респондентов. Однако юноши и девушки часто не учитывают высокую конкуренцию, присущую данным сферам, в которых преуспевают и становятся настоящими «звездами» лишь единицы.

Среди проблем для молодежи наиболее актуальными являются традиционные для данной возрастной категории вопросы: сложности с трудоустройством и обеспечение жильем (по 18 %). Заметно реже (менее 10 %) волнуют молодых людей низкий доход, заработная плата, ситуация в сфере образования, распространение наркомании и др.

Молодежь в основном с уважением относится к политическим взглядам старшего поколения, что говорит об отсутствии напряженности между данными стратами общества. В оценке исторических фактов, знаковых для белорусской государственности, молодежь придерживается традиционных, свойственных и их родителям приоритетов. Так, наиболее важным историческим событием для молодых граждан является освобождение Беларуси от немецко-фашистской оккупации (отметили 67 % опрошенных в 2020 г. молодых людей) [5, с. 74].

Белорусская молодежь является достаточно активной социальной группой. Помимо участия в молодежных общественных объединениях, все более привычным полем для самореализации юношей и девушек становится волонтерство, социальное предпринимательство, благотворительные, гуманитарные проекты. Так, большинство

молодых белорусов (60 %) в течение последнего года принимали участие в волонтерских проектах, в деятельности профессиональных и студенческих союзов, благотворительных организаций, физкультурно-оздоровительных и спортивных клубов, творческих коллективов и др. При этом опрос зафиксировал, что в деятельность партий и других политических организаций вовлечено менее 1 % молодых белорусов.

Если говорить об источниках получения информации и о влиянии на молодежь, то прежде всего необходимо отметить активное пользование молодыми людьми Интернетом. Как отмечают российские социологи, Всемирная паутина как источник информации обогнала телевидение в молодежной среде [6, с. 61]. Сеть является главным видом досуга юношей и девушек, предоставляющим им высокую степень свободы и самореализации, позволяющим быть в курсе модных трендов и чувствовать себя комфортно вне зависимости от места проживания.

Ежедневно Интернетом пользуются практически все представители «цифрового поколения», подавляющее большинство из которых (84 %) – активные участники социальных сетей. Более половины молодежи (53 %) посещает развлекательные ресурсы (музыка, фильмы и т. д.) и новостные сайты (52 %), значительная часть (39 %) – интернет-магазины, треть (34 %) – образовательные и научные ресурсы. Каждый пятый молодой пользователь (18 %) проводит время за онлайн-играми, каждый десятый (11 %) – за чтением блогов, ЖЖ (Живого журнала).

Социальный портрет молодежи 14–17 лет

Анализ результатов проведенного Центром социально-гуманитарных исследований БГЭУ в 2021 г. социологического исследования свидетельствует, что в целом белорусские подростки более индивидуалистичны, чем старшее поколение, активны, инициативны, готовы вкладывать в себя и в свое развитие [7]. Для наиболее юных представителей молодежи важно быть не как все, не сливаться с толпой, бороться за свои интересы. Основу выраженных в молодежной среде индивидуалистских ориентаций и прагматических стратегий составляет направленность на получение нематериальных

ценностей (впечатления, эмоции) и повышение качества жизни (экология, здоровье).

Главными жизненными целями белорусских подростков являются достижение делового успеха, построение карьеры (60 %), сохранение и укрепление здоровья (52 %), создание счастливой семьи (50 %). Топ-5 приоритетов дополняет желание стать профессионалом в своей специальности и разбогатеть. По мнению 52 % молодых людей, гарантией их благополучного будущего выступает открытие собственного бизнеса, установка «много, настойчиво работать» (49 %), «много учиться, постоянно повышать квалификацию» (48 %). Таким образом, для большей части молодежи присуще выраженное стремление трудиться и самореализовываться.

Престижная работа в большей степени ассоциируется юношами и девушками с собственным бизнесом и фрилансерством, нежели с государственной службой и «трудовыми» профессиями (на производстве, в сельском хозяйстве, школе). При этом молодежь часто преувеличивает свои способности, желает получить все и сразу. Существует запрос на освоение профессий, которые представляются наиболее «денежными» (программист, юрист, экономист), понимание важности изучения иностранных языков, финансовой и правовой грамотности. У большинства юношей и девушек (62 %) есть опыт зарабатывания денег без помощи родителей и родственников (работа на предприятии, в сельском хозяйстве, торговле).

Ключевыми показателями жизненного успеха для молодого поколения выступают уважение людей (91 %), крепкое здоровье (87 %), хорошая семья, дети (80 %). При этом уважение далеко не всегда отождествляется молодежью с известностью, которая важна лишь для половины юношей и девушек.

В «карте страхов» молодых людей главными выступают опасения остаться без средств к существованию (59 %). Половина молодых людей (50 %) боится не найти своего призвания, не реализовать свой потенциал. Не хотели бы стать жертвой насилия, преступления 42 % молодых людей, превратиться в алкоголика или наркомана – 41 % респондентов. Меньше всего молодежь боится стать жертвой эпидемии, пандемии, ухудшения состояния окружающей среды.

Молодые белорусы привыкли многое ставить под сомнение, что демонстрируется, например, отсутствием высоких показателей традиционной религиозности. При низкой степени веры в сознании молодежи укоренены христианские и гуманистические идеалы: честность, человечность, почитание родителей, готовность к прощению. Наивысшую ценность имеют такие права, как частная собственность и возможность самостоятельно ей распоряжаться (93 %), покупать товары любого производителя, свободно выражать свои взгляды.

Наиболее популярными формами общения с друзьями, знакомыми для молодых белорусов являются встречи с друзьями в парке, на улице (77 %) и общение в сети, мессенджерах (73 %). Меньшей популярностью пользуются встречи на дому (43 %), посещение развлекательных клубов, дискотек, бар, кофеен (20 %), участие в культурно-образовательных мероприятиях (кино, выставки, театры и др.) (19 %), спортивно-туристических мероприятиях (15 %).

В отличие от предыдущих поколений молодежи современные белорусы в возрасте 14–17 лет достаточно большое внимание уделяют как волонтерской деятельности, так и возможности подработки. В частности, за последний год больше половины юношей и девушек добровольно и бесплатно помогали делать какую-то работу. Включиться в данную деятельность молодежи помогают учреждения образования, клубы по интересам (спортивные, музыкальные), молодежные, благотворительные, религиозные организации, медицинские учреждения. По данным опроса, подавляющее большинство подростков вовлечены в занятия спортом, фитнесом или физкультурой (90 %), читают книги (81 %). Для большей части юношей и девушек (63 %) заметной частью времяпрепровождения является просмотр телепрограмм.

Нынешняя белорусская молодежь выросла совершенно в другом мире, чем их родители. Стремительное развитие современных технологий, Интернета, мобильных устройств, компьютеров и других гаджетов влияют на изменение жизненных стратегий, целей и повседневное поведение молодежи. Это характерно для молодого поколения в целом. Так, по данным опросов Pew Research Center (США) за 2018 г., без малого три

четверти родителей (72 %) считают, что их дети отвлекаются на смартфоны в процессе индивидуального общения (30 % наблюдают это часто). Почти каждый третий американский подросток (31 %) признается в том, что постоянно теряет внимание во время обучения, поскольку проверяет что-то в смартфоне [8, с. 173–174].

Осваивая Интернет, молодые люди приобретают технологические преимущества над старшими, что повышает их значимость и востребованность на рынке труда. В интернет-пространстве молодежь является наиболее активной группой. Подавляющее большинство респондентов в возрасте от 14 до 17 лет (85 %) чаще всего заходят в социальные сети. Две трети молодежи (68 %) посещает развлекательные сайты (музыка, фильмы и т. д.). Заметно менее востребованными у молодых белорусов являются сайты с информацией справочного характера, блоги, ЖЖ (Живой журнал) и почтовые серверы.

Наиболее популярными социальными медиа, используемыми белорусской молодежью несколько раз в день, являются TikTok (64 %), Instagram (63 %), ВКонтакте (60 %) и YouTube (59 %). Достаточно востребованными средствами коммуникации являются мессенджер Telegram и Viber: ими ежедневно пользуются 53 и 29 % соответственно. Наименее популярными среди юношей и девушек сетями стали Facebook, Likee, Одноклассники: к ним обращается менее 5 % респондентов.

Характерной поколенческой тенденцией становится нравственная дезориентация как следствие зависимости от интернет-ресурсов, транслирующих «картинку» красивой и беззаботной жизни (ежедневно наиболее востребованы у молодежи социальные сети TikTok, Instagram, ВКонтакте, видеохостинг YouTube). Ряд популярных в молодежной среде блогеров и шоуменов (Влад Бумага, Д. Масленников, М. Литвин) формируют в сознании молодых людей виртуальный мир постоянных развлечений, хайпа, свободный от долга, обязательств, духовных устремлений. Результатом становится нежелание брать на себя ответственность как за собственные действия, так и за жизнь окружающих. Кроме того, как отмечает аналитик БИСИ В. Н. Пунченко, «актуальные тенденции в социальных сетях

свидетельствуют о внедрении более тонких, непрямых способов формирования ценностной «вкусовой палитры» молодежи, основанных на технологиях искусственного интеллекта. В данном направлении, в частности, используются возможности социальной сети TikTok, располагающей мощным инструментарием воздействия на сознание и поведение пользователей, открывая широкие возможности управления массами» [9].

Принципы государственной молодежной политики

Выявленные тенденции могут служить ориентиром для совершенствования работы уполномоченных государственных органов, общественных объединений и учреждений образования с учащейся молодежью. Для эффективного выстраивания дальнейшей работы государства и молодежи важен баланс раскрепощения потенциала, свободы и скоординированности управления молодежной политикой. В качестве основных принципов государственной молодежной политики на современном этапе видятся следующие:

Самореализация. Молодому поколению белорусов важно наличие в стране возможности добиться успеха, что повышает значимость создания государством благоприятных условий, позволяющих молодежи раскрыть собственный потенциал, применить свои навыки и таланты во всех значимых сферах жизни общества.

Открытость. Конструктивный потенциал молодежи состоит в отторжении фальши, имитации, формального подхода. Получение достоверной, объективной информации от представителей власти, государственных медиа, педагогов является принципиально важным для формирования положительного имиджа государства в глазах молодежи и воспитания ее активной гражданской позиции.

Коммуникация. Постоянная обратная связь и «разговор на равных» посредством современных форм взаимодействия позволит молодому поколению почувствовать себя полноправным партнером государства в формировании и реализации молодежной политики.

Сопричастность. Ощущение востребованности является для молодежи сильным мотивирующим и объединяющим фак-

тором. От государства молодые граждане ожидают внимания к себе и своим проблемам, экономического и социального движения вперед, формирования понятных для них жизненных траекторий.

Преимственность. Устойчивая система передачи опыта от старшего поколения к младшему, постепенное омоложение кадров, сохранение уважительного отношения к историческому прошлому и достижениям своей страны, формирование общих для всех поколений целей и задач развития страны и способов их достижения.

Патриотизм. Любовь к Родине, самоотверженность и преданность Отечеству, ответственность за общую судьбу, противодействие попыткам нанести вред стране, готовность защищать свою землю видятся главными постулатами воспитания молодого поколения. Актуализировать данную работу целесообразно посредством современных форм (интерактивных, цифровых, игровых) и образов, привлекательных для молодежи.

Заключение

Белорусская молодежь представляет собой единую по своим ценностям и поведенческим установкам группу, структурированную и оформившуюся организационно благодаря единым каналам коммуникации и достаточно однородной социальной

среде. Ключом к устойчивой мотивации молодежи к социальной активности выступает ее стремление к признанию, самореализации, измеримому результату своей активности. В связи с этим востребованными направлениями могут стать социальное, экологическое, культурное волонтерство, участие в грантовых проектах, государственных бизнес-инициативах.

Для улучшения демографической ситуации требуется усиление социальной политики в молодежной среде в части повышения уровня рождаемости, в первую очередь за счет рождения в семьях второго и последующих детей. Также необходима концепция укрепления института семьи в СМИ и Интернете, популяризации традиций семейных отношений с вовлечением широкого круга организаций от учреждений образования до религиозных институтов.

Реализация обозначенных выше принципов (самореализация, открытость, коммуникация, сопричастность, преимственность, патриотизм) позволит укрепить межпоколенческие ценностные связи, повысить предметность проводимой молодежной политики, подчинив деятельность уполномоченных государственных органов и организаций единой цели – воспитанию динамичной, адаптивной, патриотично настроенной молодежи будущего, готовой участвовать в созидательном развитии Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статистический обзор ко Дню молодежи и студенчества [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2022. – 23 июня. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor_stud_2022.pdf.
2. Ценностный портрет современного белорусского общества: аналитический проект / С. М. Алейникова [и др.] – Минск : Друк-С, 2021. – 55 с.
3. Сухотский, Н. Н. Штрихи к портрету «цифрового поколения»: белорусская молодежь образца 2020 года [Электронный ресурс] / Н. Н. Сухотский // Белорусский институт стратегических исследований. – 2022. – 3 декабря. – Режим доступа: <https://bisr.gov.by/mneniya/shtrikhik-portretu-cifrovogo-pokoleniya-belorusskaya-molodezh-obrazca-2020-goda>. – Дата доступа: 17.10.2022.
4. Лашук, И. В. Социокультурная трансформация современного белорусского общества / И. В. Лашук. – Минск : РИВШ, 2022. – 244 с.
5. Старичёнок, В. В. Нарратив Победы. Великая Отечественная война в исторической политике и общественном мнении Беларуси / В. В. Старичёнок // Беларус. думка. – 2020. – № 7. – С. 70–75.
6. Образ будущего России глазами молодежи : монография / под ред. В. С. Комаровского. – М. : Аспект Пресс, 2021. – 224 с.
7. В БИСИ обсудили жизненные стратегии, ценностные ориентации и социальное поведение поколения Z [Электронный ресурс] // Белорусский институт стратегических исследова-

ний. – 2022. – 3 декабря. – Режим доступа: <https://biser.gov.by/provedyonnyye-meropriyatiya/v-bisi-obsudili-zhiznennye-strategii-cennostnye-orientacii-i-socialnoe>. – Дата доступа: 03.10.2022.

8. Радаев, В. Миллениалы: Как меняется российское общество / В. В. Радаев // Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. – 224 с.

9. Пунченко, В. Н. О динамике ценностей современного общества [Электронный ресурс] / В. Н. Пунченко // Белорусский институт стратегических исследований. – 2022. – 9 июня. – Режим доступа: <https://biser.gov.by/mneniya/o-dinamike-cennostey-sovremennogo-obschestva>. – Дата доступа: 15.10.2022.

REFERENCES

1. Statistichieskij obzor ko Dniu molodiozhi i studienchiestva [Elektronnyj riesurs] // Nacionaľnyj statistichieskij komitet Riespubliki Bielarus' – 2022. – 23 ijunia. – Riezhim dostupa: https://www.belstat.gov.by/upload_belstat/upload_belstat_pdf/oficial_statistika/statobzor_stud_2022.pdf.

2. Cennostnyj portriet sovriemiennogo bieloruskogo obshchiestva: analitichieskij projekt / S. M. Aliejnikova [i dr.]. – Minsk : Druk-S, 2021. – 55 s.

3. Sukhotskij, N. N. Shtrikhi k portrietu «cifrovogo pokolienija»: bieloruskaja molodiozh obrazca 2020 goda [Elektronnyj riesurs] / N. N. Sukhotskij // Bieloruskij institut stratiegichieskikh issliedovaniy. – 2022. – 3 diekabria. – Riezhim dostupa: https://biser.gov.by/mneniya/shtrikhi_k_portretu_cifrovogo_pokolienija_beloruskaya_molodezh_obrazca_2020_goda. – Data dostupa: 17.10.2022.

4. Lashuk, I. V. Sociokul'turnaja transformacija sovriemiennogo bieloruskogo obschiestva / I. V. Lashuk. – Minsk : RIVSh, 2022. – 244 s.

5. Starichionok, V. V. Narrativ Pobiedy. Vielikaja Otiechiestviennaja vojna v istorichieskoj politiki i obshchiestviennom mnenii Bielarusi / V. V. Starichionok // Bielarus. dumka. – 2020. – № 7. – S. 70–75.

6. Obraz budushchiego Rossii glazami molodiozhi : monografija / pod ried. V. S. Komarovskogo. – M. : Aspekt Press, 2021. – 224 s.

7. V BISI obsudili zhizniennyje strategii, cennostnyje orijentacii i social'noje poviedienije pokolienija Z [Elektronnyj riesurs] // Bieloruskij institut stratiegichieskikh issliedovaniy. – 2022. – 3 diekabria. – Riezhim dostupa: https://biser.gov.by/provedyonnyye_meropriyatiya/v_bisi_obsudili_zhiznennye_strategii_cennostnye_orientacii_i_socialnoe. – Data dostupa: 03.10.2022.

8. Radajev, V. Millenialy. Kak mieniajetsia rossiiskoje obshchiestvo / V. V. Radajev // Nac. isslied. un-t «Vyssh. shk. ekonomiki». – M. : Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 2019. – 224 s.

6. Punchienko, V. N. O dinamikie cennostiej sovriemiennogo obshchiestva [Elektronnyj riesurs] / V. N. Punchienko // Bieloruskij institut stratiegichieskikh issliedovaniy. – 2022. – 9 ijunia. – Riezhim dostupa: https://biser.gov.by/mneniya/o_dinamike_cennostey_sovremennogo_obschestva. – Data dostupa: 15.10.2022.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 28.10.2022

УДК 316.334

Лариса Григорьевна Титаренко*д-р социол. наук, проф., проф. каф. социологии
Белорусского государственного университета***Larissa Titarenko***Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Sociology
of the Belarusian State University**e-mail: larissa@bsu.by*

ЦИФРОВЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ В ОЦЕНКЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ*

Выявлены оценки цифровых методов обучения, вошедших в практику высшего образования Беларуси в условиях пандемии, двумя основными субъектами процесса обучения – студентами и преподавателями. В качестве эмпирической базы использован репрезентативный опрос студентов республики; мнения и оценки преподавателей выяснялись по нескольким опросам, проведенным в Белорусском государственном университете. Полученные результаты позволяют оценить успешность адаптации студентов и преподавателей к переводу высшего образования на дистанционные методы, выявить проблемы, затруднявшие этот переход, а также соответствия цифровых знаний и компетенций студентов тем знаниям и компетенциям, которые сегодня востребованы при трудоустройстве, в чем и заключается новизна научного исследования. Практическая значимость состоит в выяснении отношения к цифровизации обучения студентов и преподавателей как двух субъектов данного процесса, без поддержки которых успех перехода на дистанционные методы невозможен. Сделан вывод, что переход к дистанционным методам и овладение цифровыми технологиями проходит в системе высшего образования Беларуси достаточно успешно. Перспективы его дальнейшего продвижения зависят от степени совпадения интересов участников процесса цифровизации обучения с потребностями и возможностями вузов.

Ключевые слова: высшее образование, пандемия COVID-19, оценка дистанционных методов обучения, цифровизация, студенты, преподаватели, восприятие цифровизации.

Digital Methods of Education during the Pandemic Evaluated by the Students and Professors

The purpose of the article is to define how the university professors and students as two major subjects of the learning process evaluate the digital methods of education introduced in Belarus during the pandemic. The effectiveness of digital methods, the quality of digital education and adaptation of the professors and students to these methods have been assessed. It is concluded that the transition of Belarusian system of higher education to distance methods and the mastery of digital technologies are generally successful. The prospects for its further advancement depend on the degree to which the interests of the participants in the process of digitalization of education coincide with the needs and technological capabilities of the universities.

Key words: higher education, COVID-19 pandemic, evaluation of distance methods of education, digitalization, students, professors, perception of digitalization.

Введение

Цифровизация – важнейший составной компонент революции «Индустрия 4.0» и один из приоритетов развития современных стран. Практическая реализация цифровой трансформации в ключевых отраслях экономики, социального управления, повседневной жизни осуществляется в соот-

ветствии с государственной программой, принятой в Беларуси. Эта трансформация включает и сферу высшего образования, в которой осуществляется подготовка кадров для самых разных отраслей экономики, социальной, политической и культурной сфер жизни общества. Несмотря на то что разрывание цифровых процессов требует новых научно-технических разработок, финансов, экономических инноваций, конечный успех может быть достигнут только при условии, что развитие человека и совершенствование его социально-образовательной среды будет находиться в центре внимания управленцев, принимающих ре-

*Статья подготовлена в рамках международного исследования, поддержанного грантом БРФФИ (№ Г21АРМ-020) и при финансовой поддержке Государственной программы научных исследований Республики Беларусь (№ госрегистрации 20211892).

шения на уровне страны, региона, города, учреждения. Иначе говоря, цифровая трансформация, захватывающая в той или иной степени все ключевые сферы социальной жизни и экономики, должна быть человеко-ориентированным процессом. Она должна осуществляться за счет более совершенных средств производства, внедрения новых материалов и механизмов, подготовки необходимых новых кадров и переподготовки уже имеющихся по мере внедрения в труд новых технологий [1]. В конечном счете критерием успешности процессов цифровизации необходимо считать не только рост производительности труда и качества продукции (а в сфере высшего образования – высокие оценки и соответствие содержания образования принятым стандартам), но и повышение удовлетворенности человека от процесса и результатов его труда, улучшение уровня благосостояния и качества жизни [2, с. 68]. В отношении студенчества цифровизация процессов обучения должна приносить его участникам удовлетворенность, делать их жизнь более яркой и содержательной, а получаемые знания и навыки – актуальными, соответствующими потребностям тех сфер жизнедеятельности, в которые молодые специалисты вольются после получения образования.

Исследовательская проблема состоит в выяснении, насколько цифровая трансформация обучения студентов, происходящая под влиянием и в условиях пандемии, эффективна с точки зрения качества получаемого образования и овладения студентами знаниями и компетенциями, которые в значительной мере будут востребованы в любых современных сферах занятости. Такой подход означает, что цифровые методы обучения должны быть приняты и одобрены студентами всех основных направлений обучения (технического, естественно-научного, педагогического, социально-гуманитарного и т. д.). Также представляет практический интерес изучение отношения к цифровым способам обучения профессорско-преподавательского состава, который также является активным субъектом процесса обучения. Преподаватели, как и студенты, должны адаптироваться к использованию дистанционного обучения и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и работать в новых условиях без стресса и тех-

нических трудностей (как показала практика, педагоги невольно столкнулись с ними весной 2020 г. при вынужденном переходе на дистанционные методы обучения).

Управленческая важность проблемы связана с тем, что на основе опросных данных о позитивной или негативной оценке студентами цифровизации (в т. ч. дистанционного обучения) можно прогнозировать их отношение к продвижению цифровизации, к продолжению внедрения дистанционных методов обучения или, напротив, к отказу от них. Эта проблема широко исследуется также в России [3–5], других республиках Евразийского экономического союза, что повышает практическую значимость сравнения полученных нами результатов.

Цель статьи – оценить адаптацию студентов и преподавателей в системе высшего образования Беларуси к цифровизации и перспективы продолжения этого процесса на будущее.

Задачи статьи:

- 1) определить степень овладения студентами цифровыми технологиями и устройствами за период пандемии;
- 2) выявить их оценки эффективности дистанционных методов обучения;
- 3) выяснить отношение профессорско-преподавательского состава к процессам цифровизации обучения;
- 4) сравнить оценки дистанционных методов обучения и цифровых технологий студентами и преподавателями через год и через два после начала пандемии COVID-19.

Мы полагаем, что подобные исследования могут дать важную информацию, необходимую для изучения управляемости процесса цифровизации обучения и его результатов в отношении дальнейшего продвижения ИКТ. Результаты исследования также демонстрируют определенный разрыв в оценках цифровых методов между педагогами и студентами, который необходимо учитывать при рассмотрении перспектив дальнейшего развития цифровизации в обучении.

Основная часть

В исследовании были использованы данные репрезентативного национального онлайн-опроса, проведенного в Беларуси в марте 2021 г. Выборка включала 1 733 студента из всех регионов страны. Согласно

полученным данным, 78 % студентов полностью или частично переходили на дистанционные методы обучения в 2020–2021 гг. Анкета включала 53 вопроса, направленных на выяснение знаний и ИКТ-компетенций студентов, на их оценку цифровизации в повседневной жизни и образовании, отношения к перспективам дальнейшего использования цифровых технологий в вузе.

Для выяснения отношения преподавателей к цифровым методам обучения были использованы данные онлайн-опросов сотрудников Белорусского государственного университета, проведенных неоднократно в 2021 г. с выборкой более 400 человек. Приведенные данные дают представление об оценке процесса цифровизации образования, адаптации студентов к требованиям дистанционного обучения, их мотивации в освоении ИКТ, оценке перспектив цифровизации и ее возможных угрозах. Эти данные сопоставлялись с аналогичными данными изучения цифровизации высшего образования, полученными в российских вузах, чтобы выявить имеющиеся различия или противоречия между ними.

В опросах были выявлены студенческие самооценки по поводу уровня владения цифровыми технологиями и различными цифровыми устройствами. Судя по ответам, 69 % молодых людей свободно владеют персональным компьютером, 42 % – пакетом Microsoft Office, 66 % – электронной почтой, 84 % – поисковыми системами информации Google, Yandex и т. п., 32 % – системами удаленной связи (Zoom, Webex), 35 % – облачными хранилищами. Значимой

разницы в ответах студентов Минска и других вузов республики, студентов разной направленности обучения (естественно-научного, социально-гуманитарного, технического) не обнаружено. На вопрос о том, стали ли студенты владеть цифровыми технологиями лучше за последний год (т. е. за первый год пандемии), по всем технологиям, кроме облачных хранилищ, позитивный ответ превысил 50 %. Увеличилась и практика использования цифровых технологий: за тот же год 99 % студентов указали, что пользовались социальными сетями и мессенджерами, 95 % – интернет-банкингом, 97 % – навигационными системами. Поскольку ответы студентов на вопросы об уровне владения ИКТ и о том, насколько повысился этот уровень за последний год, почти совпали, мы полагаем, что ускоренная цифровизация, связанная с пандемией, способствовала росту их ИКТ-знаний и компетенций. Цифровая трансформация обучения стимулировала почти четверть опрошенных студентов на самостоятельное освоение технических новинок.

Если сравнить данные опроса студентов с данными, полученными в том же году по специалистам с высшим образованием молодого и среднего возраста в г. Минске, то окажется, что их умения работать с базовыми цифровыми технологиями и устройствами принципиально мало отличаются (таблица 1).

Сравним также, насколько часто студенты и специалисты в г. Минске используют наиболее популярные в быту цифровые технологии (таблица 2).

Таблица 1. – Умение работать с базовыми цифровыми технологиями и устройствами?

Технологии, устройства	Студенты	Специалисты
Владение PC, смартфоном, ноутбуком	4,7	4,5
Владение пакетом Microsoft Office	4,3	4,0
Владение электронной почтой	4,6	4,6
Владение системами Google, Yandex	4,8	4,7

Примечание – Источник: архив кафедры социологии БГУ (среднее значение в баллах по 5-балльной шкале, где 1 – «плохо», 5 – «очень хорошо»).

Таблица 2. – Использование цифровых технологий и сервисов?, %

Цифровые технологии, сервисы	Студенты	Специалисты
Социальные сети	99,6	94,4
Мессенджеры	99,6	99,1
Сайты онлайн-покупок	91,4	88,6
Интернет-банкинг	97,5	96,2
Навигационные системы	97,5	95,9

Примечание – Источник: архив кафедры социологии БГУ.

Можно сделать однозначный вывод, что студенты живут в «цифровом мире» и что период пандемии повысил их уровень цифровой грамотности, который в будущем позволит им успешно использовать ИКТ-знания и компетенции в трудовой сфере. Их уровень ИКТ-компетенций мало отличается от уровня компетенций уже работающих специалистов, что дает основание считать обучение достаточно эффективным с точки зрения овладения ИКТ.

Поэтому закономерно, что студенты оценили и дистанционные методы обучения позитивно. Так, 63 % студентов сказали, что им удобно учиться в этом формате, 26 % – «скорее комфортно, чем неудобно». Больше всего их привлекает в дистанционной форме обучения возможность совмещать работу и учебу (77 %), доступность образования для студентов с особыми потребностями (74 %), возможность совмещать учебу дома и в различных университетах за рубежом (по всем этим аспектам позитивно высказалось более 60 % опрошенных). При оценке качества дистанционного обучения 60 % сказали, что что-то улучшилось, а что-то ухудшилось, 10 % сказали, что качество ухудшилось, а 20 % признали его улучшившимся. Что касается перевода на дистанционный формат отдельных видов учебной деятельности, трое из четырех студентов считают, что это возможно в отношении лекций, управляемой самостоятельной работы и консультаций. Практические и семинарские работы готовы перевести в дистанционные менее половины студентов, т. к. они нуждаются в прямом контакте с преподавателями.

Оценивая роль ИКТ в повседневной жизни, 93 % студентов согласились, что цифровые технологии облегчают людям жизнь, упрощают процесс обучения и экономят время; по мнению 90 %, ИКТ создают больше возможностей для развития личности и образования, а 78 % считают, что ИКТ обеспечивают возможности творчества и самовыражения. Студенты хотят в полной мере использовать возможности цифровизации в своих интересах. Что касается потенциальных угроз, связанных с цифровой трансформацией и ИКТ (угроза здоровью и окружающей среде, рост цифровой зависимости, разобщенности людей), с этим согласились от 20 до 40 % респондентов [6, с. 64].

Видимо, студенты абсолютизируют роль ИКТ в обществе и недооценивают риски цифровизации, которые пока либо представляются студентам незначительными, либо вообще не замечаются.

В целом, судя по результатам опросов, отношение студентов к ИКТ весьма позитивное: они признают ИКТ необходимыми и в повседневной жизни, и в обучении.

Приведем типичные высказывания студентов о преимущественных технологиях, которые они успешно использовали в процессе дистанционных занятий (неопубликованные данные интервью, которые были взяты весной 2022 г. и которые подтвердили позитивное мнение студентов о дистанционной форме обучения):

«Полезнее всего была образовательная площадка “Moodle” – унифицированная платформа для обучения всех студентов. Там было легко найти материал, все структурировано по дисциплинам» (студентка-филолог, 21 год).

«Мы использовали образовательный портал, онлайн-лекции в Zoom и Skype, различные задания с использованием персонального компьютера и Интернета, презентации на лекциях. Сама полезная технология – это “Moodle”» (студентка-историк, 21 год).

«В основном Интернет и средства мультимедиа (проекторы и экраны). Все нужно, кроме компьютерных аудиторий, т. к. у всех есть свои ноутбуки» (студент-журналист, 20 лет).

«Самое полезное – это сама дистанционка во всех вариантах: мне очень понравился этот формат» (студент-радиофизик, 20 лет).

Обратим внимание, что не только гуманитарии хвалят такой формат занятий, но и студенты других направлений обучения.

Можно заключить, что цифровая трансформация в условиях пандемии в восприятии студенчества осуществляется успешно, поскольку годичной адаптации к дистанционным методам обучения оказалось достаточно, чтобы эта форма обучения получила широкую поддержку. Исходя из своих интересов, студенты отметили в этих методах много позитивного (доступность учебных материалов на единых образовательных источниках, возможность совме-

щать работу и учебу, сокращение затрат времени на дорогу в вуз и домой и др.).

У преподавателей уровень адаптации в 2021 г. оказался значительно ниже, чем у студентов. Изначально треть преподавателей негативно оценила переход на дистанционное обучение. На наш взгляд, одна из важных причин таких оценок – возраст и отсутствие прежнего опыта использования ИКТ (треть педагогов в опросах имела средний возраст старше 50 лет), необходимость совмещать дистанционные занятия и домашние дела независимо от наличия технических средств и личных умений работать дистанционно. Общее отношение преподавателей к оценке дистанционного обучения [7, с. 357–358]. Только 5 % согласились, что качество обучения при дистанционном обучении повысилось, а 31 % сказали, что это качество снизилось. Даже через год работы оценки преподавателей отличались от оценок студентов. Большинство было готово использовать дистанционные методы для консультаций и самостоятельной работы студентов, менее половины – для лекций и около пятой части – для семинаров.

Приведем несколько типичных высказываний представителей профессорско-педагогического состава из глубинных интервью, взятых весной 2022 г., т. е. спустя два года после начального этапа пандемии. Можно считать, что их уровень адаптации за два года стал выше, чем после первого года, когда осуществлялся анкетный опрос. Поскольку интервью взяты у представителей БГУ, мы считаем сравнение мнений по результатам двух лет корректным. Общий вывод, полученный из анализа глубинных интервью, состоял в том, что даже спустя два года технологическое и цифровое состояние вуза не позволяет применять информационно-коммуникационные технологии в полной мере, хотя основная масса и студентов, и преподавателей уже готовы к дистанционным методам.

«Цифровые технологии полезны для того чтобы сделать занятия более интерактивными, чтобы привлекать студентов. Когда преподаватель просто читает лекции и монотонно говорит в микрофон час двадцать, это не всегда увлекает, поэтому необходимо что-то новое придумывать. Это интересно и для развития преподавателя, потому что ты вначале совершенно не знаешь,

что и как работает дистанционно, а после, когда уже разбираешься, сам активно вовлекаешься в этот процесс» (доцент, филолог, 40 лет).

«Качество образования ухудшилось, т. к. дистанционное обучение расслабило студентов и усложнило процесс контроля их работы» (доцент, журналист, 27 лет).

«На мой взгляд, качество образования осталось прежним, а вот качество подготовки студентов упало. Это происходит из-за низкой мотивации студентов к обучению, сниженной в результате перехода на дистанционные методы обучения» (преподаватель, историк, 36 лет).

«Качество сильно не изменилось. Однако дистанционные методы предоставили больше возможностей для более интерактивного обучения (использование различных платформ, опросов, просмотр роликов по теме), больше времени можно было уделить и общаться» (профессор, математик, 41 год).

«Изначально дистанционные занятия должны были строиться иначе. Во-первых, администрация университета не учла время, ушедшее на переформатирование курсов, в нагрузку. Во-вторых, иногда требовали, чтобы преподаватель вел дистанционные занятия с кафедры, а на кафедре нет микрофонов, веб-камер, удобных посадочных мест. Это возможно из дома, чтобы качество занятий не страдало, а преподаватель не испытывал стресса» (доцент, физик, 38 лет).

«Неудобно вести пару без живой обратной связи от студентов и не видя их лиц. Никакая технология не заменит “живого” семинара со студентами. Лучше усваивается материал, подготовка студентов к занятиям более качественная» (доцент, экономист, 37 лет).

Отметим, что такое двойственное отношение в основном совпадает с оценками дистанционных методов и акцентированием технических и коммуникационных проблем, которые давались преподавателями в других университетах стран постсоветского пространства [8, с. 150; 9].

Таким образом, главные претензии педагогов к дистанционным методам обучения были связаны с продуцированием психологического стресса, отсутствием непосредственного контакта со студентами, ростом собственной нагрузки и недостаточно

налаженной работой Интернета. Также преподаватели острее студентов ощущают потенциальные угрозы цифровизации. На наш взгляд, критика дистанционных методов педагогами также связана с плохим знанием новых методик обучения, базирующихся на цифровых технологиях, и с недостаточной технической оснащённостью образовательной среды вузов.

Тем не менее в настоящее время педагоги нигде не требуют полного отказа от цифровизации. По их мнению, необходимо по возможности совмещать новые цифровые методы с традиционными формами преподавания. В этом отношении они совершенно правы: сегодня смешанные методы обучения – это общемировой тренд в образовании, который, возможно, будет востребованным в будущем [10].

Заключение

Сравнение мнений студентов и преподавателей о цифровых методах обучения выявило слабые места в материально-технической, психологической подготовке педагогов к использованию дистанционных

форм обучения. Уровень адаптации студенчества к дистанционным методам оказался выше, а их мнения более позитивными. Очевидно, нужны дополнительные действия, адекватные для каждого вуза и системы высшего образования в целом, чтобы поднять материально-технический уровень вузов и обучить всех педагогов новым методам обучения.

Результаты исследования подтвердили общие позитивные (хотя и различающиеся) оценки цифровизации процесса обучения в высшем образовании Беларуси. Эти оценки оказались выше, чем аналогичные оценки дистанционных методов в России, где зафиксирован значимый разрыв между регионами [11; 12]. Поскольку Беларусь значительно отличается как по территории, так и по общему уровню технического оснащения вузов, в республике в настоящее время есть больше практических возможностей при необходимости эффективно использовать дистанционные методы обучения без снижения качества получаемых студентами знаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Труд в современной российской экономике: социальное измерение / под ред. В. Н. Мининой, Р. В. Карапетяна, О. В. Вередюк. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. – 240 с.
2. Титаренко, Л. Г. Теоретическая и эмпирическая модели влияния процессов цифровизации на трудовую деятельность / Л. Г. Титаренко, Р. В. Карапетян // Вестн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 5, Эканоміка. Сацьялогія. Біялогія. – 2022. – № 1. – С. 65–73.
3. Васюков, О. Г. Дистанционное обучение: за и против / О. Г. Васюков // *Alma Mater*. – 2021. – № 2. – С. 12–16.
4. Вагаева, О. А. Дистанционное образование – современные реалии и перспективы развития / О. А. Вагаева, Е. В. Ликсина, В. Н. Люсов // *Alma Mater*. – 2021. – № 1. – С. 65–70.
5. Михайлов, О. В. Дистанционное обучение в российских университетах: «шаг вперед, два шага назад»? / О. В. Михайлов, Я. В. Денисова // *Высшее образование в России*. – 2020. – Т. 29, № 10. – С. 65–76.
6. Титаренко, Л. Г. Цифровая трансформация и гуманитарные риски / Л. Г. Титаренко // *Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология*. – 2021. – № 3. – С. 60–66.
7. Титаренко, Л. Г. Гуманитарные риски цифровой трансформации как угроза национальной безопасности Беларуси / Л. Г. Титаренко // *Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь : материалы междунар. науч. конф., Минск, 17 дек. 2021 г.* – Минск : БГУ, 2021. – С. 286–291.
8. Решетников, А. В. Образование в условиях пандемии: векторы цифровой трансформации / А. В. Решетников, Н. В. Присяжная // *Социол. исслед.* – 2022. – № 4. – С. 149–151.
9. Заславская, М. И. О некоторых особенностях гибридной модели обучения в период пандемии на примере вузов Армении / М. И. Заславская // *Вестн. Сургут. пед. ун-та*. – 2021. – Т. 74, № 5. – С. 29–35.
10. Cronje, J. A. Decision Framework for Blended Learning in the Covid-19 Pandemic / J. A. Cronje // *Academia Letters*. – 2021. – Art. 275.

11. Ананченкова, П. И. Дисфункциональность образования в условиях пандемии COVID-19 / П. И. Ананченкова, Н. М. Новикова // *Alma Mater*. – 2020. – № 11. – С. 7–11.

12. Головчин, М. А. Институциональные ловушки цифровизации российского высшего образования / М. А. Головчин // *Высшее образование в России*. – 2021. – Т. 30. № 3. – С. 59–75.

REFERENCES

1. Trud v sovriemiennoj rossijskoj ekonomikie: social'noje izmierenije / pod ried. V. N. Mini-noj, R. V. Karapietiana, O. V. Vieriediuk. –SPb. : Izd-vo S.-Pietierb. un-ta, 2021. – 240 s.

2. Titarienko, L. G. Tieorietichieskaja i empirichieskaja modeli vlijanija processov cifrovizacii na trudovuju diejatel'nost' / L. G. Titarienko, R. V. Karapietian // *Viesn. Hrodzien. dziarzh. un-ta imia Yanki Kupaly. Sier. 5, Ekanomika. Sacyjalohija. Bijalohija*. – 2022. – № 1. – S. 65–73.

3. Vasiukov, O. G. Distancionnoje obuchienije: za i protiv / O. G. Vasiukov // *Alma Mater*. – 2021. – № 2. – S. 12–16.

4. Vagajeva, O. A. Distancionnoje obrazovanie – sovriemiennye realii i pierspektivy razvitija / O. A. Vagajeva, Ye. V. Liksina, V. N. Liusiev // *Alma Mater*. – 2021. – № 1. – S. 65–70.

5. Mikhajlov, O. V. Distancionnoje obuchienije v rossijskikh univiersitetakh: «shag vperiod, dva shaga nazad» / O. V. Mikhajlov, Ya. V. Dienisova // *Vyssheje obrazovanie v Rossii*. – 2020. – Т. 29, № 29. – S. 65–76.

6. Titarienko, L. G. Cifrovaja transformacija i gumanitarnyje riski / L. G. Titarienko // *Zhurn. Bielorus. gos. un-ta. Filosofija. Psikhologija*. – 2021. – № 3. – S. 60–66.

7. Titarienko, L. G. Gumanitarnyje riski cifrovoj transformacii kak ugroza nacional'noj biez-opasnosti Bielarusi / L. G. Titarienko // *Sovriemiennyj mir i nacional'nyje intieriesy Riespubliki Bielarus'* : materialy miezhdunar. nauch. konf., Minsk, 17 diek. 2021 g. – Minsk : BGU, 2021. – S. 286–291.

8. Rieshetnikov, A. V. Obrazovanie v uslovijakh pandemii: vektory cifrovoj transformacii / A. V. Rieshetnikov, N. V. Prisiazhnaja // *Sociol. isslied.* – 2022. – № 4. – S. 149–151.

9. Zaslavskaja, M. I. O niekotorykh osobiennostiakh gibridnoj modeli obuchienija v pieriod pandemii na primierie vuzov Armienii / M. I. Zaslavskaja // *Viestn. Surgut. gos. pied. un-ta*. – 2021. – Т. 74, № 5. – S. 29–35.

10. Cronje, J. A. Decision Framework for Blended Learning in the Covid-19 Pandemic / J. A. Cronje // *Academia Letters*. – 2021. – Art. 275.

11. Ananchienkova, P. I. Disfuncional'nost' obrazovanija v uslovijakh COVID-19 / P. I. Ananchienkova, N. M. Novikova // *Alma Mater*. – 2020. – № 11. – S.7–11.

12. Golovchin, M. A. Institucional'nyje lovushki cifrovizacii russijskogo vysshego obrazovanija / M. A. Golovchin // *Vyssheje obrazovanie v Rossii*. – 2021. – Т. 30, № 3. – S. 59–75.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 18.10.2022

АСОБА

ОН БЫЛ ФИЛОСОФ И ПОЭТ

27 августа 2022 г. Семену Дмитриевичу Шашу исполнилось бы 85 лет. С 1970 г. и практически до конца жизни Семен Дмитриевич работал на кафедре философии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. Для нас, членов этой кафедры, он был замечательным коллегой, другом, собеседником, советчиком.

Семен Дмитриевич родился в крестьянской семье в д. Свищево Каменецкого района Брестской области. Он в полной мере испытал все тяготы и лишения, которые выпали на долю белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления разрушенного хозяйства. Его отец погиб в первые дни войны, и подросток рано познал, что такое тяжелый физический труд.

Учебу после 8 классов пришлось продолжить в школе рабочей молодежи. Работал на железной дороге, затем служил в армии. Он был сыном своего времени, и его

судьба в чем-то типична для молодежи того поколения: после службы в армии Семен Дмитриевич поехал по комсомольской путевке на строительство Днепропетровского шинного завода.

Работая, Семен Дмитриевич одновременно занимался самообразованием, стремился реализовать свою мечту – получить высшее образование. В 1961 г. он поступил на заочную форму обучения философского отделения исторического факультета Белорусского государственного университета. Природные способности, исключительное трудолюбие и целеустремленность в сочетании с существовавшими тогда социальными возможностями и гарантиями реализовались Семеном Дмитриевичем наилучшим образом. Сочетая учебу в университете с работой сначала на рабочих должностях, а затем на педагогической работе в средней школе и профтехучилище, Семен Дмитриевич стал одним из лучших студентов и закончил учебу блестяще: итогом ее стал диплом с отличием и предложение продолжить обучение в аспирантуре при кафедре истории философии. После учебы в аспирантуре Семен Дмитриевич пришел на кафедру как преподаватель.

В августе 1970 г. Семен Дмитриевич Шаш по семейным обстоятельствам переехал в г. Брест и стал работать в Брестском государственном педагогическом институте имени А. С. Пушкина в должности старшего преподавателя кафедры философии и политэкономии. За годы работы сначала в пединституте, а затем в университете в полной мере раскрылся его талант ученого и педагога: он стал известным ученым, одним из ведущих вузовских преподавателей. Его карьера шла по нарастающей: старший преподаватель, доцент, профессор. Семен Дмитриевич отметился и на административной работе: исполнял обязанности заведующего кафедрой философии, был деканом географо-биологического факультета.

Его лекции и семинарские занятия всегда отличались глубиной научного анализа рассматриваемых проблем, педагогическим мастерством, многообразием методических приемов и методов, четкой струк-

турой, творческим подходом. Неслучайно Семена Дмитриевича неоднократно приглашали для чтения спецкурсов в БГУ; он был известен как мастер педагогического труда и за пределами Беларуси. Как исследователь он получил признание научной общественности: ВАК Республики Беларусь присвоила ему ученое звание профессора, в 1985 г. Семен Дмитриевич был избран действительным членом ОО «Белорусская академия социальных наук».

Богатый педагогический опыт Семена Дмитриевича нашел свое отражение и в ряде учебных пособий по истории философии и логике, основным автором и научным редактором которых он являлся.

Так сложилось, что работа в высшей школе профессора С. Д. Шаша была связана с подготовкой будущих педагогов. Преподаватель, который ответственен за подготовку будущих учителей, имеет особый статус: он должен быть и преподавателем, и ученым. Конечно, это относится к любому преподавателю любого вуза, но в Семене Дмитриевиче гармонично и в полной мере сочетались глубина ученого, гибкость педагога и строгость методиста. Каждая его лекция, каждое семинарское или практическое занятие по истории философии, логике, философии изобиловали разнообразием методических приемов, творческим подходом к учебному процессу, глубоким проникновением в суть изучаемых проблем с доступным, четким, логически выверенным языком изложения, умением ставить проблемные вопросы и вести студентов к самостоятельному поиску ответа на эти вопросы.

С. Д. Шаш в ходе многолетнего поиска пришел к выводу об эффективности концептуального подхода в обучении философии. При этом подходе к обучению эффективность его достигается тем, что студенты учатся анализировать и решать конкретные задачи под руководством профессора, под его присмотром. Этот подход обычно так и называют – «learning by watching». «Традиционную» вузовскую лекцию Семен Дмитриевич читал как признанный эксперт в этой области. Его лекции были эмоциональны, отличались ярким языком изложения, четкостью авторской позиции. Занятия профессора Шаша до сих пор помнят бывшие студенты и коллеги, посещавшие их.

Отличительной чертой профессора С. Д. Шаша было его умение работать в группе. Он всегда был душой коллектива, работавшего над общей научной или методической проблемой. Вокруг него объединялись и опытные преподаватели, и молодые: работа рядом с мастером благотворно сказывалась на всех нас. С. Д. Шаш всегда был открыт к сотрудничеству, щедро делился с коллегами-преподавателями своими идеями и мыслями. Многие из них благодарны Семену Дмитриевичу за помощь и ценные советы, которые они получали от Семена Дмитриевича после прочтения им рукописей их диссертационных работ, монографий и статей. Он ничего и никогда не делал формально, всегда был заинтересован в успехе коллег и искренне радовался этим успехам!

Семен Дмитриевич был наделен многими талантами, и если верна известная формула, что талант – это способности, помноженные на труд, то жизнь и деятельность С. Д. Шаша – очень яркое тому подтверждение. Круг его интересов был необычайно широк. Он обладал редким исследовательским даром и смог воплотить свои научные интересы в почти полутора десятилетиях научных работах: монографиях, статьях.

Уже в первой монографии С. Д. Шаша «Генезис античной диалектики (гносеологический аспект)», вышедшей в 1980 г. в издательстве Академии наук БССР, проявился его творческий подход к анализу становления античной диалектики. Он отошел от традиционного и широко распространенного хронологического принципа исследования диалектики античности и сосредоточил свое внимание на ее логическом анализе. Семен Дмитриевич изучил исторические, этнографические, мифологические материалы и на их основе раскрыл внутреннюю логику зарождения и развития диалектических идей в раннегреческом натурфилософском мировоззрении, которое базировалось на догомеровской мифологии, теогониях и эпосе, достижениях в области начал науки (геометрии, астрономии, механики) Древнего Египта и Древнего Вавилона. Он убедительно доказал, что процесс становления диалектической мысли в философии был обусловлен в конечном счете развитием практической деятельности человека. Начала объективной диалектики в представле-

ниях людей о мире были продуктом активного практического взаимодействия человека и окружающей среды. Этот процесс объективно был связан с развитием мышления. И чем сложнее становилось взаимодействие человека и окружающего мира, чем большее разнообразие приобретали отношения в обществе и между разными социальными группами, тем сложнее становились и диалектические представления. Эти представления (вначале интуитивные) преобразовывались в идеальные образования, хотя еще только коллективные, поскольку они не были сразу предметом анализа отдельных индивидуумов. Между такими представлениями существовала не только синхронная, но и диахронная связь, способствовавшая формированию преемственности мировоззрения поколений.

Особое место среди теоретических исследований С. Д. Шаша занимает монография «Человек и этнос. Философский аспект», изданная в Бресте в 1995 г. Этот труд С. Д. Шаша был рекомендован научно-методическим центром учебной книги и средств обучения Министерства образования и науки Республики Беларусь в качестве учебно-методического пособия для студентов. Внимание Семена Дмитриевича к проблеме отношений человека и этноса было вызвано тем, что начиная с конца 1980-х и в 1990-е гг. заметно обострились международные отношения практически во всем мире. Семен Дмитриевич на основе разработанной им субстратно-информационной модели этночного сообщества и человека анализирует в системном плане их природу и сущность, свойства, типы и формы этноцизации.

Этнос, считал С. Д. Шаш, – это качественная определенность человека, такая же, как и его биологическая природа. Но они не рядоположены, а как бы «сращены» в едином системном качестве, причем так, что если природное предшествует генетически, то этническое доминирует функционально. Этносное сообщество – это, по сути, человеческая популяция, имеющая специфический стереотип поведения и населяющая определенное местообитание. Особенности взаимосвязи людей в любом этносе является их взаимная подсознательная симпатия, базирующаяся на общих этнических установках и, возможно, на общем генети-

ческом происхождении. Этносное сообщество, считал С. Д. Шаш, – это система особого типа: открытая, гомеостазно-динамическая, нелинейная, вероятностная, ориентирующаяся, целеустремленная, самоорганизующаяся. Такие характеристики позволяют отнести это сообщество к кибернетическим системам. Но в нем есть и такие свойства, которые не позволяют сделать это однозначно: неравновесное состояние, наличие флуктуаций и согласованное поведение элементов. С учетом этого можно рассматривать этносное сообщество и как синергетическую систему.

Очевидно, что этнический человек не тождественен человеку общественному. Можно сказать, что общественный человек – это трансформированный этнический человек, т. е. человек, лишенный своей природной конкретности, но зато приобретший конкретность всеобщего – конкретность духовного существа (в качестве реального носителя общественного сознания). Человек в своей природе, таким образом, как бы «тройственен»: наряду с биологическим и этническим существует и третий элемент – духовный как продукт и предпосылка общественной жизни. Каждый из этих трех элементов по отдельности не является природой человека, а только лишь характеризует ее с определенной стороны: как специфически организованную, ориентирующую и созидающую жизнь. Взятые в единстве, они составляют внутреннюю определенность человека как родового существа, образуют его «кристаллическую решетку», благодаря чему человек является именно человеком.

Общество, выполняя роль всеобщего, но бережно относящееся к этносу, приобретает прочность этночного сообщества: сплоченность его граждан, патриотизм, приверженность традициям становятся залогом процветания и прогресса. Напротив, там, где общественные связи, войдя в противоречие с этносными, распадаются, зарождается этническая политика, правительство, строится этническое государство. Здесь редко обходится без национализма, поскольку особенное берет верх над всеобщим, и основной заботой такого общества становится не благо народа, о чем громко вещают, а выяснение вопроса: «К какой нации ты принадлежишь?», что, безуслов-

но, является главным источником конфликтов в таких обществах. Что касается самоидентификации человека в процессе его этносизации и социализации, то такого рода рефлексия, по мнению Шаша, через этнические ценности объективно ведет человека к ценностям общественным, а через них – к общечеловеческим. Лишь посредством такой рефлексии человек способен нравственно подняться на тот уровень, когда он может не только сказать о себе, что он сын человеческий, т. е. человек как таковой, но быть им. Следовательно, только те духовные ценности этнических сообществ могут иметь статус общечеловеческих (всеобщего), которые лежат в русле самосозидания человека как родового существа, и это объективируется в общественном сознании. Но для этого само общественное сознание должно быть результатом эволюционно подготовленного снятия особенного (этнического), в противном случае оно окажется гипертрофированным вариантом какого-то этноса, возмнившего себя имеющим эту «всеобщность» и полагающего свои долги навязывать ее всем остальным. Общечеловеческие ценности, следовательно, должны быть свободны от всего того, что препятствует осуществлению этносного человека как родового существа. Такой человек, объективно оставаясь этническим, может одновременно сказать о себе, что он является гражданином мира – и это значит, что всеобщее стало содержанием его особенной свободы.

Считаем нужным заметить, что многие теоретические находки С. Д. Шаша вполне применимы для того, чтобы лучше понять состояние и основные тенденции межнациональных и межкультурных коммуникаций в современном мире, разглядеть причины межнациональных и межкультурных конфликтов и, возможно, определить условия их преодоления.

Среди научных работ Семена Дмитриевича можно выделить цикл его статей, посвященных перспективам развития философии как науки, а также проблемам логики развития историко-философского процесса. Опираясь на философские концепции Аристотеля, Гегеля, Маркса и др., Семен Дмитриевич сформулировал ряд собственных положений, характеризующих логику развития философии как науки.

Ряд трудов С. Д. Шаша (некоторые из них написаны в соавторстве с коллегами при несомненном лидерстве Семена Дмитриевича) – это пособия для студентов, магистрантов и аспирантов. Кроме уже упоминавшегося пособия «Человек и этнос», особое место среди них занимают «Лекции по логике» под общей редакцией С. Д. Шаша. Этот курс лекций написан в соответствии с программой для студентов педагогических учебных заведений и представляет собой весьма удачное изложение классической, аристотелевской логики. Цикл лекций по логике написан ярким, доступным языком, содержит дидактически обоснованные и убедительные примеры, в нем продумана структура каждой темы, включающая теорию, примеры, задания, вопросы для повторения. В этом пособии наряду с изложением законов классической логики содержатся и основные положения математической логики. Книга «Лекции по логике» весьма востребована и пользуется популярностью у студентов Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина.

Можно отметить также и три пособия для студентов, написанные профессором С. Д. Шашем в соавторстве с коллегами по кафедре философии: «История философии в избранных фрагментах с комментариями», которые были изданы в БрГУ имени А. С. Пушкина в 2002, 2003 и 2004 гг. Эти книги содержат фрагменты из произведений выдающихся мыслителей, внесших заметный вклад в развитие европейской философии. Цитаты из основных философских произведений здесь подобраны так, чтобы как можно более глубоко представить основные философские доктрины и школы, отразить сущность фундаментальных проблем философии. Также дается оценка этих взглядов как современниками авторов и их последователями и оппонентами, так и современными учеными. Авторы при написании этих пособий исходили из убеждения, что без умения читать и анализировать философские тексты изучение философии не может быть полноценным, что работа с первоисточниками позволяет почувствовать и оценить оригинальность мыслителя, особенности его стиля, образность и глубину философского анализа, ввести читателя в своеобразную лабораторию его философской мысли.

Конечно же, Семен Дмитриевич был рационалистом: он верил в силу и могущество разума в постижении бытия. Но рационализм и логика философа удивительным образом гармонично сочетались в нем с эмоционально-чувственным. Это другая составляющая личности Семена Дмитриевича, отразившаяся на его жизни и деятельности: он любил и тонко чувствовал природу, увлекался пчеловодством, был заядлым рыбаком, мог часами наблюдать за природными явлениями, подкармливал белок в городском парке, которые доверяли ему настолько, что принимали угощение с рук...

Эмоциональность и гуманизм побуждали его к художественному творчеству: он сочинял сказки для своих внуков, которых нежно любил и о которых заботился, писал для них небольшие по объему, но глубокие по воспитательному воздействию стихи, создавал художественные поэтические философские рефлексии.

Не можем не упомянуть об особом произведении Семена Дмитриевича, напи-

санию которого он посвятил многие годы. Речь идет о его философско-исторической повести «Элевтерия». В этой повести проявились глубокие знания С. Д. Шаша в области философии и истории. В художественной форме здесь описаны проблемы личной и общественной свободы и ответственности человека, вопросы развития философии и философского творчества. Семен Дмитриевич признавался, что образы основных героев он в некоторой степени «списал» со своих коллег, близких, друзей. «Элевтерия» была его «лебединой песней», он завершил написание повести к своему семидесятилетию, и она была издана в 2007 г.

Семен Дмитриевич Шаш остался в нашей памяти как талантливый ученый и непревзойденный вузовский преподаватель. Он достиг значительных высот в своей профессиональной деятельности, а главное, он стал любимым преподавателем для сотен и тысяч студентов, авторитетным в среде своих коллег, признанным Мастером и Учителем.

А. В. Климович,

*кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и экономики
БрГУ имени А. С. Пушкина*

В. А. Степанович

кандидат философских наук, профессор, ректор БрГУ имени А. С. Пушкина (1989–1999)

ХРОНІКА НАВУКОВАГА ЖЫЦЦЯ

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МИФА И РЕЛИГИИ М. ЭЛИАДЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

27 апреля 2022 г. в Институте философии прошел Международный круглый стол «Феноменология мифа и религии М. Элиаде и тенденции развития современного религиоведения: к 115-летию со дня рождения выдающегося мыслителя». Мероприятие было посвящено выдающемуся религиоведу XX в., создателю Чикагской школы сравнительного религиоведения М. Элиаде (1907–1986), внесшему значительный вклад в развитие современного религиоведения, философии мифа и гуманитарных наук в целом, а также теоретическому рассмотрению современных проблем религиоведческого знания. Данный круглый стол явился первым мероприятием подобного рода в Республике Беларусь. Его цель – объединение научных интенций ученых разных стран для обсуждения концепции философии мифа и религии М. Элиаде в контексте развития феноменологии, эпистемологии и онтологии религии, экспликация специфики и направлений развития современного религиоведческого и философского знания, различных религиоведческих дискурсов и школ. В тематических рамках круглого стола было раскрыто философское и культурное значение наследия выдающегося румынского религиоведа, философа и писателя, рассмотрены возможности творческого использования его идей как для развития гуманитарного научного знания, так и для осмысления актуальных проблем современной цивилизации. В мероприятии приняли участие ученые-исследователи из Беларуси и России.

В ходе открытия круглого стола заместитель директора по научной работе Института философии НАН Беларуси А. Ю. Дудчик озвучил приветственное слово академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, академика Александра Александровича Ковалени, в котором отмечалось, что работы М. Элиаде внесли весомый вклад в общемировые исследования религии и мифологии, заложили фундамент оригинальной религиозно-философской концепции. Многие его работы посвящены рассмотрению фундамен-

тальных вопросов сущности мифа и религии, их роли в развитии культуры и цивилизации. Более конкретно это выражалось в исследованиях, посвященных истории религий и формированию структуры мифа как модели представления человека о мире. Изучение проблематики мифологического и исторического описания мира, а также специфики перехода от одной модели к другой во многом обусловило научное признание румынского философа и утвердило его академический авторитет во всем мире. В приветственном слове А. А. Ковалени также отмечалось, что на сегодняшний день работы Мирчи Элиаде не только не утратили своей актуальности, но и требуют переосмысления новыми поколениями ученых. Осуществляется анализ современных мифологических систем посредством его методологических подходов. По всему миру издается множество работ, посвященных исследованию научного и литературного творчества Элиаде. Активная работа в этом направлении проводится и в Республике Беларусь. Прошедшее мероприятие – яркое тому подтверждение. Философское наследие Элиаде представляет значительный интерес для белорусских философов, историков, этнологов, религиоведов.

Директор Института философии НАН Беларуси Анатолий Аркадьевич Лазаревич отметил, что данное мероприятие является знаковым для Института философии НАН Беларуси, а также для всего научного сообщества нашей страны, поскольку является первым круглым столом, проводимым в Институте философии и в Республике Беларусь, посвященным идеям известного ученого. По мнению А. А. Лазаревича, в настоящее время становится очевидной значительная роль религиоведческого дискурса в решении таких вопросов, как духовное самоопределение индивида в трансформирующихся условиях, сохранение культурной, этнической памяти и наследия, выработка стратегий развития культурной, религиозной жизни. Именно сегодня становится все более очевидным возрастающее значение религиоведения, наук о религии как систе-

мообразующего фактора духовного развития современного социума и культуры, и в этом смысле становится особенно актуальным обращение к идеям выдающегося мыслителя М. Элиаде, творческое использование его идей как для развития гуманитарного научного знания, так и для осмысления актуальных проблем современной цивилизации.

Доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси Евгений Михайлович Бабосов, приветствуя участников круглого стола, высказал мысль о том, что в творчестве философа активно культивируется идея синтеза множества центров, что более конкретно выражается в соединении божественного и земного. М. Элиаде выстраивает многогранный, многоаспектный теоретический синтез мироздания и действующего в нем человека. В этом синтезе сопрягаются в единую космологическую целостность божественное и человеческое, сакральное и профанное, вечное и преходящее, земное и небесное, бытие и небытие, абсолютное и относительное. Таковы, по мнению Е. М. Бабосова, отличительные особенности и глубинная сущность гуманистического философско-религиоведческого творчества М. Элиаде.

На мероприятии прозвучали доклады ученых из Амурского государственного университета, Института философии Российской академии наук, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Тобольской духовной семинарии, Русской христианской гуманитарной академии, Института философии НАН Беларуси, Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, Института теологии БГУ и ряда других научных учреждений.

В докладе доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля культуры Республики Беларусь В. А. Салева осмысливается понятие культуры в свете философской концепции М. Элиаде, выделены две значимые темы в наследии мыслителя: философия мифа и философия сакрального. Определено, что философия М. Элиаде открывает новые возможности для направлений гуманитарных исследова-

ний, совмещающих историческое с психологическим, а религиозное с эстетическим.

Доктор философских наук, профессор, главный редактор научно-теоретического журнала «Религиоведение» А. П. Забияко (Амурский государственный университет) поделился опытом своего знакомства с идеями М. Элиаде, отметил взаимосвязь воззрений мыслителя и его жизненного пути, личного, экзистенциального опыта. А. П. Забияко обратил внимание на то, что понятие ностальгии проходит через все творчество ученого. Согласно подходу М. Элиаде, важно вернуться к прошлому; человек способен выйти за рамки истории и времени.

Доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова И. П. Давыдов очертил задачи религиоведческого исследования социальных функций мифа с опорой на методологию П. Г. Богатырева, выделил такие свойства мифа по М. Элиаде, как «быть историей», «быть сакральным повествованием», «быть инструментом познания», «быть реконструкцией священной истории». Главной же функцией мифа является функция «разрушения» индивидуального исторического времени во имя реактуализации «Великого времени» – первоначала всего сущего. И. П. Давыдов подчеркнул, что взгляды М. Элиаде на функции мифа эволюционируют, но их ядро, выраженное в концепции «аспектов мифа», константно.

В выступлении доктора философских наук, старшего научного сотрудника сектора философии религии Института философии РАН Т. С. Самариной отмечалось, что религия – это когнитивная способность человека. Необходимо искать точки соприкосновения между двумя исследовательскими программами – феноменологией религии и когнитивным религиоведением. Феноменология религии делает акцент на взаимоотношениях сознания и мыслительных процессов. Когнитивное религиоведение исходит из того, что все зависит от биологических процессов, поскольку они предшествуют духовному.

Заведующий отделом философии Института научной информации по общественным наукам РАН, кандидат философских наук, доцент С. В. Мельник акцентировал внимание на весомом вкладе М. Элиаде в развитие сравнительного религиоведения.

ния. В его докладе предпринята попытка определения места сравнительного религиоведения в процессах гармонизации межрелигиозных отношений.

Кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси Н. А. Никонович в своем докладе, посвященном анализу онтофеноменологического проекта М. Элиаде, отметила, что современное религиоведческое знание характеризуется эпистемологической многомерностью, постановкой ряда гносеологических и методологических проблем. Она указала на то, что феноменология религии М. Элиаде содержит интенции на рассмотрение религиозного опыта «изнутри», на рассмотрение религиозного во взаимозависимости его структурных констант, как феноменологических, так и субстанциальных. Применительно к исследованию сущности религиозного познания в целом и онтофеноменологическим конструкциям М. Элиаде в частности Н. А. Никонович предложила использовать термин «интро-эпистема» (внутренняя эпистема), которая присуща самой природе мифо-религиозного опыта.

Доклад кандидата философских наук, доцента кафедры философии и специальных исторических дисциплин Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины В. А. Одиноченок был посвящен проблеме времени у М. Элиаде. Время рассматривается как характеристика реальности, указывающая на смену состояний и их длительность. Обычно выделяют две концепции времени: субстанциональную и реляционную. Согласно первой, время существует само по себе, как чистая длительность; согласно второй, оно образуется процессами. «Священное время», о котором говорит М. Элиаде, имеет циклический характер. Оно периодически возобновляется через соответствующие ритуалы. Ритуалы служат воссозданию реальности и «сакрального времени».

Проректор по научной и учебно-методической работе Тобольской духовной семинарии, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент А. А. Горохов исследовал проблемы йахвизма и христианства в религиоведении М. Элиаде. Он отметил, что в современной западной культуре произошла утрата единой цели и смысла ис-

тории, и для выхода из кризиса западная культура должна постигать мир архаических народов.

В выступлении заведующего отделом философии культуры Института философии НАН Беларуси, кандидата философских наук С. И. Санько рассматривалась роль М. Элиаде в доказательстве аутентичного происхождения т. н. дуалистических космогоний в культурах народов Юго-Восточной и Восточной Европы, а также западных и поволжских финно-угров, народов Сибири и Алтая. На основе анализа большого фактического материала из Евразии, Полинезии, Северной Америки М. Элиаде обосновал гипотезу о палеолитическом происхождении ядра космогонических дуалистических мифов, что оказало влияние на изучение балто-славянской духовной культуры.

Проректор по научной работе Института теологии БГУ, кандидат богословия, доцент С. И. Шатравский рассмотрел вопросы о том, чем отличается священное в буддизме от священного в других религиях. Священное в контексте индийской культуры не всегда отождествляется с божественным, а часто просто с достойным и добродетельным. В христианстве священное становится таковым только при его причастности к божественному.

Старший преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и рекламы Белорусского государственного университета культуры и искусств, старший преподаватель Института теологии БГУ М. А. Коденев проанализировал наследие М. Элиаде в контексте деятельности клуба «Эранос». Он отметил, что клуб «Эранос» позиционировал себя как интеррелигиозное объединение. М. Элиаде и программу клуба «Эранос» сближали, по мнению М. А. Коденева, универсалистский подход, стремление уйти от ужаса истории, критика культуры и немодернистская модель мира.

Специалист по учебно-методической работе факультета философии, богословия, религиоведения, помощник ректора Русской христианской гуманитарной академии, магистр религиоведения К. А. Можайская в своем докладе «Феноменология смерти в западноевропейском эзотеризме» указала на то, что смерть рассматривается как принципиально ускользающий феномен. Это контакт двух реальностей: налич-

ной и трансцендентной. Смерть, по М. Элиаде, – это конец одного образа жизни и начало другого, символ перехода из одного состояния в другое, паттерн для всех значимых перемен в жизни человека.

Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси И. И. Морозова проанализировала аспекты литературно-художественного творчества М. Элиаде на примере романа «Майтрейи». Она отметила, что роман написан в жанре автобиографической прозы, традиционно-реалистически, и мистический элемент не становится доминантой, характерной для фантастического реализма М. Элиаде. Роман «Майтрейи» строится на контрасте обыденного европейского и восточного сознания, противопоставлении психологии и социального поведения индианки и европейца, проходящем через любовный роковой поединок.

В заключительном докладе научного сотрудника Института философии НАН Беларуси Д. В. Куницкого прозвучали идеи о специфической встрече православной и западной цивилизаций в рамках формирова-

ния и становления М. Элиаде как личности. В докладе была поставлена проблема проникновения в феноменологию религии, критикуется подход к познанию религиозного через нерелигиозное.

Таким образом, в докладах белорусских и российских участников круглого стола были рассмотрены аспекты литературного творчества М. Элиаде, теоретические проблемы религиоведения, взаимосвязь феноменологии религии и когнитивного религиоведения, а также ключевые вопросы философии мифа и религии М. Элиаде – проблемы времени, сакрального, дуальные космогонии и т. д.

Поднятые на круглом столе проблемы важны как для дальнейшего развития исследований в области философии мифа и религии М. Элиаде, так и для продуцирования новых подходов в религиоведении и сопряженных с ним дисциплин.

Это научное мероприятие послужит отправной точкой в осмыслении конфигураций религиоведческого знания в целом и феноменологического подхода М. Элиаде в частности.

Н. А. Никонович,

*кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник
отдела философии культуры Института философии НАН Беларуси*

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша (не меней за 14 000 знакаў), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкi і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 08.09.2016 № 206). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. боб.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносака.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш, чым 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуравецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў:

- Уводзіны (пастапоўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заклучэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваецца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.
- References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выліска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаванне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.brest.by.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 26.12.2022. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 17,90. Ул.-выд. арк. 14,07. Тыраж 100 экз. Заказ № 433.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.